

Вестник РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Научный и общественно-политический журнал

Актуальные вопросы внутренней и внешней политики

Специальное направление:

*нациестроительство,
отечественный и зарубежный опыт
утверждения национальной идентичности;
исторические этапы формирования
российской нации;
проблематика этнокультурного развития
народов Российской Федерации;
межэтнические отношения
и религиозная проблематика;
федеративные отношения
и региональная политика*

Спецвыпуск 2008–2016

Вестник РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБДУЛАТИПОВ Р.Г.	КАРПОВ С.П.	СУЛТЫГОВ А.-Х.А.
АЛБАКОВА Ф.Ю.	КОВАЛЕНКО В.И.	ТИШКОВ В.А.
АМЕЛИН В.В.	КОКОШИН А.А.	ТОРКУНОВ А.В.
ГОРШКОВ М.К.	КОЧЕТКОВ Е.Е.	ФЕДЯКИН А.В.
ДИСКИН И.Е.	КРЕКОТНЕВ С.Н.	ЧУБАРЬЯН А.О.
ДРОБИЖЕВА Л.М.	МЕЛЬВИЛЬ А.Ю.	ШУТОВ А.Ю.
ЖУКОВ В.И.	МИРОНОВ В.В.	
ЗОРИН В.Ю.	ПИВОВАР Е.И.	

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ:

БАБУРИН С.Н.	КОСАЧЕВ К.И.	РЯХОВСКИЙ С.В.
БАЗАРОВ Б.В.	ЛУКЪЯНОВ Ф.А.	ТОРШИН А.П.
ВАСИЛЬЕВ В.А.	МАРГЕЛОВ М.В.	ЧАПЛИН В.А.
ГАЙНУТДИН Р.	МОРОЗОВ О.В.	ШАККУМ М.Л.
ГУСЕВ П.Н.	НАУМКИН В.В.	ШАХНАЗАРОВ К.Г.
ЖУРАВСКИЙ А.В.	ПЛИГИН В.Н.	ЭНГЕЛЬ В.В.
ИВЛИЕВ Г.П.	ПОРОХНЯ В.С.	ЯЗЕВ В.А.
ИШАЕВ В.И.	РОГОЗИН Д.О.	ЯРОВАЯ И.А.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ОСОО «РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ»

ЗЯЗИКОВ М.М. – Председатель, заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе

АБРАМЯН А.А. – Президент ООО «Союз Армян России»

АБДУЛАТИПОВ Р.Г. – Глава Республики Дагестан

АЛИЕВ М.Д. – Президент ООО «Всероссийский Азербайджанский Конгресс»

БЕЗПАЛЬКО Б.А. – Председатель Правления ООО «Федеральная национально-культурная автономия “Украинцы России”»

БЕЛЕКОВ И.И. – Депутат Государственного Собрания – Эл Курултая Республики Алтай

БОГОМАЗ А.В. – Губернатор Брянской области

БОРИСОВ С.Р. – Председатель Попечительского совета ООО «ОПОРА РОССИИ»

БРОД А.С. – Председатель координационного совета Общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека»

ВАСИЛЬЕВ В.А. – Заместитель Председателя Государственной Думы

ВОДОЛАЦКИЙ В.П. – Депутат Государственной Думы

ГАЛЬЧЕНКО В.В. – Член Центральной избирательной комиссии

ГИЛЬМУТДИНОВ И.И. – Председатель Комитета Государственной Думы по делам национальностей

ДЕНИСОВ В.П. – Руководитель Россотрудничества в Азербайджане

КАЗАКОВ В.Н. – Председатель Совета ФНКА «Белорусы России»

КАТАНАНДОВ С.Л. – Член Совета Федерации РФ

КОРЕПАНОВ С.Е. – Председатель Тюменской областной Думы

КУЛИК Г.В. – Депутат Государственной Думы РФ

МАКСИМОВ А.А. – Основатель и генеральный директор ЗАО «Издания Максимова»

МЕНЬ М.А. – Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства

МОРОЗОВ С.И. – Губернатор Ульяновской области

МОСИН М.В. – Председатель Исполкома ООД «Ассоциация финно-угорских народов РФ»

МИТРОФАНОВА Э.В. – Посол по особым поручениям МИД России

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

МУХАМЕТШИН Ф.Х. – Председатель Государственного Совета Республики Татарстан

МУЦОВЕВ З.А. – Депутат Государственной Думы

НАУГОЛЬНЫХ В.В. – Председатель Пермской классической коллегии адвокатов

ПЕПЕЛЯЕВА Л.В. – Директор Департамента государственного управления, регионального развития и местного самоуправления федерального Правительства

ПИВНЕНКО В.Н. – Депутат Государственной Думы

ПЛАТОНОВ В.М. – Депутат Московской городской Думы

ПОТОМСКИЙ В.В. – Губернатор Орловской области

СВАНИДЗЕ Н.К. – Директор Института Массмедиа РГГУ

ТАРПИЩЕВ Ш.А. – Президент Федерации тенниса России

ТИМЧЕНКО В.С. – Член Совета Федерации

ТХАКУШИНОВ А.К. – Глава Республики Адыгея

ФЕДОРОВ Е.А. – Депутат Государственной Думы

ФОРТЫГИН В.С. – Депутат Архангельского областного Собрания депутатов

ХАРИУЧИ С.Н. – Заместитель Председателя Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого АО

ХЛОПОНИН А.Г. – Заместитель Председателя Правительства РФ, Заместитель Председателя Совета при Президенте РФ по международным отношениям

ШАХНАЗАРОВ К.Г. – Председатель Правления Киноконцерна «Мосфильм»

ШМАКОВ М.В. – Председатель Федерации независимых профсоюзов России

ШТЫГАШЕВ В.Н. – Председатель Верховного Совета Республики Хакасия

ЯКОВА Т.С. – Исполнительный директор Некоммерческой организации «Благотворительный Фонд имени ЗИИ БАЖАЕВА»

ЯКОВЛЕВА Т.В. – Заместитель федерального Министра здравоохранения

Издание Журнала осуществляется при поддержке ФАДН России в рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014– 2020 годы)».

Вестник РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Спецвыпуск
2008–2016 (№ 51)

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Валерий Тишков. Нация и национальная идентичность в 7
России

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ В МИРЕ

Валерий Тишков. Национализм в мировой истории 16

Валерий Тишков. Линии усложнения: Введение к 183
коллективному труду «Культурная сложность современных наций»

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков. Национальная идентичность (о смысле де- 33
батов)

Валерий Тишков. И русский, и российский 44

Валерий Тишков. Этнический фактор и новейшая история 57
государственной этнополитики в России

Валерий Тишков. Историческая наука: новые вызовы и за- 74
дачи для России

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерий Тишков.</i> Национализм и выборные кампании	111
<i>Валерий Тишков.</i> Российская полиэтничность в мировом контексте	130
<i>Валерий Тишков, Валерий Перхавко.</i> Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа контексте	148
<i>Валерий Тишков.</i> О русских (Введение к новому изданию коллективного труда «Русские» в серии «Народы и культуры»)	166

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

<i>Валерий Тишков.</i> Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина)	88
---	----

ДИСКУРС

<i>Валерий Тишков.</i> Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития	102
---	-----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

<i>Валерий Тишков.</i> Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 24 августа 2012 г.	193
<i>Валерий Тишков.</i> Выступление на заседании Консультативного Совета при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями 9 ноября 2012 г.	197
<i>Валерий Тишков.</i> Выступление на заседании Консультативного Совета при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями 6 июля 2013 г.	201
<i>Валерий Тишков.</i> Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 22 октября 2013 г.	204
<i>Валерий Тишков.</i> Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 3 июля 2014 г.	206
<i>Валерий Тишков.</i> Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации 22 апреля 2016 г.	210

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Валерий Тишков

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ¹

В вопросе о формуле и механизмах утверждения национальной идентичности как одной из основ российской государственности среди политиков и экспертов царит путаница, которая сопровождается поверхностными и конфликтными дебатами. Игнорирование или манипуляция вокруг ключевых моментов использования понятий *народ* и *нация* несут серьезные риски для общества и государства. Отметим, что, в отличие от отрицательного смысла, который придается национализму в отечественном политическом языке, *национализм играл ключевую роль в формировании современных государств и в разной степени и в разных вариантах остается важнейшей политической идеологией современности*.

В мировой науке существует целая область исследования национализма. В России национализм и нациестроительство изучаются слабо и

¹ Выступление академика РАН, директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, члена Общественной палаты Российской Федерации В.А. Тишкова на заседании Рабочей группы Президиума Генерального совета ВПП «Единая Россия» по подготовке предложений в сфере национальной политики и межконфессионального диалога на тему: «Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве», 28 февраля 2007 года. Источник: *официальный сайт ВПП «Единая Россия»*, www.edinros.ru

В.А. Тишков – сопредседатель ОСОО «Российская нация», член редакционного совета журнала «Вестник Российской нации». Научные труды, другие публикации автора представлены на официальном сайте В.А. Тишкова www.valerytishkov.ru

со старых подходов. В этом одна из причин существования, как минимум, трех разных взглядов на общество и государство:

1) Россия есть многонациональное государство с населением, состоящим из многих наций, и в этом ее радикальное отличие от остальных государств мира;

2) Россия – национальное государство русской нации с меньшинствами, члены которых могут становиться русскими или же признать государствообразующий статус русских;

3) Россия – национальное государство с многоэтничной российской нацией, основу которой составляют русская культура и язык и в которую входят представители других российских национальностей (народов).

Понимание российского народа как исторического целого и как гражданской нации высказывалось неоднократно, в том числе Президентом В.В. Путиным. Эта формула была позитивно воспринята многими интеллектуалами и политиками как единственно возможная для России и как полностью отвечающая существующему в мире и апробированному опыту существования крупных многоэтнических государств, а также идеологии государственного (гражданского) национализма. Однако в последнее время противники формулы российской нации и сторонники этнического национализма (прежде всего от имени доминирующего народа) явно активизировались, объявив о «провале строительства гражданской нации» в России и выступив с явно политизированными проектами. Представляется, что эта сфера общественной жизни и государство-строительства могла бы обрести более четкие ориентиры, как это произошло в последние годы с экономикой, административным управлением, социальной политикой и военным делом.

Глобальный контекст

В мировой общественной практике утвердилось представление о нациях как территориально-политических образованиях со сложными, но едиными социально-культурными системами. Какими бы не были неоднородными по составу государственные сообщества, они повсюду самоопределяют себя как *нации* и свои государства считают *национальными или государствами-нациями*. Народ и нация выступают в данном случае синонимами, и именно эти категории придают изначальную легитимность современному государству. Представление о едином народе-нации является ключевым моментом обеспечения стабильности и согласия в обществе и залогом крепости государства не в меньшей

степени, чем Конституция, армия и охраняемые границы. Идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, единую систему образования, версию общего прошлого с его драмами и достижениями, символику и календарь, чувство любви к Родине и лояльность государству, а также отстаивание национальных интересов. Все это составляет то, что называют *национализмом в его гражданском и государственном варианте*.

Гражданскому национализму противостоит идеология этнического национализма от имени той или иной этнической общности, которая может составлять большинство или меньшинство населения, но которая определяет своих членов, а не сограждан, нацией и на этом основании требует «собственной» государственности или привилегированного статуса. Различия между двумя типами национализма существенны, ибо этнический национализм основан на идеологии исключения и отрицания многообразия, а гражданский национализм основан на идеологии солидарности и признания многообразного единства. Особый вызов государству и гражданской нации представляет радикальный национализм от имени меньшинств, которые желают выйти из общего государства путем вооруженной сепаратизации. Этнический национализм большинства также несет в себе риски, ибо он может объявить государство исключительной собственностью одной группы. Выступая приверженцем существующей государственности, такой национализм порождает противников данного государства среди меньшинств.

Так, например, в Индии индусский национализм от имени хиндиязычного большинства стал одной из причин внутренних гражданских войн. Поэтому в Индии утверждается понятие индийской нации, хотя в стране существует множество больших и малых народов, языков, религий и рас. Начиная с Ганди и Неру, элита страны и государство отстаивают индийский национализм (название ведущей партии – Индийский национальный конгресс) в противовес национализму хинди и национализму меньшинств. Благодаря этой идеологии Индия сохраняет свою целостность.

В Китае доминирующий народ *ханьцы* и китайская нация (*миндзу*) численно и культурно почти совпадают. Тем не менее, наличие 55 неханьских народов численностью более 100 млн. человек не позволяют говорить о ханьцах как государствообразующей нации. «Великоханьский шовинизм», который подвергал критике еще Мао Цзэдун, представляет угрозу китайскому государству, ибо провоцирует сепаратизм неханьцев и может привести к распаду Китая. Образ китайской нации как всех граждан страны был сконструирован несколько десятилетий

назад и успешно справляется с задачей обеспечения национальной идентичности китайцев.

Аналогичная ситуация двух уровней идентичности (гражданская нация и этно-нация) существует в других странах (Испания, Великобритания, Индонезия, Пакистан, Нигерия, Мексика, Канада и другие), включая Россию. Все современные нации-согражданства имеют сложный этнический, религиозный, расовый состав своего населения. Культура, язык и религия большинства почти всегда выступают основой национальной культуры: английский компонент в британской нации, кастильский – в испанской, ханьский – в китайской, русский – в российской, но нация понимается как многоэтническое образование. Например, в состав испанской нации входят как основное население – кастильцы, так и баски, каталонцы, галисийцы и по этой причине футбольная команда «Барселона» вполне справедливо называется испанской, хотя Барселона – столица Каталонии.

В России реальная ситуация сходная с другими странами, но имеются особенности в обращении с идеологией нации-строительства и в практике использования категории нация. Эти особенности следует учитывать, но они не отменяют мировую норму государство-строительства.

Национализм в дореволюционной России

Легитимность государству придает население, осознающее себя единым народом и обладающее приверженностью своему государству. В России таковым является российский народ (россияне) – понятие, родившееся во времена Петра I и М.В. Ломоносова и утверждавшееся выдающимися деятелями, начиная от Н.М. Карамзина. Когда в XVIII–XIX вв. на основе гражданского национализма формировалось представление о современных нациях в Европе и Америке, в России также утверждалось представление о российской или «общерусской нации» (П.Б. Струве), а слова «русский» и «российский» были во многом синонимами. Слово русский больше относилось к обычаям и культуре, а российский – к понятию народа страны. Так, например, Карамзин писал для императора Александра I следующее:

«Царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве... Мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвер-

дим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях».

Для Карамзина быть россиянином означало прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть «совершеннейшем гражданином». Эта линия понимания российскости на основе русской культуры и православного христианства (не исключая католиков западной части страны и магометан Поволжья!) занимала доминирующее положение по сравнению с этническим национализмом, который был маргинальным не только в центре, но и в регионах, кроме Польши и Финляндии. Как и другие сторонники российского национализма в его либерально-имперском или федералистском вариантах, П.Б. Струве вполне справедливо считал, что «Россия есть государство национальное» и что, «географически расширяя свое ядро, русское государство превратилось в государство, которое будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством» (Русская мысль. 1914. № 12. С. 180).

Но в России были сторонники и узко-этнографического понимания русского, те, кто хотел поставить знак равенства между русскими и великороссами, а в качестве национальной территории предлагал считать традиционный ареал расселения великороссов. По их поводу украинский националист, но сторонник целостности империи М. Драгоманов писал в начале 1870-х годов: «Этот новый род «великорусских сепаратистов» говорит: да Бог с ними, с этими окраинами; нас, несомненно русских, на несомненно русской земле все-таки 30–50 миллионов, будем заниматься своими делами, а окраины пусть живут как хотят! Конечно, останься эти «ультрарусские» без Риги и Варшавы, а чего доброго без Вильно и Киева, они бы почувствовали себя не совсем ловко...» (Вестник Европы. 1872. Май. С. 239).

Процесс утверждения образа России как национального государства «российской многонародной нации» (определение И.А. Ильина) не был завершен к 1917 году не столько по причине многоэтничного состава населения или обширности территории, сколько по причине косности самодержавия и идеологического разброда среди элиты. Тем не менее,

ошибочно считать, что поскольку дореволюционная Россия была империей, то по этой причине она не была национальным государством. В дореволюционной России было представление о национальной территории, национальных интересах и национальной экономике, существовал многочисленный слой образованного и служивого населения разной этнической и религиозной принадлежности, которые считали себя представителями одного российского народа и своим Отечеством считали Россию. Не случайно в ходе революции и гражданской войны противников большевиков объединял лозунг защиты единой и неделимой России. Образ России как лоскутной империи и «тюрьмы народов» утвердился уже в советское время на принципе революционного отрицания прошлого. Современные исследования национализма прежде всего как дискурсивной практики позволяют говорить о России до 1917 г. как о *формирующемся национальном государстве с национальным ядром на основе русскоязычной российской культуры.* Схожей была ситуация во многих других государствах мира, и Россия не представляла собой историческую аномалию.

Оценка СССР и советского народа

В СССР приоритет нации-строительства был спущен с общегосударственного на регионально-этнический уровень. «Национальной государственностью» были названы этнотерриториальные автономии в форме союзных и автономных республик. На основе этнических общностей и регионально-конфессионально-племенных идентичностей были сконструированы «социалистические нации». В советские переписи населения с 1926 г. был введен вопрос о «национальности» как обязательный выбор по одному из родителей. Население страны жестко разделилось по «нациям и народностям», общее число которых менялось в зависимости от процедуры подсчета и политико-идеологических установок. Изменилось содержание понятия *русский*, которым стали обозначать только бывших великороссов, а категория великоросс исчезла из общественной практики, а затем из самосознания людей. В свою очередь малороссы стали называться украинцами, белорусы остались белорусами, но обе группы перестали считать себя одновременно и русскими.

Кстати, между переписями 1926 и 1939 гг. несколько миллионов бывших малороссов предпочли перейти в русских, а не в украинцев. По этой причине число украинцев заметно сократилось, а численность русских выросла даже в регионах, затронутых голодом 1932–34 гг. *Отсюда*

проистекает преувеличение в несколько раз числа жертв голодомора среди украинцев. На самом деле голод затронул жителей страны, независимо от национальности. Это имеет важное значение для исторической оценки голода в СССР.

В СССР единство советского народа обеспечивали формулы интернационализма и дружбы народов. На самом деле это единство в значительной мере держалось на тоталитарно-авторитарной форме управления и на идеологии советского патриотизма. Не называя себя так официально, *советский народ представлял из себя гражданскую нацию, а СССР был национальным государством* не в меньшей мере, чем другие крупные и гетерогенные по этническому составу населения государства, которые считались и считаются национальными государствами (Великобритания, Испания, Китай, Индия, Индонезия, США, Канада, Бразилия, Мексика и другие).

Огосударствление и территориализация этничности вместе с формулой «многонациональности» послужили одним из аргументов в пользу распада СССР во имя «национального» (читай – этнического) самоопределения. Уже после распада советский народ как общность был объявлен химерой, а СССР – «последней империей». Однако исследования показывают, что СССР, несмотря на радикальный разрыв в 1917 г., был продолжением исторического российского государства, несмотря на то, что слово «Россия» исчезло из названия страны, а вместе с ним ушли из языка понятия российского народа и россиян. Советская модернизация и культурная политика, при всех деформациях, оказали позитивное действие на сохранение и развитие малых культур, а общие исторические испытания и достижения способствовали национальной консолидации советского народа в социально-культурном и поведенческом смыслах. По причине существования советского народа *понятие «соотечественник» остается наиболее адекватным в отношении граждан бывшего СССР, сохраняющим свою связь с Россией, и оно не относится только к этническим соплеменникам.* Православный и русско-язычный гагауз из Молдовы в большей степени российский соотечественник, чем иорданский или йеменский черкес, хотя гагаузы не являются современным российским народом, а черкесы являются.

Задачи российского проекта

По инерции политико-правового мышления в Конституции Российской Федерации сохранилась формула «многонациональности», хотя более адекватной была бы формула «многонародной нации». Тем не ме-

нее, Россия не может в третий раз совершать ошибку доктринального характера в ответственном вопросе определения сущности государства и идентичности народа. Исправить текст Основного документа очень сложно, но *необходимо более последовательно утверждать понятия «нация» и «национальное» в общегосударственном и гражданском смысле, не отвергая существующую практику использования данного понятия в этническом смысле.*

Сосуществование двух разных смыслов для такого политически и эмоционально нагруженного понятия, как «нация» возможно в рамках одной страны, хотя первичность гражданской национальной идентичности для ее жителей является бесспорной, как бы не оспаривали данный факт этнонационалисты. Главное – объяснить, что эти две формы общности не являются взаимоисключающими, и понятия *российский народ, российская нация, россияне* не отрицают существование осетинского, русского, татарского и других народов нашей страны. Поддержка и развитие языков и культур народов России должно идти вместе с признанием российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны. Эта новация давным-давно назрела и фактически она уже признана на уровне здравого смысла и повседневной жизни. При опросах и в конкретных действиях гражданская принадлежность, связь с государством и признание российскости являются более важными по сравнению с этнической принадлежностью.

Высказываемое некоторыми специалистами и политиками предложение утверждать в России понятие русской нации вместо российской и вернуть дореволюционное, широкое понимание русских как всех, кто таковыми себя считает, реализовать на практике невозможно. Украинцы и белорусы уже не согласятся снова считать себя русскими, а татары и чеченцы себя таковыми никогда и не считали, но все они вместе с представителями других российских национальностей считают себя россиянами. *Престижность русскости и статус русских можно и нужно повышать не на пути отрицания российскости, а на пути утверждения двойной идентичности (русской и российской), через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских, через содействие их социальному и политическому представительству в российском государстве.*

В современных государствах признается множественная, не взаимоисключающая идентичность на уровне коллективных общностей, и на уровне отдельной личности. Это ослабляет этнокультурные разделительные линии в рамках одного согражданства и способствует национальной

консолидации, не говоря уже о том, что более адекватно отражается самосознание части населения, состоящего из потомков смешанных браков. В России, где треть населения – это потомки смешанных браков, до сих пор сохраняется практика обязательной фиксации единичной этничности граждан, что приводит к насилию над личностью и к жестоким спорам, кто к какому народу принадлежит. При переписи населения 2002 г. нельзя было записаться одновременно казаком и русским, кряшеном и татаринном, помором и русским и т.д., что привело к политическим спекуляциям и к многочисленным жалобам. *В целях национальной консолидации и более полного отражения этноконфессионального многообразия россиян предстоящая перепись населения России должна позволить указывать двойную этническую принадлежность, а у верующего человека целесообразно также спросить религиозную принадлежность.*

В свете новой доктрины не следует жестко ограничивать употребление понятия нация, но при этом само государство должно называть «национальной политикой» политику обеспечения национальных приоритетов и интересов страны, а политика сохранения и управления этнокультурным многообразием должна называться этнической или этнокультурной политикой.

Таким образом, все государства мира считают себя национальными государствами, и России нет смысла быть исключением из их числа. Повсюду среди народа той или иной страны утверждается представление о нации независимо от расового, этнического и религиозного состава населения. Нация – это не просто результат этнокультурной унификации и «длительного исторического формирования», а результат целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как нации, общих ценностях, символах, устремлениях. Такие общие представления существуют в странах с более разобщенным населением, чем в России. В России же существует реальная общность россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка, но усилия значительной части элиты направлены в сторону отрицания этой общности. Эту ситуацию следует срочно менять. Национальная идентичность утверждается через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство. После переустройства основ экономики и политической системы, Российская Федерация нуждается в обновлении доктринально-идеологической сферы обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ В МИРЕ

Валерий Тишков

НАЦИОНАЛИЗМ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ¹

Эволюция взглядов на национализм

Одним из ключевых понятий современной общественной науки и политического языка являются «нация» и «национализм». Их использование имеет свою длинную историю, в течение которой их содержание неоднократно менялось. В мировом обществоведении существуют две доминирующие концепции национализма, при всем их внешнем различии во многом являющиеся сходными.

Первая из них представлена традицией трактовки национализма как явления, порожденного эпохой распространения массового образования и модернизацией. Согласно этому взгляду, суть национализма заключена в коллективистской идее нации как некоем архетипе, воплощающем высшие ценности и составляющем основу государственности и власти. Именно нации позволяют якобы создавать «нормальные» общественные

¹ Статья академика РАН, директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, члена Общественной палаты Российской Федерации В.А. Тишкова «Национализм в мировой истории» подготовлена автором на основе вводной статьи к книге с одноименным названием, вышедшей в издательстве «Наука» в 2007 г. под редакцией В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана.

Валерий Александрович Тишков – сопредседатель ОСОО «Российская нация», член редакционного совета, председатель научно-консультативного совета журнала «Вестник Российской нации». Научные труды, другие публикации автора представлены на официальном сайте В.А. Тишкова www.valerytishkov.ru.

устройства на основе своего «национального самоопределения». Национализм в данном случае оценивается как программа политической мобилизации, узурпирующая основополагающие индивидуалистские ценности и подчиняющая права человека коллективистскому служению нации, которая есть ничто иное, как конструируемая элитными элементами общность, имеющая мало общего с «реальной» этнографией или с социологической реальностью.

Сторонники второго, «критического», направления в изучении национализма склонны рассматривать последний, особенно в его манифестных политических формах, как политическую утопию и нереализуемый сценарий, вызывающий опасные и разрушительные последствия². Такой взгляд на национализм представляется более адекватным, хотя европоцентристская нормативность и жесткое отрицание национализма как некоего «вируса» являются уязвимыми. Как отмечают некоторые авторы «новой волны», в изучении национализма «главным в исследовательских подходах сейчас должен быть отход от нормативного космополитизма, функционализма и... узкоисторического взгляда, свойственных господствующей школе англофонных теорий национализма»³.

Гражданский национализм, основанный на понятии «народа» как территориального сообщества и понятии «нации» как многокультурной политической общности, считается как бы нормой человеческого общежития, по крайней мере, с тех пор как оформилась современная система государств – наиболее мощная из крупных форм социальной группировки людей. Из этой посылки исходят как большинство государственных доктрин, так и международно-правовая практика. Например, безусловным принципом международного права, отраженным в многочисленных декларациях и хартиях по вопросам суверенитета и самоопределения, является дефиниция народа как субъекта самоопределения, именно как «демоса», а не «этнуса», то есть как территориальной, а не этнической общности. Эту достаточно простую вещь никак не могут осознать и внятно объяснить политикам многие отечественные обществоведы, даже из числа тех, кто избрал эти сюжеты сферой своих профессиональных занятий⁴.

² *Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1989; Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990; Pfaff W. The Wrath of Nations? Civilization and the Furies of Nationalism. New York, 1993.*

³ *Smith D. Nationalism and Peace: Theoretical Notes for Research and Political Agendas // Innovation. 1994. Vol. 7, No 3, p. 219.*

⁴ *Права и свободы народов в современных источниках международного права: Сб. документов / Сост. Р.А. Тузмухамедов. Казань. 1995. См. также опубликованные от имени Президиума Российской академии наук тезисы: Международный опыт регулирования национальных отношений // Вестник Академии наук. 1993. № 12.*

Во многих государственных доктринах в той или иной степени присутствуют и считаются морально приемлемыми основы гражданского национализма, причем независимо от степени культурной гомогенности и интегрированности политических сообществ. Иногда этот национализм может обретать гипертрофированные для внешнего наблюдателя, но приемлемые для потребителя формы, как, например, присутствие национальных флагов в классных комнатах и на фасадах частных жилищ, исполнение песни «Америка! Америка!» на похоронном церемониале жертв оклахомского взрыва или заявление лидера республиканцев в Конгрессе США Н. Гингрича: «Пришло для нас время изменить Америку и всю остальную человеческую расу!»⁵. США – далеко не единственный пример целенаправленных и довольно результативных усилий по насаждению идеологии государственного национализма. Хотя результативность – это не просто вопрос консолидации самосознания, но и вопрос социальных условий жизни, политики и даже географии. Но даже при, казалось бы, неблагоприятном социально-культурном фоне государственный национализм существует как доминирующая и общеразделяемая доктрина в большинстве стран, ибо без таковой эти страны просто не могли бы существовать. Примерами могут служить такие многоэтничные страны, как Испания, Мексика, Индия, Нигерия и многие другие.

В то же время в определенные исторические моменты, особенно после окончания Первой мировой войны и вслед за завершением холодной войны, этнический национализм обретал влиятельные позиции в мировой политике, в том числе и, прежде всего, как форма реализации политической воли геополитических соперников-победителей в отношении ослабленных или побежденных регионов и государств. Таковой была вильсоновская доктрина «права наций на самоопределение» применительно главным образом к Центральной и Юго-Восточной Европе в начале XX века. Этим же объясняются отход западного сообщества от хельсинкских принципов и поддержка этнонационализма в конце XX века в регионе бывшего коммунистического мира. В академическом и политико-доктринальном планах это нашло отражение в объяснительной модели «распадающейся империи», которая доминирует в интерпретации событий, произошедших и происходящих на территории бывших СССР и Югославии.

⁵ О новом подъеме национализма в США см.: *Lieven A. An Anatomy of American Nationalism. Oxford, 2004.*

В западной науке, представленной до этого отдельными авторами из числа каталонских, баскских, квебекских, ирландских интеллектуалов⁶, комплиментарный взгляд на этнический национализм ныне нашел более мощную поддержку со стороны академического истеблишмента. Он рассматривает этот вид национализма как закономерную реакцию со стороны культурных сообществ и меньшинств на политический тоталитаризм или нивелирующее воздействие глобальных интеграционных процессов и распространение массовой культуры. Однако такой комплиментарный взгляд распространяется преимущественно на внешний мир и носит более осмотрительный характер применительно к действительности своих собственных отечеств. Мало кто из американских коллег-обществоведов готов отстаивать, скажем, право на самоопределение для гавайской или навахской наций (хотя движения с подобной фразеологией существуют в США), но почти все приемлют аналогичные политические проекты внутри России. Это касается как западной, так и, отчасти, российской общественной мысли. Для последней никакой «подвижки» и не требовалось в силу глубокой включенности основных постулатов этнонационализма в ведущиеся на протяжении многих лет общественно-политические дискуссии и широкой популярности так называемой советской теории этноса.

Попытки создания обеих типов наций – этно-генеалогических и гражданско-территориальных – основаны на культуре и идеологии «национализма». Важно понимать этот дуалистический характер национализма, чтобы объяснить сохраняющуюся привлекательность и способность обслуживать более широкие запросы социально-экономического, политического и идеологического характера. Национализм означает одновременно идеологическую доктрину и обширную символическую субстанцию на основе самых разных сентиментов. Идеология национализма основана на постулате, что мир состоит из отдельных, четко различимых наций, каждая из которых обладает собственным характером. Нация есть единственный легитимный источник политической власти. Каждый индивид должен принадлежать и демонстрировать высшую лояльность одной и только одной нации. Нации должны быть автономны предпочтительно с собственными государствами. Только тогда могут быть обеспечены глобальные свобода и мир. К этой сердцевине националистической доктрины ее приверженцы добавляют самые разные

⁶ *Cardus S., Esfrich J. Politically Correct Antinationalism // International Social Science Journal. 1995. № 144. June. Pp. 347-355.*

темы и аргументы, отражающие особую историю и «характер» каждой нации. У немцев это выступает в виде представления о языковой чистоте, восходящего к германскому романтизму. У русских националистов мы нередко встречаем рассуждения о национально-религиозной миссии панславизма, у африканских – идеи негритюда.

Но есть нечто общее, что можно назвать *культурой национализма*, которая пронизывает политическую доктрину во всех ее вариациях. Это, во-первых, повторяющийся центральный мотив или идеалы автономии, единства и идентичности (самосознания). Во-вторых, это полный набор символов и ритуалов, связанных с драматической репрезентацией нации. Существуют как бы ключевые мотивы, проявляющиеся в писаниях и действиях националистов повсюду, хотя и в разной степени. Нам обязательно говорят, что нация должна иметь свой собственный характер и должна отличаться от всех других (похожих или идентичных наций не бывает). Нация должна быть аутентичной и индивидуальной в национальном смысле. По этой причине нация должна быть «свободной», т.е. действующей автономно на основе «внутренних законов» именно этой абстрактной общности и без каких-либо внешних ограничений. Эти законы и ритмы отражают или выражают безупречное единство гражданского сообщества, где все его члены якобы разделяют общий набор ценностей и представлений и скрепляются общей и единой волей. Братство, семейное равенство и интеграция членов нации являются социальным идеалом как и территориальное и правовое оформление (выражение) нации. Единение граждан в политическое сообщество основывается на мифе фиктивного происхождения и героической судьбы (иногда страдания). Как пишет Э. Смит, «из этих ключевых мотивов вытекает целая гамма символов, которые выражают культуру и вызывают к жизни драматический образ нации. В национальных флагах и гимнах, мемориалах и памятниках, парадах и церемониях, монетах и банкнотах, столицах и местах публичных собраний, искусствах и ремеслах, музыке и танцах, – во всем этом как бы вываривается и формируется гордость и надежда тех, кто обозначается как «общность по истории и судьбе» и кто стремится придать событиям и вылепить себя в образе этих самых идеалов. С этой целью современная нация сограждан должна всегда прибегать к идеализации собственного прошлого, обращаться к мифам об этническом происхождении, линиях преемственности и развитии, и, сверх всего, обретать свои «золотые века», которые определяют ее путь и наделяют ее уверенностью перед лицом неизвестного, а также национальных

героев, чьи заслуги и достоинства вдохновляют подражателей и питают экзальтированную веру»⁷.

Новые смыслы старых подходов

Давняя традиция изучения национализма пережила два наиболее плодотворных этапа уже в новейшее время и в какой-то мере, казалось бы, дала исчерпывающий ответ на тот самый вопрос о неуловимой природе национализма, которую сравнивали с образом «двуликого Януса». Сначала М. Хрох, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Л. Гринфелд и другие в 1970–1980-е гг. раскрыли природу национализма как политического проекта (доктрина плюс основанная на ней практика) и его связь с процессом становления современного государства, развитием капитализма и модернизацией. Затем, отталкиваясь от Б. Андерсона, Р. Брубейкера, Р. Суни и другие последователи теории социального конструктивизма и интерпретативной антропологии убедительным образом показали дискурсивную природу национализма как одной из наиболее распространенных «практик», которая совсем не означает необходимость реификации (вызывание к жизни) социальных реалий, находящихся в центре националистического дискурса. Скорее сама реальность национализма как форма интеллектуальных и политических дебатов порождает не менее жесткие реальности в форме коллективных мобилизаций на основе эмоций, убеждений, веры, рационального расчета и иррациональных побуждений.

Между тем, старые подходы 1960–1980-х гг., связанные, прежде всего, с именами Уолкера Коннора и Энтони Смита, не были сданы ими же самими, а последний произвел своего рода модификацию своей концепции «этнических корней» наций, придав дополнительный смысл понятиям культурной и эмоциональной приверженности «историческим корням». Интерес и уважение к работам У. Коннора продемонстрировали, в частности, организаторы ежегодного съезда «Американской ассоциации по изучению национальностей», когда в программу 2004 г. была включена специальная сессия, посвященная работам этого ученого. Кроме того, старые реалистские подходы оказались затребованными в новой геополитической ситуации, когда нужно было доказать легитимность так называемых «национально-освободительных движений» или борьбы за

⁷ *Smith A. The Politics of Culture: Ethnicity and Nationalism // Companion Encyclopedia of Anthropology. Humanity, Culture and Social Life. Ed. by Tim Ingold. L.-N.Y.: Routledge, 1998. P. 726.*

«национальное самоопределение» от имени «не самоопределившихся наций» в рамках бывших СССР и Югославии. Этот запрос сохраняется и поныне в западном экспертном сообществе, но с выборочной направленностью: в отношении одних наций можно допустить, что это «воображаемые сообщества», в отношении других вопрос ставится иначе. Этот вопрос сформулировал директор так называемой «Новой атлантической инициативы» Радек Сикорский на конференции по теме «Катастрофа в Чечне», прошедшей в Вашингтоне в декабре 2004 г. (уже после Беслана!): «В какой мере Чечня – это проблема терроризма, и в какой мере это есть традиционная национально-освободительная борьба?». Отсюда должно быть понятно, что не «воображаемые сообщества», а «примордиальные нации» типа чеченской нации ведут борьбу за свое национальное освобождение и самоопределение.

Следовательно, желание использовать трактовку национализма как программу и как оружие борьбы конкретных исторических субъектов под названием нации за свои освобождение, статус, интересы и права оказывается очень востребованным в новых геополитических соперничествах. Именно это политическое обстоятельство продлевает жизнь традиционным интерпретациям, которым обучены не только старые профессора и их студенты, но и политики и общественные активисты вышеупомянутых «движений» и «борьбы». «Мы стали называть себя единой «нацией Дене» вместо старых племенных названий, чтобы все аборигенные группы Северо-Западных Территорий получили от канадского правительства территориальное самоуправление и другие права», – заявил автору статьи 20 лет тому назад индейский лидер Уильям Кафки, когда тот проводил свои исследования в Канаде. «У нас настроение революционное. Всю жизнь нас обучали, что такое национально-освободительные движения и революции», – сказал автору Таймаз Абубакаров, министр в правительстве Дудаева и руководитель чеченской делегации на переговорах в декабре 1994 г. Однако если тех, кто в Канаде и США посмел бросить вызов существующему государству, посадили в тюрьму как «сепаратистов», то тех, кто встал на путь вооруженной сепарации в России, назвали «борцами за свободу». Похоже, что политические симпатии в пользу избранных «борющихся наций» (грузин, украинцев, эстонцев и других бывших советских меньшинств) будут сохраняться еще очень долго, так же как будет сохраняться взгляд на аналогичные ситуации (абхазы, южные осетины, курды и другие) как на внешне манипулируемые мобилизации.

Есть еще одно важное обстоятельство, продлевающее жизнь традиционному взгляду на национализм. В рамках новой исследовательской парадигмы «постколониальности» многие историки, антропологи, политологи из стран Азии и Африки, а также западные ученые, выходцы из бывших колониальных стран, с большой пользой эксплуатируют концепт национализма для изучения ранних форм антиколониальных движений этнокультурного характера и тем самым для дополнительной легитимации нынешних зачастую достаточно неустойчивых национальных государств. Постколониализм как концепт оказался интеллектуальной подпоркой для обоснования этнических и других партикулярных корней новых национализмов в странах Азии и Африки, причем, в обеих его ипостасях – гражданской (индийский, индонезийский, ланкийский национализмы) и этнокультурной (бенгальский, сингальский, тамильский национализмы). Здесь исследовательское поле только еще разрабатывается, и сегодня число специалистов по национализму в Индии или в Индонезии уже превышает число их коллег в Великобритании или США. Безусловно, что развитие местных сообществ в зонах колониального мира или в протогосударственных сообществах неколонизованных регионов, включая некоторые формы «высокой культуры», как, например, письменность и газеты у индейцев Флориды до европейской колонизации или существование и деятельность бенгальской элиты в период британского колониального господства, представляют большой интерес для истории.

Государство в изучении национализма

На 15 сентября 2005 г. поисковая система Google обнаружила в Интернете 13 800 000 ссылок на слово «nationalism», а русскоязычная система «Яндекс» дала более 400 000 страниц ссылок и около 1 500 сайтов, содержащих понятие «национализм». Между тем, под изучение национализма (nationalism studies) все больше попадают темы и сюжеты, имеющие косвенное отношение к национализму и сами по себе представляющие самостоятельные исследовательские поля для разных дисциплин – от истории до политологии. Так, например, в исследовательское поле национализма оказался втянутым такой организующий концепт и политическая субстанция как «государство» по той причине, что все государства пребывают в категории «национальных государств» или «наций-государств» и, конечно, проводят политику национальной консолидации и обеспечения национальных интересов. В более ранней

работе⁸ автор уже высказывался по поводу того, что возникшее в эпоху формирования современных государств понятие «национальное государство», как и понятие «государство-нация», имели смысл только в противопоставлении их уходящим с исторической сцены политическим образованиям, основанным на божественном происхождении верховной власти и на их имперской (точнее, императорской) форме. Странным образом это обозначение дожило до сегодняшнего дня, по сути, утратив свой сущностный смысл, ибо сегодня уже нет государств, которые не самоопределяли бы себя как национальные государства, имея при этом многоэтнический состав населения. Моноэтнических государств в мире не существует, как их не существовало и в прошлом. В тех редких случаях, когда используется термин «многонациональное государство», как, например, в Российской Федерации, это на самом деле означает «многоэтническое государство», ибо в России термин «нация» отдан в исключительное владение населяющих страну этнических общностей. Но в остальных своих базовых проявлениях (территория, гражданство, конституция, институты власти, законы, идеология, образование, символика, идентичность) Россия – есть национальное государство, образованное многоэтнической российской нацией (*россияне*), а не «государство-образующими» русскими, татарами, чувашами и другими этническими общностями. Равно, как Великобритания – есть национальное государство британской нации, а не англичан, шотландцев, ирландцев или уэльсцев, а Испания – есть национальное государство испанской нации, а не кастильцев, каталонцев или басков. Едва ли найдется хотя бы одно государство из входящих в состав Организации Объединенных Наций, готовых объявить себя или согласиться с тем, что оно является «не национальным государством» по той причине, что его население состоит из граждан разной этнической (расовой, религиозной) принадлежности.

Таким образом, многолетние и изнуряющие исследования того, как и когда формируются национальные государства и какие из них до сих пор ими не стали или не могут таковыми считаться («нация не сформировалась», «единый рынок не сложился» и т.п.), в силу изначально ошибочной задачи не могли принести удовлетворительные результаты. В действительности имеет место исторический процесс (или эпоха) формирования и редких случаев распада государств современного типа с разной формой политического устройства, в которых в разное время, с разной долей успеха и в разных формах совершаются политические и

⁸ См.: *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 134-174.

идеологические усилия по утверждению концепта единого народа или нации (кстати, в большинстве стран мира последнее слово даже и неизвестно). Делается это для обеспечения необходимой солидарности, лояльности и даже любви и преданности населения «своему государству» в целях более эффективного управления, организации общественной жизни, обеспечения внутреннего согласия и внешней защиты (без лояльности граждане не пойдут служить в армию, а без патриотизма не пойдут воевать). Эти усилия стали необходимы с момента ухода с исторической арены государств старого типа, когда источник власти и легитимность государства определялись «помазанником Божиим» и «хозяином земли Русской» (как это было в Российской империи). Именно с этим связано почти обязательное появление понятия народа (нации) как суверена и источника власти.

Некоторые исследователи возводят начало национализма в том или ином государстве не к появлению самого слова «нация», а к появлению в общественном дискурсе понятия «народ». Так, например, Лиа Гринфелд, американская исследовательница истории национализма в разных регионах мира, полагает, что в России национализм рождается с появлением объединяющего и внеэтнического понятия «российский народ», т.е. во времена М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина⁹. Последний, как известно, написал специальный очерк «О российском народе». Ясно, что это еще было время преобладающей неграмотности, многоязычия и многобожия, если говорить о массе населения, которое никак не могло осознавать себя единым российским народом. Но это было время именно появления элитных усилий по использованию и внедрению самого концепта, который подвергался постоянным вызовам со стороны приверженцев партикулярных (этнических, регионально-местных, религиозных) идентичностей. Если мы признаем дискурсивную природу *национализма без нации*, а не некую идеологию существующего коллективного тела под именем «нация», тогда такой подход к выявлению корней и природы национализма приемлем. Но, к сожалению, многие исследователи исходят из реалистского (эссенциалистского) мировидения: если есть национализм, то должна и быть реальная нация или же общность на пути к тому, чтобы стать нацией.

Например, бесплоден поиск ответа на вопрос (его задают исследователи или сторонники государственного/гражданского национализма),

⁹ *Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.*

когда Франция стала национальным государством, обретя тем самым, якобы, некое новое качество по сравнению с прежним, или на вопрос в другом варианте (его задают исследователи и сторонники этнического национализма) – когда французская нация обрела «свое» национальное государство? Известно, что Франция больше, чем какое-либо другое государство, «озабочено» проблемой нации и в какой-то степени является родоначальником самого концепта нации как согражданства (так называемое якобинское понимание нации). Во время Второй империи и Третьей республики (вторая половина XIX века) вопрос об утверждении французской идентичности и своего рода пропаганда единой французской нации и ее культурного превосходства были одними из главных приоритетов власти и интеллектуальной элиты. Немецкий историк Вольфрам Кайзер убедительно показал это на примере французского участия во всемирных выставках: «В 1855 году, когда первая всемирная выставка прошла в Париже, французский язык на самом деле был чужим языком во многих частях Франции, где существовали региональные языки и местные диалекты. Многие французы были неграмотны, и национальная печать развивалась очень медленно. Короче, патриотические чувства не казались столь естественными для многих жителей страны, особенно за пределами Парижа. В 1855 году французская нация еще во многом оставалась воображаемой общностью и существовала, прежде всего, в умах политической и культурной элит»¹⁰.

Элитное происхождение национализма, казалось бы, сегодня признается всеми. Одновременно остаются популярными трактовки М. Хроха и Э. Геллнера об успешном рекрутировании массового сознания в пользу идеи нации и выдвигаемых от имени нации политических проектов. Приведем замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: «На уровне самосознания национальная принадлежность – это вопрос веры. Нация, представляемая националистами как «народ» (*volk*), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порождаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффектив-

¹⁰ *Raiser W. Vive la France! Vive la Republique? The Cultural Construction of French Identity at the World Exhibitions in Paris 1855–1900 // National Identities, Vol. 1, No. 3, 1999. P. 227.* Самое обстоятельное и для своего времени пионерское исследование на эту тему см.: *Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford CA, 1976.*

ным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»¹¹.

Действительно, судя по последним исследованиям, для «возникновения нации» одной элитарной идеи бывает недостаточно. Греческий историк Ставрос Бороз в своей статье в журнале «Национальные идентичности»¹² установил, что во второй половине XIX века внедряемая высшими слоями общества и бюрократиями национальная символика далеко не так уж и захватывала «массы». В Лондоне национализм и национальные символы связывались с респектабельностью и совсем не затрагивали интересы и чувства бедных и большинство неграмотного населения. В Афинах упор греческого национализма на неоклассицизм и на мобилизацию греческого классического прошлого совсем никак не отразились на простых людях, для которых все это классическое наследие, включая язык Гомера, были пустым звуком. Общность среди греков и афинян появляется только ко времени балканских войн и Первой мировой войны, когда простые солдаты узнали друг о друге, о других местах и обычаях и составили более широкое представление о том, что есть их страна «Греция». В Лондоне только миграция в центральную часть города из пригородов и из других мест благодаря дешевому транспорту породила ощущение общности и придала смысл национализму, ибо теперь он начал что-то значить конкретно для простого человека, чем просто распевание гимна или ношение Юнион-Джека.

Установление момента и характера «нации-образования» (*nation formation*) или «нациестроительства» (*nation-building*) – вопросы, которым посвящены сотни книг и тысячи статей. Но, по сути, это не вопросы состояния коллективных тел и определения их «зрелости» по неким признакам (как узнают по цвету, созрела ли тыква). Это есть вопросы изучения *дискурса по поводу нации*, прежде всего элитных усилий по утверждению общегражданской идентичности под объединяющим словом «нация». Реальная культурная гомогенность населения страны или же характер власти (империя, монархия, республика, колония и прочее) к установлению того, «когда есть нация», отношения не имеют. Тем самым, было бы целесообразно из современной исследовательской повестки исключить все эти устаревшие дебаты, которые лишь косвенным

¹¹ *Eriksen T.H.* Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspective. London, 1993. P. 105.

¹² *Boroz S.* National Symbols and Ordinary People's Response: London and Athens, 1850–1914 // *National Identities*. Vol. 6, № 1, 2004. Pp. 25–41.

образом касаются вопросов изучения исторического характера и типологии государств.

Этничность в изучении национализма

Под исследования национализма попадает также феномен этничности и обширное поле этнических штудий (*ethnic studies*). Причина здесь все та же: этничность в своей политической форме очень часто обращается к категории «нация», равно как и гражданские сообщества, в которых присутствует соответствующий дискурс, обращаются к образу единой культуры или единых этнических корней («этнические корни наций», если использовать название книги Э. Смита¹³). Первоначально это было характерно только для Европы, где родились сама эта категория и ее двойной смысл: якобинский (как согражданство) и австро-марксистский (как этнонация). Правда, Б. Андерсон – один из наиболее проницательных исследователей национализма – использовал в своей известной книге исторический материал XVIII–XIX столетий по странам Западного полушария¹⁴. В XX веке «национализированная» этничность распространилась по всему миру, затронув как большие этнические сообщества, желающие обрести доминирующий статус в рамках существующего политического порядка или же стремящихся разрушить статус-кво и обрести собственную государственность, так и малые, включая так называемые «аборигенные» культуры. Так, например, метафору «первых наций» стали активно использовать аборигенные общины Америки, Азии и Австралии. Как только в политическом лексиконе этнической мобилизации появляется категория «нация», так почти все эти случаи оказываются объектом изучения национализма в его втором основном варианте – этнического национализма.

Однако в какой мере оправдано вовлечение в проблематику национализма изучение прошлых и современных форм коллективной идентичности и солидарности, а также их политических проявлений, основанных на реальных или мифологизированных представлениях о культурном единстве и древних этнических корнях тех или иных групп населения и даже изолированных популяций? Э. Смит поместил в своей книге в качестве иллюстрации «древних европейских наций» карту политиче-

¹³ *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. Blackwell: Oxford, 1986.

¹⁴ *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991. Русский перевод: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

ских и протополитических образований в Европе в начале XVII века. Это – сотни княжеств, городских и торгово-коммерческих образований, других административно оформленных территориальных сообществ, из которых со временем сложились разными путями, но чаще всего «огнем и железом», современные европейские государства. Однако прямого отношения к неким этнически гомогенным единицам, т.е. к социальным группировкам людей на основе одного языка и одной культурной традиции, эти образования не имеют. Они основывались, прежде всего, на принципах сеньориальных, династических, религиозных или же просто на политической воле завоевателей и той или иной степени лояльности рядовых членов этих образований, а также интересах протоэлит. При близком рассмотрении культурная схожесть оказывалась далеко не на самом важном месте, если только это не была приверженность вере.

Приведем один из примеров некорректности поиска корней наций и национализма в неких древних этносах, которые уже, якобы, имели не только коллективное самосознание, но и солидарное поведение и политические образования, т.е. представляли собой протонации. Многие отечественные историки и активисты современного национализма склонны как бы опрокидывать в прошлое представления о гомогенных этнических сообществах, которые достаточно легко устанавливаются в условиях нынешней политизированной этничности, пережившей эпоху модернизации. Татарская националистическая версия считает Булгарское государство и Золотую Орду ранними политическими образованиями татарского народа¹⁵. Русско-центристская историческая версия считает Новгородское княжество и Московскую Русь русскими государствами. Обе сходятся в том, что Куликовская битва 1380 года была битвой русских с татарами. На самом же деле Золотая Орда была многоэтническим образованием с преобладающим кипчакским (половецким) языком общения, и в ее состав входили десятки, если не сотни, различных этнических общностей. Новгородское княжество было своего рода конфедерацией славянских и угро-финских народов, а Московская Русь была еще более многоэтническим образованием. На Куликовом поле сражались не русские с татарами (такие коалиции были невозможны), а сторонники централизованного государства и его противники. В войске Дмитрия Донского были татары, в стане Мамаю были и русские¹⁶. При этом следу-

¹⁵ Об этом см.: *Shnirelman V. A. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia.* Washington D. C., Baltimore & London, 1996.

¹⁶ *Травин Н.* «В стане Мамаю были в том числе русские, в стане Дмитрия Донского – татары» // *Известия*, 16 сентября 2005. С. 17. См. также: *Хакимов Р.* *Метаморфозы духа* (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань: Идел-Пресс, 2005. С. 210.

ет учитывать, кого именно считали русскими и татарами современники и какое меняющееся содержание в эти обозначения вкладывают последующие поколения обозревателей и аналитиков. Ясно одно, что этнически гомогенных государств на территории нашей страны не существовало, ибо этничность не была политически организующим принципом.

Еще меньшую роль этничность, а тем более этнические сообщества (если таковые вообще существовали как самосознающие себя по этому принципу социальные группировки людей) играли в древние времена, т.е. до эпохи средневековья. Тем не менее, российская исследовательница В.П. Буданова составила обширный реестр встречающихся в античных и раннесредневековых источниках групповых названий, представив их как карту реально существовавших народов-этносов эпохи «великого переселения народов»¹⁷.

Институализации изучения национализма и перспективы

Безграничной экспансии исследовательского поля национализма способствуют некоторые «неаккуратные» научно-организационные формы в виде ассоциаций и журналов многочисленных специалистов по национализму. Так, например, созданная в 1990 г. при Лондонской школе экономики и политических наук «Ассоциация по изучению этничности и национализма» издает журналы под названием «Нации и национализм» и «Исследования по этничности и национализму». Хотя, как мы видели, этнонационализм действительно апеллирует к этничности, этническая тематика этим отнюдь не ограничивается, равно как национализм не сводится к одной из своих форм. Поэтому объединение двух смежных полей (государство и этничность) в рамках единой тематики национализма вряд ли оправдано. Издаваемый под редакцией Э. Смита журнал «Нации и национализм» вообще считает, что национализм – это центральная проблема современного мира, особенно после распада СССР. Тем самым, одна из центральных тем историографии нового и новейшего времени – формирование коллективных идентичностей по государству или по этнической общности, которая далеко выходит за рамки национализма как такового, попала в эту категорию. А причина для такой расширительной трактовки опять же кроется в языковой тра-

¹⁷ Буданова В.П. Варварский мир эпохи великого переселения народов. М.: Наука, 2000.

диции обозначать вполне самостоятельную исследовательскую проблему идентичности с прилагательным «национальная».

В результате конкурирующее поле, обозначенное другим научным журналом «Национальные идентичности» (выходит с 1999 г.), его издатели обозначают следующим образом: «Исследование формирования и выражения национальной идентичности от античности до наших дней, выявление роли в конструировании идентичности как культурных (язык, архитектура, музыка, гендер, религия, медиа, спорт, контакты с «другими» и т.д.), так и политических (государственные формы, войны, границы) факторов и как эти факторы идентичности складывались и изменялись во времени. Историческое значение «нации» в политическом и культурном смыслах будет рассматриваться во взаимосвязи с другими важными и в ряде случаев противостоящими формами идентичности, такими, как религия, регион, племя или класс». Таким образом, энтузиасты исследования идентичности (*identity studies*) вполне обоснованно понимают под ними разные формы коллективных солидарностей, которые действительно обнаруживаются с античных и даже с более древних времен. Но только причем здесь прилагательное «национальные», если изначально слово «нация» означало в романских языках «рожденные в одном месте», а в германском средневековье – студенческие землячества и купеческие гильдии?¹⁸ Здесь налицо еще одна форма научной расширительности, окончательно запутывающая смысловое поле, к которому применяется категория «нации» и производное от нее прилагательное «национальный». Кстати, один из первых номеров этого журнала был посвящен именно репрезентации «национальных идентичностей» государств, участвовавших во всемирных выставках (ярмарках), начиная с середины XIX века.

Именно по причине «концептуальной трясины» (определение Клиффорда Гирца), в которой оказались современные штудии национализма, одним из нас было предложено в качестве одного из методологических выходов «забыть о нации»¹⁹, т.е. отказаться от данной категории анализа как несостоятельной и изучать государства как государства, этничность как этничность, идентичность как идентичность, а «нацию» воспринимать как политически и идеологически значимую метафору кол-

¹⁸ *Hobsbawm E.* Op. cit. Pp. 15-16.

¹⁹ *Тишков В.А.* Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // «Вопросы философии». 1999, № 1. На английском языке опубликовано: *Tishkov V.A.* Forget the «Nation»: Post-Nationalist Understanding of Nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23. № 4.

лективного обозначения, за исключительное право пользования которой исторически состязаются две формы человеческих коллективов – государственные и этнические сообщества. Если же такой отказ невозможен в силу ментальной инерции и политической нагруженности, тогда следует признать возможность двойственного обозначения или двух типов наций – гражданской (политической) и культурной (этнической). Последнее, на наш взгляд, есть компромисс, с которым мы вынуждены согласиться, пока не сложился более широкий консенсус в научном сообществе. Из этого компромисса исходила идеология научного проекта, в котором приняли участие известные российские историки и этнологи, подготовившие коллективную работу под столь обязывающим названием «Национализм в мировой истории».

Мы исходим из того, что изучение национализма остается важной научной задачей не потому, что до сих пор не выяснена до конца природа этого исторического феномена или он не проиллюстрирован на достаточном количестве стран и исторических сюжетов. А потому, что в мире уже на протяжении почти двух столетий существует националистический дискурс, порождающий националистические практики, крайне значимые для общественной жизни многих стран и регионов. Исходя из этого, мы определяем национализм как *идеологический концепт и основанную на нем политическую практику, которые исходят из того, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации*. Между тем, как отмечал еще Геллнер, за националистическими лозунгами и идеологиями часто скрываются иные реалии.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (О СМЫСЛЕ ДЕБАТОВ)

Я не философ, но хочу начать разговор об идентичности с корифея мировой философии Гегеля, у которого есть тезис, что *современное общество нашло свою разумную идентичность в суверенном конституционном государстве и философия должна представить эту идентичность как разумную*. «Только государство суверенное относительно других государств может иметь самостоятельность, которая необходима, чтобы общество в нем могло сформировать свою идентичность»¹. С тех пор, когда были сказаны эти слова, многое изменилось, и сегодня идентичность общества, а тем более отдельного человека, невозможно уместить в некой всеохватной и многофункциональной организации, какой является национальное государство, государственно-партийная машина или этническая группа. И все же, как считает другой выдающийся немецкий философ Юрген Хабермас, «государственная организация по-

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, член Общественной палаты Российской Федерации.

В.А. Тишков – сопредседатель ОСОО «Российская нация», председатель научно-консультативного совета журнала «Вестник Российской нации».

Научные труды, другие публикации автора представлены на официальном сайте В.А. Тишкова www.valerytishkov.ru.

¹ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 365.

прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою идентичность»².

Проблема национальной идентичности относится к числу горячо обсуждаемых и активно разрабатываемых обществоведами проблем. Достаточно сказать, что уже второе десятилетие выходит международный научный журнал «Национальные идентичности» (National Identities), проводятся многочисленные конференции, печатаются книги и статьи. В России сам термин «идентичность» не был распространен. Его аналогом в советском общественном сознании были понятия *национальное (само)сознание*. Различие здесь не в самих словах, которые действительно схожи. Различие было в смыслах, которые им придавались. В российском контексте смысл придается этнической идентичности, т.е. соотношению человека с определенной этнонацией и с коллективным образом этнической общности и ее культуры. В мировом контексте *национальная идентичность* – это один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации. Последняя понимается как *государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик*.

Природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны, особенно в сложных по составу населения обществах, но есть некоторые общие моменты. Ю. Хабермас писал в этой связи: «Общество обладает приписываемой ему идентичностью не в том тривиальном смысле, в каком, скажем, ею обладает предмет, который может быть идентифицирован различными наблюдателями как тот же самый предмет, даже если они воспринимают и описывают его различным образом. Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям»³.

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так и думает о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: как внешний мир по тем или иным идеологическим, геополитическим и культурным установкам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпада-

² Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1999. С. 34.

³ Там же. С. 8.

ющих или конкурирующих между собой процесса, в итоге которых и складывается образ со всеми его оттенками. Как правило, каждый народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже других, а тем более – соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов. Однако достичь этого достаточно сложно, а в ряде случаев просто невозможно. Тем не менее, мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним.*

Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. *Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике – отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляет во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова.* Когда российского президента В.В. Путина внешний мир называл «президентом-националистом», то это действительно было близко к истине, ибо, в отличие от своих предшественников на посту главы государства – М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, он твердо отстаивал национальные интересы.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его. Это совсем не означает, что все поголовно и одинаково должны «любить Родину», «служить народу», выполнять еще какую-либо коллективистскую миссию. Человек на Земле, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию – благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки типа служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться и т.п. – это скорее для политиков, для религиозных проповедников, для воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспевание не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина. Те, кто пишет в научных трудах или взывает на митингах, что «человек рожден не для себя, а для нации», и в этом видят национальную идею России, сами ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или

обработанные спецметодами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или «чистить Россию от чужаков», или стать живыми бомбами. Еще этими же призывами широко пользуются ультра-националисты. Прочитую А. Савельева (Кольева): «Вернуть себе национальную гордость можно только одним способом – вернуть себе отнятое у нас государство. Когда народ вернет себя государство, он станет нацией. Идея такой трансформации заложена в национализме: нация выше государства; выше нации – только Бог. Национализм – это путь к национальной демократии, к власти демоса»⁴.

Однако *первичность частной жизни не избавляет людей от общности, особенно по отношению к государству*, когда каждый живущий в нем имеет с ним взаимные обязательства, крайне важные для обоих. Можно существовать вне этнической группы и даже чувствовать себя более свободным, чем среди соплеменников, но в современном обществе нельзя обходиться без государства. Государство и его создатели, т.е. проживающий в нем народ, должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. Среди разных ресурсов и механизмов государствовоительства и поддержания государства в должном виде используется идеология и практика национализма в его гражданско-политическом понимании⁵. Инструмент старый и новый одновременно, и он сохраняет свою ценность поныне, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым.

Именно такая ситуация возникла во всех постсоветских государствах после распада СССР. В начальный период времени для нового нациестроительства здесь повсеместно (кроме России) была взята на вооружение старая советская концепция этнического национализма в варианте: нация – это титульный этнос, остальные – это меньшинства. О гражданской нации (латвийской, казахстанской и т.п.) иногда говорится вожжами и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет так и не дошли до необходимости утверждения гражданского нациестроительства. Что касается России, то новое государство – правопреемник СССР – также осталось на почве этнонационализма (нация – это этносы), но еще к тому же в первую статью Конституции была включена категория «мы – многонациональный народ». Страна многих наций сохранила этнический федерализм в фор-

⁴ Савельев А.Н. Национальная гордость // «Золотой Лев». № 142-143, www.zlev.ru.

⁵ См. коллективный труд о национализме в различные исторические эпохи и в разных странах: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

ме этнотерриториальных автономий и даже укрепила его в период так называемого «парада суверенитетов».

С тех пор ситуация с нациестроительством изменилась достаточно серьезно, как в плане социологической реальности, так и в доктринальном отношении. Нынешняя Россия пребывает в процессе активного национального самоутверждения, и обращение к национализму в его гражданско-государственном варианте состоялось и оказалось полезным. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах. Однако в вопросе о нации и национальной идентичности в России обескураживает пренебрежение дореволюционным историческим опытом, якобы, исключая какое-либо прослеживание идеи нации и идеологии национализма в российской истории по причине имперской сущности дореволюционного государства. Попробуем исправить эту ошибку, начав с критического взгляда на историографию вопроса, то есть на то, как его понимают сами ученые-обществоведы.

Вся отечественная и зарубежная литература по проблеме нации и идентичности в дореволюционной России обращается к проявлениям национализма среди нерусских народов в форме так называемых *национальных движений* или же к национализму крайней реакции шовинистического толка типа черносотенства. Государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, национализм как идеология российской идентичности, да и сам феномен русского народа, частью которого на протяжении длительного времени были не только малочисленные «иностранцы», но и поляки, финны, прибалты, не говоря уже о русских (великороссах, малороссах и белорусах), этот феномен пребывает вне научной проблематики.

Национализм «покоренных народов» Российской империи остается одной из главных тем в области мировой историографии, а пределом теоретической новации стала концепция чешского историка Мирослава Хроха о стадиях (пробуждения, агитации и мобилизации) в развитии национальных движений в Европе⁶. Эта позитивистская и упрощенная трактовка национализма как исторически предопределенного «движения наций» от одной фазы к другой с объективными индикаторами для каждой из фаз была некритически использована в трактовке российской истории, в том числе такими видными специалистами, как немец А. Кап-

⁶ *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.*

пелер и россиянин Б.Н. Миронов. В фундаментальном труде последнего по социальной истории России позднеимперского периода государство рассматривается именно как «многонациональная империя», в которой проживали русские (20% населения в границах 1897 г.) и другие «старые» и «молодые» этносы, проходившие разные стадии самоопределения, а история «национального вопроса» сводится к истории все тех же национальных движений – русского и других этносов⁷. Авторы многих работ по «национальному вопросу в России» придерживаются именно имперского ракурса и позитивистско-примордиальной трактовки этнической субстанции как донациональной (племя или народность) или национальной общности.

Следует также учитывать, что те территории, которые со временем обрели независимость, первым делом постарались усилиями новых правящих элит *отринуть общую историю в общем государстве и представить ее в культурно изолированном от России виде*. Сначала вычеркнули себя из общей истории те, кто вышел из Российской империи в революцию 1917 года. Нынешняя польская и финляндская национальные истории рассматриваются сугубо как самостоятельные континуумы, а не как часть российской истории на протяжении нескольких веков пребывания в составе общего государства, когда существовали представления о «русской Польше» и о «русской Финляндии». Поэтому стоящий ныне в г. Хельсинки величественный православный храм воспринимается как некая историческая случайность. Затем последовали изоляционистские и сепаратистские версии прибалтов периода межвоенной независимости. Наконец, после 1991 г. родились этнонационалистические (ставшие государственными) исторические нарративы новых государств⁸.

Не признавали историю России как историю централизованного государства с элементами федерализма и культурной автономии и западные специалисты, которые в годы холодной войны разоблачали российский империализм как предтечу советского империализма. Они же

⁷ *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000.

⁸ На эту тему см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. Это коллективное исследование российских историков интересно также и тем, что для его авторов понятие «национальная история» объединяет в себе варианты как этнонационалистических версий истории (татарской или башкирской), так и постсоветских государственных историй (украинской, таджикской или узбекской), но исключает версии истории России, СССР и Российской Федерации именно как национальных историй, ибо эти образования авторы не относят к национальным государствам.

после распада СССР стали критиковать новую «мини-империю» в лице Российской Федерации и обосновывать необходимость ее дальнейшего «досомоопределения». Из тех немногих, кто поддерживал взгляд на Россию как на национальное государство, будь это Российская империя или СССР, были отдельные западные историки-эмигранты, как, например, гарвардский профессор русского происхождения Михаил Карпович. Последний оказал некоторое влияние на послевоенное поколение американских историков, занимавшихся историей России. Как выказался известный историк Марк фон Хаген в адрес представителей этого направления, «никто из этих крупных историков не защищал империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося в стадии формирования»⁹.

К сожалению, такой взгляд на российскую историю был отгеснен на концептуальную периферию литературой в рамках так называемой постколониалистской парадигмы, когда история страны стала писаться как история метрополии и ее колоний. Интеллектуальная драма состоит в том, что современная отечественная историография также не рассматривает проблему российского национализма, ибо почти все исследователи последних двух-трех поколений были воспитаны как этнические националисты, хотя националистами сами себя никогда не считали. Национализм был и остается плохим словом для отечественных интеллектуалов и политиков, ибо другого национализма, кроме как «идеологии превосходства одной нации над другой», они не знают. Полагая, что национальные государства приходят на смену империям, многие отечественные историки не признают что-либо похожее на национальное государство в дореволюционной России. Тем более, среди историков и философов действовал мощный стереотип, что империя не может быть национальным государством. Точно так же советское и постсоветское многонациональное государство не может быть национальным, ибо оно состоит из многих наций.

Для отечественного историософского мэйнстрима и политологии длительное время оставались в силе ленинское определение России как «тюрьмы народов» и его теоретическая новация о «праве наций на самоопределение». Под нациями имелись в виду достигшие определенной

⁹ *Фон Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 24.

исторической стадии этнические общности. В лучшем случае политика Российской империи описывалась в комплиментарных тонах как политика терпимости и патернализма по отношению к нерусским народам. Правда, следует признать, что доминирующая версия отечественной истории все же имела централистский характер. Она освещалась преимущественно в категориях и терминах, в которых обычно излагается история национального государства, а именно – как русского/российского государства. Этническое начало здесь было минимальным, а главным был взгляд с точки зрения Москвы и Санкт-Петербурга, т.е. с позиции центра власти и доминирующей русской (русскоязычной, православной и восточнославянской) культуры. Такой подход был и остается отличительным знаком национальных исторических нарративов, хотя именно как «национальная» отечественная история не называлась и не воспринималась. Она именовалась (в разных вариантах) «Историей Государства российского», «Историей СССР», «Историей России». Ничего подобного с названием типа «Национальная история России» из-под пера отечественных историков никогда не выходило.

Исторические трансформации двух последних десятилетий, кажется, окончательно затвердили взгляд на историю России как на историю «последней многонациональной империи». История завоеваний, колонизации и угнетения дополнилась детерминистскими нотами об исторической обреченности империй на гибель, о неизбежном стремлении угнетаемых ею народов к свободе, о древних корнях их «собственной государственности» и т.п. Однако объяснительная модель «распавшейся империи», под которую когда-то охотно раздавались научные гранты и публиковались многочисленные труды, не способна дать ответы на многие вопросы прошлого¹⁰.

Марк фон Хаген прав, когда говорит, что в трактовке российской истории слишком грубо отождествлялись понятия «империя» и «империализм». Действительно, почему считаются признанными исторические версии таких «национальных государств», как Великобритания, Франция и Германия, которые до первой половины XX в. были империями с внешними и внутренними колониями и с неоднородным по этноконфессиональному составу населением (не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Соединенного Королевства, Бретань и

¹⁰ Критику объяснительной модели «распавшейся империи» см.: *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 588-600.

Корсику в составе Франции, а также «лоскутную империю» Бисмарка, названную Германией)? И почему Россия никогда не рассматривается как национальное государство? Многие считающиеся национальными государства в прошлом и в настоящем типологически мало чем отличались и отличаются сегодня от России. Тем не менее, это радикальное отличие (Англия – уже давно национальное государство, а Россия – никогда) навязчиво утверждалось в мировой историографии при активном содействии отечественных специалистов. «О чем обычно забывают при изучении Российской империи, – это каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы», – задает вопрос Марк фон Хаген и формулирует одну из назревших задач в историографии России: «Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как историю национального государства, а в других случаях всячески подчеркивают многонациональный характер этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеить эти государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли промежуточная точка зрения – или несколько точек зрения – между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушествовавшего национального шовинизма?»¹¹.

Я отвечаю на этот вопрос утвердительно. Да, возможна такая точка зрения, которая дает ответ на обозначенную дилемму. Причем, отмечу, что аналогичную задачу уже пробовали решить многие отечественные историки и философы. Ближе всего к ее разрешению, на наш взгляд, оказался П.Б. Струве. Так, например, в известной работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. «Российская» (имперская) и «русская» (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» Струве писал: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, нацио-

¹¹ Марк фон Хаген. Указ. соч. С. 25-26.

нально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием Империи (подчеркнуто мною – В. Т.)»¹².

Вопросы амбивалентности, то есть сложной природы российского государства с точки зрения дилеммы «империя или национальное государство», положены в основу моих рассуждений по поводу российского народа-нации как в историческом, так и в современном контекстах. Напоминаю, что я подхожу к историческим явлениям не только как к социологическим данностям или как проявлениям «исторических закономерностей», но и как к формам дискурсивных практик. Это позволяет говорить о степени распространенности или конкурирующей вариативности концепта национального государства, его производных или его подразумевающих. Никакой стадии или перехода от империи к нации в данном случае устанавливать нет необходимости. Конкурирующие дискурсы могли сосуществовать или присутствовать в камуфляжных формах без прямых обозначений. Российская идентичность, которую и можно назвать единственно надежным выражением нации, вообще существует давно и достаточно легко устанавливается даже без социологических опросов. В итоге, моя теоретическая посылка такова: *Российскую империю можно считать национализирующим государством с «национальным ядром», так же как СССР заключал в себе имперскую и национальную ипостаси, не пользуясь ни одним из этих обозначений и провозглашая свое государство исторической уникальностью, а свой народ – новым типом исторической общности.* Я не приемлю взгляд на российский народ как на безнациональную или наднациональную общность людей и считаю этот взгляд заблуждением политиков и ученых, оказавшихся способными убедить в этом и часть простых обывателей.

Напомню в этой связи оценку СССР Р. Брубейкером: «Советский Союз не рассматривался ни в плане теории, и не был организован на практике как государство-нация. В то время, как государство и его граждане как целое не определялись в национальных терминах, составные части государства и его отдельные согражданства определялись в национальных терминах. Именно в этом заключалась отличительность советского режима национальности – в ее беспрецедентном устранении нации и национальности как организующих принципов социального и полити-

¹² Струве П.Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.

ческого порядка с общегосударственного уровня на субгосударственный уровень. Ни одно государство не зашло так далеко в спонсировании, кодификации и институализации этнического, вплоть до конструирования в ряде случаев нации и национальности на субгосударственном уровне, и в то же самое время ничего не делая для их институализации на общегосударственном уровне»¹³.

Отсюда становится понятно, почему постсоветский отказ от терминологической национализации государства и его народа преодолевается столь трудно. В современной Российской Федерации национально-государственный дискурс утверждается при невнятности конституционно-правовых основ, слабой политической теории и путанного общественного сознания. Два последних президента ясно и последовательно говорят о российской нации как об историческом и современном феномене. О российской идентичности как доминирующей форме коллективного самосознания говорят и авторитетные исследования социологов и этнологов¹⁴. Тем не менее, неизбежный социологический эссенциализм (нация должна быть осязаемой вещью, как стул или стол, а не формой самосознания!) приводит к косвенному отрицанию получаемых данных, когда на их основе делается противоречивый вывод «о достаточно высокой степени внутренней интегрированности российского общества и даже возможности в обозримой перспективе (подчеркнуто мною – В.Т.) формирования в России гражданской нации»¹⁵. Ну почему же так не везет нашей стране по части самопонимания даже ее наиболее просвещенными гражданами?!

¹³ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 29.

¹⁴ См. серию социологических обследований Института социологии РАН под руководством М.К. Горшкова по вопросу российской идентичности и последнюю работу, выполненную экспертами Сети этнологического мониторинга по заказу Минрегиона России: Российская нация: становление и этнокультурное развитие. Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008.

¹⁵ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2007. С. 35.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

И РУССКИЙ, И РОССИЙСКИЙ

Эта статья подготовлена мною на основе текста заключения к книге о российском народе и его национальной идентичности, которая была завершена еще в 2008 г. Академические дела не позволили опубликовать работу во время президентства В.В. Путина, как мне этого хотелось. За прошедшее время кое-что изменилось в российском обществе, хотя и не очень принципиально. Новый Президент Д.А. Медведев продолжил концептуальный курс утверждения в России национального российско-го самосознания на основе представления о российском народе как об исторически сложившейся гражданской нации. Тем не менее, как считают некоторые интеллектуалы, в стране остро выявилась «потребность во вдохновляющей идее, то есть идеале, образе того, какой мы хотим видеть Россию в ее своеобразии... и одновременно вписанности в общечеловеческую цивилизацию», «а идейный голод настолько всеохватен, что об этом кричит каждый публикуемый сегодня текст, каждая произносимая речь – вне зависимости от политических пристрастий их авто-

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, член Общественной палаты Российской Федерации.

В.А. Тишков – сопредседатель ОСОО «Российская нация», член редакционного совета, председатель научно-консультативного совета журнала «Вестник Российской нации». Научные труды, другие публикации автора представлены на официальном сайте В.А. Тишкова www.valerytishkov.ru.

ров, каждая даже самая скабрзная реплика самого пошлого из наших юмористов». Автор считает, что «застенчиво безыдеиные и абстрактно-экслектичные речи системных политиков» ведут к тому, что на этом фоне «внесистемные идеи и их, если не идеологи и вожди, но уже апологеты множатся и крепнут... Атмосфера уныния и плюрализм безыдеиности – вообще подобны условиям инкубатора для всего внесистемного и маргинального»¹.

Насчет крепнущей маргинальности ректор Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова В.Т. Третьяков, пожалуй, прав. Одним из ее проявлений стало ожесточение разных форм национализма в его причудливых очертаниях, включая крайние формы ксенофобии и расизма. Но почему в современной России национализм в его этнографическом варианте (этнонационализм) остается политически выгодным и почему он находит отклик в сознании достаточно большого числа сочувствующих и явных последователей? Казалось бы, гражданско-политический национализм (включая вариант государственной державности или даже изоляционизма) – также не менее привлекательная и, более того, вполне реализуемая и вознаграждающая стратегия. Курс президентов Путина и Медведева это хорошо продемонстрировал. Тем не менее, *притягательность почвеннического, этнографического национализма остается в идеологическом и политическом репертуаре*, причем, фактически без серьезной экспертной поддержки. Едва ли кто из опять-таки серьезных современных исследователей будет доказывать первичную значимость этнического и наличие у этнической идентичности некой биологической, генетической и другой природной основы. Хотя неопитов или неумных ортодоксов еще остается достаточно в отечественном общественном сознании. Особенно среди политических философов, культурологов, психологов, а теперь даже и генетиков, которые стали вычислять этногенофонд, этнический код и измерять генетические «дистанции между этносами».

Смыслы и сохраняющаяся живучесть национализмов разного толка – это большой вопрос для науки и для политики. Приведем высказывание известного немецкого философа: «Национализм – это вовсе не всегда субъективно рациональная или объективно успешная политическая стратегия. И не всегда возможно, а тем более, не так легко разжечь страх, недовольство, спровоцировать определенные восприятия и заблуждения, самоидентификации и идентификации другого – короче говоря, те диспозиции, то состояние сознания, при котором явная и рассчитанная националистическая позиция элит может быть выгодна политически.

¹ Третьяков В. Из кризиса – через Большой театр // Известия. 2008, 18 декабря.

И вовсе не всегда легко поддерживать подобное националистически направленное состояние сознания после его успешного пробуждения»². Однако, при всех безобразиях крайних форм национализма, национализм в современном мире жив, и главный интеллектуальный вызов, на мой взгляд, – это как придать ему немаргинальный и неэкстремистский характер, т.е. как сконструировать тот самый вознаграждающий «либеральный национализм», о котором уже много написано и сказано³. Возможно ли это? Отвечаю – да, возможно. Но только сначала нужно разобраться с несостоятельностью как государственного национализма мессианского и агрессивного толка, так и этнического национализма в его ксенофобском варианте, а уже затем вести речь о конструктивном гражданском национализме и о национальном самосознании, его идеях и ценностях.

Несостоятельность и риски этнонационализма

Четверть века тому назад американский ученый Дж. Ротшильд написал книгу «Этнополитика», в которой доказывал, что этнонационалистические позиции и стратегии, соответствующим образом оформленные и обеспеченные ресурсом, гарантируют преимущество перед другими политическими позициями и стратегиями. Люди как бы выбирают при всех прочих столкновениях кровную сторону: права она или не права⁴. Проявлений такого феномена этнополитической солидарности можно найти более чем достаточно в мире, а в России – тем более. Иногда этнонационализм в форме «зова крови» может раздражать и вызывать, как минимум, недоумение. Меня, например, удивляло все эти годы, как известные мне российские грузины не находили слов осуждения в адрес правивших последние двадцать лет в Грузии политиков. При этом российскость большинства известных мне московских грузин является для них, безусловно, первичной и им было и есть что сказать критического в адрес З. Гамсахурдия или М. Саакашвили. Точно также трудно услышать со стороны российских евреев критические слова в адрес Израиля,

² *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1999. С. 252.

³ См., например: *Lind M.* In Defense of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. Vol. 73-3. 1994.

Русский перевод см.: *Линд М.* В защиту либерального национализма // Панорама-форум. 1996/1.

⁴ *Rothschild J.* Ethnopolitics. A Conceptual Framework. N.-Y.: Columbia University Press, 1981.

особенно его политики в отношении арабов или по поводу некоторых внутренних порядков. Одна из моих коллег по институту – латышка по национальности – всегда болезненно переносит критику в адрес Латвии, хотя политика этой страны в отношении нелатышского населения была осуждена повсеместно. И этот ряд можно продолжать.

Об элите титульных этнонаций постсоветских государств и говорить не приходится: они все как один избрали миссию служения своему «национальному государству». Очень многие эстонцы, узбеки, казахи, литовцы, украинцы и другие в «своих государствах» настроены этнонационалистически, и по-другому они ситуацию читать не способны или не хотят. Если это Украина, тогда в ней все принадлежит этническим украинцам, включая территорию, воздушное пространство, недра, власть, язык суда и образования и даже язык налоговых деклараций, половину которых заполняют граждане, говорящие на другом языке. И так фактически по всем постсоветским странам продолжают свое почти победное шествие бывшие социалистические этнонации.

В этой, казалось бы, стройной картине постсоветских национализмов не хватало только одного кирпичика – политики русского этнического национализма уровнем выше маргинального. Казалось, еще немного, и российский президент наконец-то скажет что-то не о россиянах и не о российском народе, а о русских. О русском народе, который создал российское государство, как эстонцы создали Эстонию, казахи – Казахстан, украинцы – Украину и т.п. Всего-то нужно было бы сказать несколько слов или хотя бы произнести тост – «За русский народ!», как это сделал Иосиф Сталин, празднуя победу в Великой Отечественной войне. Молодые энтузиасты «нового русского проекта» уже посчитали, сколько раз слово «русский» встречалось в высказываниях президентского помощника В.Ю. Суркова. Им казалось, что словарь президента кем-то намеренно цензурировался. «Какие-то спичрайтеры постоянно вписывают президенту слово российский вместо слова русский», – жаловался Виталий Третьяков на семинаре по национальной стратегии в Общественной палате.

Российские президенты действительно до сих пор подводили русских националистов, хотя в высшем политическом эшелоне всегда были люди, ожидавшие озвучивания Кремлем русской темы. Это обстоятельство навело меня на мысль: возможно, в стратегии этнонационализма есть апробированный историческим опытом и человеческой природой позитивный смысл? Ведь взывают же татарские, башкирские и прочие этнонационалисты в России, что им очень не хватает русского национализма. Точно по тому же самому поводу сокрушаются и русские националисты. Чем вы-

званы эти настроения? Нет ли здесь элементарного человеческого соперничества за место под солнцем с использованием ссылки на этничность или реакции на обиды и несправедливости со стороны «других»?

Я уверен, что обращение к националистическому аргументу делается не для того, чтобы поддержать русский народ и даже русский национализм, а чтобы отыграть собственную программу, выделиться лично и, возможно, прихлопнуть всякие единство и целостность страны. А вместо этого сделать из России что-то другое – «Россию-3», по названию евразийско-дугинского манифеста. Одним из нынешней, якобы, несостоятельной «ЭрЭфии» (определение А. Севастьянова⁵) хочется сделать русское национальное государство, другим – нечто противоположное: еще более расцветшую «дружбу народов» и договорной федерализм вместе с многонациональностью. Но только как сделать из одной страны две несовместимые и нереализуемые конструкции?

Современная политическая теория показала, что «инвестировать в национализм в целом не более целесообразно, чем инвестировать в любую другую политическую позицию или идиому. В определенные моменты, разумеется, национализм приносит большие выгоды. Но определить, когда такие периоды времени истекают, очень сложно. А когда такой момент наступает, политики и аналитики часто ошибаются, делая чрезмерные обобщения»⁶. Именно такой ошибкой чрезмерного обобщения на уровне мировой исторической закономерности была оценка националистических выступлений в советских республиках в период горбачевского правления. Именно социологи и этнологи квалифицировали переписывание «неформалами» друг у друга разных манифестов и программ и протестные акции как «национально-освободительные движения», а затем и как «революции».

Если бы элитные этнические национализмы (от армянского до эстонского) не соединились со стремлением разноэтничного населения республик отвалиться от Москвы и прибрать к рукам местные ресурсы, обрести свободный выезд во внешний мир, никаких «национальных революций» скорее всего бы и не произошло. *Идиома свободы была сильнее идиомы нации*. Но если националистическая стратегия еще сыграла свою мобилизующую роль на стадии распада СССР и создания новых этнократий, то последующая судьба постсоветского государствостроительства фактически блокируется тем же самым этнонационализмом от

⁵ Севастьянов А. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 41. Май.

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 253.

имени титульных этнических общностей фактически во всех новых государствах, кроме России.

Большая ошибка думать, что некая этническая украинская партия возьмет власть в стране и украинцы (без русских, поляков, крымских татар и других) будут признаны населением государствообразующей нацией. Хотя сегодняшняя украинская конституция читается именно таким образом, а украинские русские уже смирились считать себя меньшинством, а не частью нации. Тем не менее, все это – переходная или преходящая ситуация. Русские, поляки, крымские татары и другие неукраинцы (но граждане Украины!) не позволят долго держать себя в дискриминируемом положении. Моноэтнической украинской Украины никогда не будет, как и не будет культурно-языковой украинизации русских, поляков или крымских татар. Украинский этнический национализм уже завел политическое развитие Украины в опасный для этой страны тупик. Сходная ситуация существует или может возникнуть в ряде других постсоветских государств.

Этнические националисты проиграли почти все предвыборные кампании 1990-х гг., но это не означает, что они не могут их выигрывать и проходить в парламенты. Случается, что этнонационалисты берут под контроль и центральную власть в государстве. Тогда получается совсем плохо. Им приходится воевать с теми, кто не соглашается с «главным народом», который все совершил и которому все должны быть благодарны: создал государство, развил культуру, завоевал независимость и т.п. Такие варианты не прошли и закончились войнами и политическими драмами в Югославии, Грузии, Молдавии. Не пройдут эти варианты и в других странах, имея в виду, что русские не станут казахами в Казахстане и в Казахстане будет не казахская, а казахстанская нация в качестве единственной держательницы государственности. И в Латвии будет не латышская, а латвийская нация. Как скоро? Гораздо быстрее, чем мы думаем, прежде всего, в силу ограниченности ресурсов этнонационализма.

Интересно отметить, каким образом недавно Президент Н.А. Назарбаев сформулировал новые приоритеты казахстанской внутренней политики: «...стабильное развитие нации, укрепление государственности, единство нации, уверенность в будущем». В выступлении 23 октября 2008 г. на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана (до этого она называлась Ассамблеей народов Казахстана – наподобие российской общественной организации «Ассамблея народов России») Н.А. Назарбаев сказал следующие важные слова: «Мы не случайно назвали нашу Ассамблею – Ассамблея народа Казахстана. Наша

Конституция начинается словами – «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой». Все граждане нашей страны составляют один народ, устремленный в совместное будущее... Во-первых, мы должны разработать доктрину национального единства, которая определит основные цели дальнейшего развития казахстанского общества. Это должно усваиваться с детства. Идеи превосходства одной нации над другой противоречат вектору мирового развития и дискредитировали себя раз и навсегда. Ассамблея народа Казахстана внесла бесценный вклад в сохранение и укрепление мира и согласия в стране. Благодаря ее деятельности мы успешно прошли путь строительства общегражданской идентичности и при этом сохранили культурную самобытность всех казахстанских этносов. Теперь перед нами стоит следующая, не менее важная задача – укрепление единства народа, способного уверенно продвигаться к прогрессу и процветанию. Мы должны всегда помнить – у нас общее будущее. И оно зависит от единства всех казахстанцев! Не зря говорят: «Если народ един – он непобедим», «Дружба и братство – дороже богатства».

Конечно, у этнонационалистической политики есть свои интересы, но эти интересы узкие, неустойчивые и труднореализуемые. Одними манипуляциями и обещаниями здесь дело не выиграть. Периферийного этнонационализма Россия вкусила сполна в 1990-е гг. Его чеченский вариант переродился в вооруженный сепаратизм с международно-террористическим компонентом. Затем на передний план вышел этнонационализм шовинистического толка. Один из его лозунгов – «Россию пора доверить русским!»⁷, или еще проще: «Россия – для русских!». Попробуем хотя бы гипотетически реализовать этот лозунг, начав с первых лиц страны и членов российского правительства. И станет ясно, что книгу с таким названием написать можно, и даже выдвинуть лозунг на выборах, прокричать его на митинге, но в жизнь воплотить нельзя, по крайней мере, в современной России.

Вот каким видел этнонационалист А.Г. Дугин следующего Президента России после В.В. Путина: «Русский народ и русская идея для меня священны. Русские не примут преемника без русской идеи. При росте реальных националистических настроений и при невозможности их воплотить в политику, русские могут сделать один жест (быть может, жест отчаяния) – это плюнуть в преемника. ...Путин дал на фоне разло-

⁷ Так называется одна из книг известного философа и публициста А.С. Ципко: *Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов*. М.: Алгоритм, 2003.

жившегося Ельцина и разлагающейся язвой Кавказа стране ясный русский жест, строгие желваки, холодный взгляд серых русских глаз. С ним все было понятно, и русский фактор был, не исключено, решающим. И харизма у Путина русская, и рейтинг у него русский... Менее “русского”, чем Путин, я полагаю, люди просто не выберут, нужен как минимум столь же русский»⁸.

Ну, а если бы президентом захотел стать один из самых любимых в народе политиков, который почти 20 лет тушит пожары и спасает население от разных катастроф, но не имеет «серых русских глаз», тогда что? А почему совсем недавно на том же самом фоне народ вполне спокойно воспринимал как возможного кандидата в президенты Е.М. Примакова, принимал премьер-министра М.Е. Фрадкова, у которых тоже не было «ясного русского жеста»? Одно могу сказать: подобными откровенно этнобиологическими аргументами эмоционально можно воздействовать и даже сильно воздействовать на обывателя и на политических маргиналов. Можно даже решить частную проблему, но для идеи российской государственности и для национальной идентичности россиян такие воззрения несут разрушительное воздействие. В таком случае, какая формула и какая идея могут быть оптимальными для России?

Формула для России

Накануне 2009 г. Виталий Третьяков призвал к общенациональной дискуссии по общественному идеалу, «которым хочет, может и должна руководствоваться страна в целом, ее граждане, особенно молодые». Он считает, что «чьими-то устами нужно поставить вопросы, на которые нужно ответить сообща» и называет речь митрополита Кирилла над гробом Патриарха Алексия II как один из возможных образцов⁹. Известный журналист сожалеет, что теперь нет Солженицына, который мог бы это сделать, а Общественная палата, по его мнению, переключилась на тактические и оперативные проблемы. Нужна новая интеллектуальная, или стратегическая палата, какой когда-то была Академия наук, считает Третьяков. «Увы, то время давно позади, а кто из наших сегодняшних крупнейших политиков или политических мыслителей читает академические журналы? Мне такие не известны». И далее последовал задорный вызов

⁸ Дугин А. Русский вопрос // Россия. № 7. 2007, 22–28 февраля.

⁹ Слово Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла перед отпеванием почившего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II опубликовано в журнале «Вестник Российской нации», № 1(3)/2009. С. 21-24. – Ред.

отечественным интеллектуалам: «Лично я собираюсь в новом году сформулировать хотя бы для себя то, что до сих пор не сделали мы сообща: наш общественный идеал – вдохновляющий и конструктивный»¹⁰.

Не относя себя к категории «гуманитарных мыслителей» (для этого в стране есть особая комиссия, которая сама из себя формирует список мыслителей), но, проработав почти всю жизнь в Академии наук и два срока в Общественной палате, попробую принять этот вызов хотя бы частично. Мне бы хотелось высказаться по формуле и по содержанию современной российской национальной идентичности.

Даже в относительно давние времена конца XIX – начала XX вв. некоторым отечественным мыслителям и политикам удавалось вполне разумно определить как внешнюю сложность, так и сущностную простоту формулы российской национальной идентичности. Удачно и даже современно по этому поводу писал русский философ Г.П. Федотов (1886–1951), уже используя модернистскую для того времени категорию многонациональности. Для лучшего понимания его слов напомним еще раз, что те, кто сегодня называются русскими, в те времена назывались великороссами, украинцы в свою очередь назывались малороссами, а вместе с белорусами они считались русскими. Но русскими могли считать или считали себя также представители других национальностей и вероисповеданий, в случае, если они принимали или были от рождения православными. Вот ключевая цитата из Г.П. Федотова: «Наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великоросской ветви это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским. В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малорусское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его “русскости”) в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России»¹¹.

Современная ситуация, в принципе, осталась той же самой, даже стала проще в смысле иерархии идентичностей. Для сегодняшних россиян русской или украинской этнической принадлежности один из трех этажей ушел из речевой и обиходной практик в связи с тем, что исчезли категории великороссов и малороссов: первые стали называться русски-

¹⁰ Третьяков В. Из кризиса – через Большой театр // Известия. 2008, 18 декабря

¹¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 179–181.

ми (т.е. взяли на себя некогда более широкую категорию), вторые стали называться украинцами (вместо малороссов) и тем самым перестали считать себя русскими. Широкая категория русского ушла из употребления, кроме ряда важных сфер и ситуаций. Такими сферами являются, прежде всего, русская культура и словесность на основе русского языка и все, что связано с языком. Такой сферой является религиозная жизнь – применительно к русскому православию и к официальному названию Русской православной церкви, которые и сегодня понимаются шире, чем этническое русское.

Русское в смысле лично-группового самосознания перестало быть синонимичным российскому, хотя уже и для времени Г.П. Федотова эта синонимичность не была общепризнанной. Выдающийся философ вполне точно выстраивал национальное сознание (идентичность) как множественное (тройное) и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общегосударственного (российского).

Множественные и не исключают друг друга уровни национального сознания сохранились и в сегодняшней России. Причем, эти уровни также могут иметь разную «этажность». Представитель малочисленного дагестанского народа андиец или арчинец может ощущать себя также и аварцем, среди которых живет и язык которых знает, ему близко самосознание «быть дагестанцем», которое также имеет не только географическое, но и культурно-историческое содержание. И нет сомнений, что для подавляющего большинства жителей Дагестана российская идентичность является одной из самых важных.

У этнических русских, составляющих подавляющее большинство населения страны, в ситуации с коллективным самосознанием также нет особого выбора. Существует много раз высказываемая позиция тех, кто считает себя русскими националистами: мы – русские и не какие мы не россияне, и Россия по своему названию и по своей истории есть наше национальное государство, а те, кто желает принадлежать к государствообразующей нации, должны считать себя русскими. Известны схожие, другими словами сказанные варианты этой позиции. У таких взглядов есть одна фатальная слабость, о которой также неоднократно говорилось.

Приведу только два высказывания по поводу ее несостоятельности. Все тот же Г.П. Федотов сто лет тому назад написал: «Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то и останемся в одной Великороссии, т.е. России существовать не будет»¹². А спустя столетие, в 2008 г. В.В. Путин в отве-

¹² Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? Там же. С. 181.

те на вопросы граждан сказал похожие слова: «Россия может оставаться великим государством, если каждый народ и каждый, даже небольшой, этнос будет чувствовать себя в России как в собственном доме. Те недалекие, просто глупые и тупые люди, которые нарушают этот принцип, полагая, что они действуют в интересах русского народа, наносят этому народу непоправимый ущерб»¹³.

Несмотря на радующие лично меня перемены в политической доктрине и в научном осмыслении того, что есть национальное, как его понимать и как им управлять, я чувствую, как трудно утверждается и входит в сознание *языковая ренационализации от этноса к демосу*. Вполне понятно, что этнические группы (народы) России в лице своих лидеров и интеллектуальных элит не желают расставаться с названием себя нациями. По этой причине они с остороженностью воспринимают название нацией всего российского народа (а не захотят ли потом нас всех упразднить?). В этой ситуации важно предложить и разъяснить объединяющий вариант, который реально уже существует в стране. Нациями были и остаются все российские народы, обладающие таким статусным самообозначением. Русские, татары, чуваша, буряты, якуты, чеченцы, аварцы и многие другие из всего списка российских национальностей имеют основания считать себя нациями и таковыми являются. Прежде всего, в этническом и в культурном смысле, но не только в этом.

У российских этнонаций (национальностей) есть внутреннее политико-государственное самоопределение как в форме самой Российской Федерации, так и в форме этнотерриториальных образований (республики и автономные округа) и национально-культурных автономий для нерусских народов. У них есть своя историческая традиция, которая не всегда и не во все периоды ограничивается рамками общероссийской истории. У них есть свои диаспоральные сообщества за российскими пределами. У них есть своя идентичность, которую они также называют национальным сознанием. Среди них есть нации, язык и культура которых стали доминирующими (если сказать корректнее, *референтными культурами*) для всей страны. Это, прежде всего, русская этнонация и русский язык. Ведущая роль этого народа, его языка и культуры признается повсеместно, на всех уровнях и по всей России. Отдельные ультранационалистические активисты и даже группы из числа меньшинств не могут подвергнуть сомнению

¹³ Из ответов на вопросы граждан Председателя Правительства Российской Федерации, лидера Партии «Единая Россия» В.В. Путина в рамках специальной программы «Разговор с Владимиром Путиным», 4 декабря 2008 г. Источник: официальный сайт программы, www.moskva-putinu.ru.

эту общую ситуацию, а, наоборот, служат ее подтверждением. Равно как неудачи квебекских сепаратистов провести референдум об отделении от Канады подтверждают национальное единство страны.

Также и в Испании. Есть кастильская культура и кастильская идентичность, которые составляют основу испанской нации. Но в составе испанской нации есть каталонская и баскская нации. Есть галисийцы и андалузцы. Все они испанцы. Также и в Великобритании. Есть шотландская нация, а также ирландская и уэльская национальные идентичности, а доминирующей этнонацией в стране можно назвать собственно англичан. Но все эти этнонации вместе составляют британскую нацию, которую ныне никто не подвергает сомнению, кроме пары сотен ольстерских бомбистов и самых упертых шотландских сепаратистов. И так по многим странам мы обнаруживаем формулу, которую можно с успехов отнести и к России: «Россия – это нация наций».

Отрицатели России

Спросим откровенно: кому может быть неудобно или страшно от такой формулы? Только тем, кто хотел бы «отвалиться» от России или же оставить ее с территорией некой «Великороссии», которую вычертить на карте невозможно. З. Бжезинский называл этот желаемый для него вариант «досооопределения России» в пределах «собственно России» (по-английски это звучало как «proper Russia»).

Но неужели в России также есть сторонники варианта определения нашего государства территорией преимущественного или исторического проживания русского народа? Оказывается, есть такие «художники», которые вычерчивают на современной карте «русское национальное государство». Более того, у таких художников есть единомышленники и покровители. В 2008 г. журнал «Политический класс» опубликовал статью А. Севастьянова о русском национальном государстве¹⁴. О чем в ней идет речь? Цитирую: «Исторические закономерности действуют, однако, и в нашей стране, что побуждает политологов прогнозировать неизбежную трансформацию нынешней Российской Федерации с ее (по Конституции) нелепым “многонациональным народом” в Русское национальное государство... Задача русских националистов – повернуть государство лицом к тому народу, на котором оно стоит. Но именно этого очень не хочет хорошо устроившееся меньшинство, вовсе не собираю-

¹⁴ Севастьянов А. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 41. Май.

щееся делиться с большинством ни собственностью, ни властью, ни значимостью. Поэтому в ход идут все средства, чтобы скомпрометировать модель Русского национального государства», – пишет автор.

Что это такое, по Севастьянову: «Национальное государство – не империя, тем более “многонациональная”, хотя может иметь колонии, доминионы, протектораты. Оно полиэтнично, ибо его населяют многие народы, но оно должно осознавать себя мононациональным государством и реально являться таковым. В доме должен быть один хозяин. А в стране – один государствообразующий этнос, самоопределившийся на всей ее территории. Суверенитет народа (этноса) приходит в этом случае на смену суверенитету монарха. Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае – нации “россиян”) не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. “Лояльность русскому народу” – вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых – не важно. Но при этом гарантируется полное равноправие для всех коренных народов». Однако за русскими должен быть закреплен «естественно-исторический приоритет государственных, национальных интересов во всем – в политике, экономике, культуре, морали». А управлять страной должна не «партия власти», а «власть русской национальной партии».

Эта и другие публикации автора представляют собой верх сумасбродства, особенно по части деления населения страны на категории коренных народов и национальных меньшинств с разными правами и по части объединения «русских территорий» по принципу «один народ – одно государство». Одно можно сказать с уверенностью, что ни редактору журнала, ни членам редколлегии, принявшим этот текст к печати, места в управлении Русским национальным государством уже не будет. А, может быть, и право проживать в стране будет поставлено под вопрос.

Только после осознания фундаментальной глупости идеи этнического государства и только после признания формулы российского народа как исторической гражданской нации и России как нации наций можно вести дальнейший разговор о национальных российских ценностях. О них уже начал разговор Президент Д.А. Медведев в ежегодном послании Федеральному Собранию. Обещал сочинить свой вариант известный журналист. О них будет и наша следующая работа.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В РОССИИ

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению основных этапов эволюции концептуальных оснований и практических механизмов реализации государственной этнополитики в нашей стране за последнюю четверть века. Выявляются особенности и проблемы этнополитики позднесоветского периода, а также их влияние на содержание мероприятий российского государства в национальной сфере в период 1990-х гг. и первого десятилетия XXI века.*

Ключевые слова: *этническая политика, этнический фактор, национальные отношения, этнополитические конфликты.*

Summary: *Article is devoted to analyses of the basic stages of evolution of the conceptual framework and practical mechanisms of realization of the state ethnopolitics in our country during last quarter of the century. Features and problems of ethnopolitics of the last-soviet period, and also their influence on the maintenance of actions of the Russian state in national sphere in 1990th and the first decade of the XXI-st century come to light.*

Key words: *ethnic policy, ethnic factors, national relationships, ethnopolitical conflicts.*

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, сопредседатель ОСОО «Российская нация», председатель научно-консультативного совета журнала «Вестник Российской нации».

**О культуре преемственного этнополитического мышления
и о достоверности исторического знания**

Современный период развития нашей страны – один из самых драматичных в богатейшей истории российского государства и его народа. Речь идет о времени с начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х гг., распаде СССР и постсоветском развитии нового государства – Российской Федерации. Вместе это составляет четверть века. Это вполне солидный отрезок исторического времени, когда значительную часть современного населения страны составляют граждане, родившиеся после распада СССР и об этом, казалось бы, недавнем прошлом почти ничего не помнящие. Носителями советской исторической памяти остаются ныне живущее взрослое и старшее поколения, но и среди этой части населения часто проходит разлом по вопросу о том, как относиться к советскому периоду: одним кажется, что это были «лучшие годы нашей жизни», другие с содроганием вспоминают преступления сталинизма и жестокую несвободу при тотальном дефиците товаров и услуг периода правления Брежнева.

В последние годы эти ментальные разломы среди россиян дополнились линией на жесткое отторжение каждой новой правящей элитой того, что сделали их предшественники, даже если сами новые власть имущие были активными деятелями предыдущих правительств. Так, совсем недавно родился образ «хаоса 90-х годов», «кровавых девяностых». Цель этого образа – еще более возвысить бесспорно позитивные перемены в жизни страны после 2000 г. Но плохо, что общество, включая политический класс, лишается культуры преемственного мышления и пестует в себе нетерпимость и даже ненависть к тем, кто был до этого у власти. А это, в свою очередь, порождает ненависть и к действующей власти среди тех, кто желает прийти ей на смену или уже покинул властные позиции.

В этой политико-идеологической сумятице – отсутствии культуры преемственности – особая ответственность выпадает на тех, кто является профессиональными производителями знания о прошлом, то есть на историков. Только историки обладают необходимой подготовкой по части знания широких исторических горизонтов, обучены методам обращения к первоисточникам, обладают необходимыми навыками проведения проверочных процедур и внутрипрофессиональными критериями достоверного толкования прошлого. При всем разнообразии мнений и даже ожесточенных дискуссий должен быть тот необходимый консенсус

по поводу того, что есть достоверное в прошлом и что есть вымысел или заблуждение.

Однако с изучением современного периода истории есть некоторые трудности, которые делают это занятие не менее сложным, чем изучение античных времен или Древней Руси. Во-первых, историописание еще не оторвалось от живой исторической памяти, и эта память, включая личный опыт самого исследователя, противоречиво влияет на объективное воссоздание наиболее достоверного и полного исторического полотна. С одной стороны, свидетель или даже прямой участник событий помнит, что происходило, но, с другой стороны, он помнит только то, что происходило именно с ним. Его память связана с эмоциями и пристрастиями, которых не лишен каждый человек. Во-вторых, современная история гораздо в большей степени связана с текущим политическим процессом, и всегда есть искушение со стороны власти «подправить историю» в выгодном русле.

Наконец, по сюжетам новейшей истории, то есть недавно прожитого, в каждом обществе продолжаются дебаты вокруг результатов перемен и реформ, сути происходящих процессов, роли политиков, партий и институтов. Недавнее прошлое – это то, что общество еще само помнит без услуг историков, помнит и использует в политике или как средство консолидации, или как средство раздора и обличения, а чаще всего используется элитой в прагматичных целях победы на выборах и прихода к власти. В изучении новейшей истории есть еще одно затруднительное обстоятельство – это налагаемые государством ограничения на обнаружение архивных документальных источников, а также сугубо личностная мотивация в трактовке событий авторами разных воспоминаний и рассказчиками, которые не являются профессиональными историками. По поводу новейшей истории можно сказать: слишком мало документов и слишком много воспоминаний! Обычная проблема для недавно пережитой истории, но это решаемая проблема.

Данная статья посвящена только одной стороне общественно-исторического процесса за последние 25 лет. Речь идет о том, что более привычно длительное время в нашей науке и практике называлось «национальным вопросом» и «национальной политикой». Суть этих проблем составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учета и отправления прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в

условиях единой страны и разного типа расселения. Наконец, сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая конфликты, а также усилия по их предотвращению или разрешению.

К этой же сфере в последние 15 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма, терроризма, которые почти всегда задействуют в программы индоктринации этнический и религиозный факторы. Этнический и расовый аспекты заключают в себе и такие явления российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленные главным образом против иностранцев, но также и против собственных граждан или наших недавних соотечественников – выходцев из регионов Южного Кавказа и Средней Азии.

В понятие национальной политики в ее традиционном понимании входят также разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность специализированных институтов государственного управления разного уровня, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, просвещение и информация, общественные движения и организации этнокультурного направления, мониторинг и прикладные научные исследования.

Этнополитика позднего советского периода

Каковы были особенности этнополитики позднего советского периода?

СССР был одним из самых крупных многоэтнических государств, в котором фактически все нерусские этнические общности (народы, нации или национальности) имели автономные образования разного уровня, так называемые национально-государственные образования. Известная «советская матрешка» (союзные и автономные республики, автономные области и округа, национальные сельские советы в 1920-е гг.) возникла еще в первые десятилетия существования СССР и с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и государственно-политической нагрузке этнического фактора. Чего только стоило правовое понятие «территория своей национальной государственности», применявшееся внутри страны по отношению граждан той или иной национальности. Один из законов, принятых Съездом народных депутатов в 1989 г., так и назывался «О правах граждан СССР, проживающих на территориях не своей национальной государственности». Советская национальная политика была не столько

политикой государствовоительства на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. У этой во многом пропагандистской и умозрительной политики были свои серьезные риски по части спонсирования не только «национальных форм», но и потенциального изоляционизма и сепаратизма.

В СССР до начала либерализации положение спасали жесткий идеологический диктат и репрессивный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция советского народа. Последний был более чем реальностью, несмотря на претенциозную квалификацию как «новый тип исторической общности людей». Советский народ представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал несколько веков, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 г. и приобретение новых территорий в 1940 г.

После упразднения в 1923 г. специализированного ведомства – Народного комиссариата по делам национальностей – весь комплекс проблем в данной области государственной и общественной жизни находился в компетенции партийных органов, Совета национальностей Верховного Совета СССР, некоторых министерств (культуры и образования) и комитетов (теле- и радиовещания), а также правительств республик, автономных областей и округов. Всякие проявления этнического национализма и даже просто радикальные взгляды и действия в области «национального вопроса» жестко контролировались и пресекались КГБ. Так, среди политзаключенных позднего брежневского периода были активисты крымско-татарского движения, украинские и грузинские националисты, которые обычно проходили по другим статьям обвинений.

Только при М.С. Горбачеве в 1987 г. в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел межнациональных отношений, который стал решать вопросы все более обострившихся отношений по линии «центр – периферия» и пытался урегулировать некоторые острые конфликтные ситуации в этнической сфере. С эпохи либерализации политической системы, или, как ее называли, «перестройки», начинается новейшая история национального вопроса в нашей стране. Сразу же отметим, что грандиозная геополитическая коллизия, произошедшая в период правления М.С. Горбачева, – а именно распад СССР, – была только частично связана с «национальным вопросом», а тем более с его нерешенностью. Напомним, что советское наследие в данной области имело противоречивые результаты. Наряду с жестокими массовыми репрессиями, в том числе насильствен-

ными депортациями целых народов с мест их проживания, а также централизаторско-ассимиляторскими тенденциями в пользу доминирующей русскоязычной культурной традиции, в советской национальной политике были позитивные тенденции поддержки и развития малых культур и языков, продвижения в разные сферы жизни, включая органы управления, представителей разных национальностей. В отличие от царской России, которую иногда называли «тюрьмой народов», Советский Союз стал своего рода колыбелью многих наций, которые в ходе так называемого национально-государственного строительства в 1920-е – 1930-е гг. консолидировались на разнородной кланово-племенной основе вокруг «собственной государственности» и которые уже в послевоенные десятилетия обрели все необходимые институты для «национального самоопределения вплоть до отделения» (экономика, конституции, представительные органы власти, профессиональная культура и наука, полная система образования и т.д.).

Ослабление политико-идеологического диктата центра, хозяйственная самостоятельность, открытие советского общества для внешнего мира и иностранные воздействия не столько в пользу демократизации СССР, сколько в пользу его раздела по этнонациональным границам были однозначно прочитаны частью националистически настроенной интеллигенции и республиканскими бюрократиями как возможность осуществления самоопределения через сецессию. Общим лозунгом для всех этих программ была демократизация и децентрализация – цели, которые внешне вполне совпадали с целями горбачевской реформы. Однако националистическая политика со стороны периферии носила своего рода скрытый, поэтапный характер: хозяйственный расчет – суверенизация – новые договорные отношения – независимость. Эта поэтапность оказалась реализованной из-за грубых ошибок центральной власти и конфликта властной элиты в самом центре. Сыграли свою роль и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри самого СССР.

Период Горбачева, то есть начиная с середины 1980-х годов до 1991 г., был отмечен попытками улучшить ситуацию в области национальной политики, хотя тогда приоритетными для Кремля были реформы политической системы и экономики. К таким попыткам можно отнести проведение специального Пленума ЦК КПСС в 1989 г., посвященного вопросам межнациональных отношений, и обсуждение этих вопросов на XXVIII съезде КПСС в 1990 г. К важным шагам по сохранению СССР как многонациональной федерации можно отнести также работу над новым союзным договором, несмотря на явную кон-

цептуальную слабость этого процесса. Но противники реформирования СССР, с одной стороны, и сторонники предельной суверенизации, с другой, не позволили перестроить структуру государства на новой, более демократической и на более прочной, чем этнофедерализм, основе. Дефицит времени и компетенции, политические импровизации и личностные амбиции политиков взяли верх в том, как решился вопрос эпохально-исторического значения.

Еще до распада СССР центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых союзных республиках, вызванными радикально-националистическими силами, а также с рядом открытых этнических конфликтов, которые Кремль пытался решить в основном мирными средствами. Не получили жесткого отпора первые проявления этнически мотивированных погромов и других форм насилия в Сумгаите, Фергане, Оше и в других местах. Ни Верховный Совет, ни сам Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало противоположные результаты, а именно – мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Антицентристская позиция руководства РСФСР и прямое противостояние Горбачева и Ельцина довершили дело распада государства. СССР распался на 15 государств, казалось бы, по линиям так называемых «национальных образований», но «национальное самоопределение» было всего лишь одним из внушительных аргументов, за которым стояла гораздо более сложная действительность. Все новые страны оказались многоэтничными сообществами и могли построить свою государственность только путем демократического решения уже собственных «национальных вопросов», которые в подавляющем большинстве случаев были переведены в разряд проблемы меньшинств.

В данной статье не затрагиваются проблемы нациестроительства и политики многоэтничных сообществ, гражданских прав, сохранения культуры и языка русскоязычного населения в других постсоветских государствах. Эта проблема будет рассмотрена нами в следующей статье.

Этнополитика России периода 1990-х годов

В Российской Федерации после 1991 г. начинается новый этап в истории «национального вопроса». В чем его суть и каковы были свершения и проблемы в период 1990-х гг.? Период президентства Б.Н. Ельцина

можно считать отличительным этапом по ряду причин. Во-первых, это было время сложного и ответственного формирования новой демократической государственности при необходимости сохранять некоторую историческую преемственность и учитывать опыт других многоэтнических государств. Конституция 1993 г. справилась с этой трудной задачей и успешно действует до сих пор. Некоторые важнейшие положения о российском народе как единственном суверене нового государства, о государственном устройстве и российском федерализме с учетом этнического фактора, о равенстве граждан независимо от расы, национальности и религиозной принадлежности, о государственной поддержке этнокультурного многообразия населения России и другие положения имеют важнейшее значение для нашей страны.

Принятие Конституции и оформление федеративного устройства, в том числе через систему Федеративного договора, заключенного в марте 1992 г., а также отдельных дополнительных соглашений с некоторыми республиками, лидеры и общественные движения которых желали большей децентрализации власти и больше полномочий в контроле над ресурсами, не позволили осуществиться второму раунду дезинтеграции страны, на сей раз за счет дальнейшего распада уже Российской Федерации по логике того же самого этнотерриториального самоопределения. Однако стране не удалось избежать возникновения открытого очага вооруженного сепаратистского конфликта в Чечне, где власть узурпировала националистическая вооруженная клика, которая объявила государственную независимость от России и совершила массовое изгнание нетитульного (преимущественно русского) населения из республики. Этот конфликт имел также мощную составляющую в виде деятельности международных террористических сил на территории Чечни.

При формировании нового правительства в 1991–1992 гг. позитивную роль сыграл факт создания нового федерального ведомства, ответственного за национальную политику, – Государственного комитета по национальной политике, который позднее претерпевал неоднократные трансформации по названию и содержанию своей деятельности. Но сам факт существования такого федерального ведомства до 2000 г. помогал решать многие проблемы и разрешать коллизии на уровне регионов, отдельных групп и общин. Данное министерство брало на себя функцию внешнего представительства государства в вопросах имплементации международных деклараций и других документов по проблеме прав национальных меньшинств, противодействия расизму и ксенофобии, содействовало международному сотрудничеству

этнически родственных народов и взаимодействию с российскими диаспорами. Госкомнац вместе с МИДом отвечал за сложную проблему российско-германского сотрудничества по вопросам российских немцев. В рамках этого сотрудничества, в частности, были созданы немецкие национальные районы – эксперимент, который был взят из опыта первых лет советской власти. Выбранный после 2000 г. вариант «министра без портфеля» также положительно воздействовал на область межэтнических отношений на протяжении нескольких лет вплоть до 2004 г.

Декабрем 1994 г. заканчивается этап трудного, но мирного переустройства многонационального государства, отмеченный двумя противоположными по духу событиями: подписанием нескольких соглашений о разделении полномочий между органами власти Российской Федерации и органами власти Республики Татарстан и началом военных действий на территории Чечни. Последнее событие существенно изменило положение в стране и образ России в мире. Более ранний вооруженный конфликт осенью 1992 г. в Пригородном районе Северной Осетии не имел таких последствий, хотя также оставил глубокую коллективную травму среди конфликтующих осетин и ингушей.

Исторический этап 1991–1994 гг. в области национальной политики был отмечен еще рядом важных явлений и событий. До 1993 г. активно действовал Верховный Совет России, его Палата национальностей и некоторые профильные комитеты, особенно Комитет по проблемам депортированных народов. В апреле 1991 г. был принят важный Закон о реабилитации репрессированных народов, который имел огромное морально-политическое значение, ибо признавал незаконными (преступными) массовые депортации целых народов накануне и в период Великой Отечественной войны. Закон также предусматривал не только политическую реабилитацию, но и некоторые материальные компенсации пострадавшим гражданам и даже их потомкам.

Верховным Советом России были приняты некоторые другие законы, касающиеся статуса и границ этнотерриториальных автономий, что имело важные, хотя и неоднозначные последствия для истории межэтнических отношений и общей ситуации в стране (выделение автономных округов в качестве самостоятельных субъектов Федерации, преобразование Адыгеи в республику, раздел Чечено-Ингушетии в условиях невозможности проведения соответствующих политико-правовых процедур и создание в июне 1992 г. Республики Ингушетия без четко определенной территориальной основы).

В те же самые годы в правительстве и в профильных комитетах Верховного Совета России шла разработка новых законопроектов в области национальной политики, а также началась подготовка концептуального документа по национальной политике. Наряду с проектом Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации были разработаны и начали внедряться со скромным финансированием специализированные государственные программы помощи финно-угорским народам, отдельным этническим движениям и творческим группам, массово-фольклорным мероприятиям и т.п. Тогда же в первой половине 1990-х гг. возникла общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России» и «Сенежский форум», ставшие авторитетной площадкой обсуждения проблем национальной политики.

Заметным направлением национальной политики еще с первых лет перестройки стала деятельность общественного движения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К моменту распада СССР в стране проживали 26 официально признанных малочисленных народов общей численностью примерно 125 тысяч человек (по переписи 1989 г.). Эта категория населения проживает в специфических природных условиях тайги, тундры и арктических морских побережий, сохраняя многие элементы традиционного хозяйствования (охота на пушного и морского зверя, рыболовство, оленеводство). В условиях активного промышленного освоения арктических и других регионов проживания аборигенов в мире уже давно через международные инструменты и национальные законодательства действует система защитных мер этой специфической по своим хозяйственно-культурным запросам группы народов. В СССР также многое делалось для защиты малых народов Севера, что однако не спасло их от серьезных социальных проблем.

Первый Съезд народов Севера прошел в 1990 г. в Кремле с участием М.С. Горбачева, на котором была образована «Ассоциация народов Севера СССР» (в 1993 г. зарегистрирована как «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»). Конституция 1993 г. гарантировала права коренных малочисленных народов в соответствии с международным правом и международными договорами России. С началом работы Верховного Совета России в профильном комитете по проблемам Севера началась работа над соответствующим законом, который был принят только в 1999 г. как «Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В 2000 г. был принят еще один федеральный закон об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока, а год спустя – закон о территориях традиционного природопользования, которые вместе с разработанным законодательством по этой тематике на уровне ряда субъектов Федерации сегодня составляют систему защиты прав коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Однако вернемся к проблеме вооруженного конфликта на Северном Кавказе, который можно считать началом отдельного этапа в истории «национального вопроса» в современной России, хотя военные действия в Чечне и не носили всеохватного характера. Почему январь 1995 г., особенно дни новогоднего штурма города Грозного, стал рубежным в истории России с точки зрения межнациональных отношений? Потому что это был масштабный вооруженный конфликт, когда от имени чеченского народа вооруженными незаконными формированиями при прямой поддержке международных террористических сил был брошен открытый вызов всей государственной системе и всей России, включая другие народы Северного Кавказа. Никакой правовой процедуры провозглашения независимости в Чечне соблюдено не было, да и Конституция Российской Федерации не предусматривает явочную сессию. Однако и со стороны государственной власти России не были соблюдены должные правовые процедуры, регулирующие масштабное применение силы внутри страны против собственных граждан. Снова надменность силы и амбиции двух лидеров (на сей раз Ельцина и Дудаева) привели к кровавой драме, стоившей в итоге двух ее этапов около 50 тысяч погибших российских военных и гражданского населения, не менее половины которого были русские жители города Грозного.

«Чеченская война» – это тяжелое поражение российской национальной политики, несмотря на героические усилия, которые предпринимались некоторыми российскими политиками, военными, общественными деятелями по завершению этой войны. Вторая «чеченская кампания», восстановление контроля федерального Центра в этом субъекте Федерации, образование легитимных временных органов власти Чеченской Республики и проведение конституционного референдума произошли в 2000–2003 гг. и связаны с первым сроком президентства В.В. Путина.

Однако следует отметить еще несколько важных моментов в истории национальной политики позднеельцинского периода. Это был период, когда продолжалась достаточно плодотворная законотворческая деятельность и общественная активность в сфере национальной политики. После принятия Государственной Думой в 1996 г. разработанного Правительством закона о национально-культурной автономии (НКА)

открылась возможность своего рода внутреннего и экстерриториального самоопределения этнических общностей, особенно тех, кто имел дисперсный характер расселения или иммигрантское происхождение. В Российской Федерации стали возникать НКА разного уровня – от федерального до местного – из числа представителей различных российских национальностей (украинцев, российских немцев, евреев, азербайджанцев, армян и т.д.). Это был важный процесс самоорганизации в форме общественных объединений представителей разных национальностей с целью поддержки и развития собственных культур, укрепления групповой идентичности, защиты от возможных дискриминационных проявлений, продвижения своих интересов и прав через властные структуры и другие механизмы. Сегодняшние НКА представляют собой важный компонент и институт гражданского общества, через который реализуются многие вопросы межэтнических отношений и этнокультурного развития. Лидеры НКА представлены в общественных советах министерств и ведомств, в Общественной палате России, они активно позиционируют себя в СМИ и на международной арене.

Другим важным моментом национальной политики второй половины 1990-х гг. было принятие в 1996 г. Указом Президента РФ «Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации» (далее – Концепция). Этот документ имел принципиальное для своего времени значение, ибо в нем впервые после распада СССР были сформулированы цели, направления и механизмы политики государства в сфере национального вопроса. Документ содержал новые моменты в трактовке таких базовых категорий, как «нация», «самоопределение», «соотношение индивидуальных прав и прав этнических групп (народов или национальностей)», и некоторые другие. Цель национальной политики определялась как обеспечение прав и запросов граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической, конфессиональной, языковой традиции или общности. НКА определялась как форма внутреннего самоопределения российских национальностей наряду с формой этнотерриториальных автономий, каковыми были республики и автономные округа. Основными направлениями национальной политики назывались: обеспечение достойных условий социально-культурного существования, сохранение групповой идентичности, обеспечение справедливого доступа к ресурсам развития и к управлению, этнокультурная деятельность по сохранению культуры и языка.

Концепция была одобрена всеми субъектами Российской Федерации, Государственной Думой России, она до сих пор сохраняет статус

действующего документа. Однако на последующем этапе развития страны возникли новые проблемы и исторические вызовы, обнаружились новые задачи и появились новые возможности, которые не были сформулированы в Концепции 1996 г. В частности, более чем реальной стала угроза вооруженного сепаратизма, а также рост настроений ксенофобии и экстремизма среди части населения страны, которые вызывали напряженность в отношениях среди граждан и озабоченность власти за обеспечение национальной безопасности и сохранение гражданской стабильности и солидарности в российском обществе.

Наконец, в конце 1990-х гг. проявились некоторые глубинные недостатки в системе федеративного устройства и проводимой в ряде этнотерриториальных автономий (республик) внутренней политики в сфере межэтнических отношений. Используя некоторые конституционные положения и законы, принятые в республиках в начале 1990-х гг., административный ресурс и политические манипуляции, в ряде республик так называемые титульные нации стали правящими группами меньшинства над большинством населения и проявляли недостаточную заботу о положении и запросах нетитульного населения. Это привело, например, к существенному оттоку русского населения из ряда республик, особенно Северного Кавказа. Используя возможности действовавшего федерального закона об образовании и местные правовые акты, в российских республиках, наряду с позитивными процессами возрождения местных языков и традиций, начался процесс принижения статуса русского языка и не создавались должные условия для языков малых групп меньшинства, которые имеются почти везде. В сфере массовой информации, в образовательной системе, в общественных и научных дебатах утверждались узкоэтнические и зачастую антироссийские установки и ценности. Становилось все более ясным, что в повестку национальной политики должны быть включены задачи не только сохранения этнокультурной самобытности и утверждения этнического (этнонационального) самосознания, но и обеспечения общероссийской солидарности и патриотизма на основе понимания русского народа как гражданской многоэтнической нации.

Еще одним новым фактором национальной политики стало усиление возникшей в период первых открытых конфликтов в СССР и его распада массовой иммиграции в Россию нескольких миллионов бывших советских граждан. Первоначально это были главным образом люди русской национальности или в более широком плане – русскоязычное население, которому не оказалось должного места и жизненных пер-

спектив, а иногда и элементарной безопасности в новых независимых государствах, где они проживали к моменту распада СССР. Из более чем 25 миллионов русского населения в Россию переехали около 4–5 миллионов, подавляющее большинство из которых получили российское гражданство и успешно интегрировались на своей исторической Родине. Более серьезной проблемой стала иммиграция вынужденных беженцев и переселенцев из зон конфликтов или из-за открытого или косвенного выдавливания отдельных групп нетитульного населения (армян из Азербайджана, азербайджанцев из Армении, осетин из Грузии, месхетинских турок из Узбекистана, представителей дагестанских и северокавказских народов из государств Средней Азии). Масштабное перемещение населения вызвали осетино-ингушский конфликт и «чеченская война». Помимо Чечни русские фактически покинули Ингушетию, много русских уехало из Дагестана и из других республик.

Однако наиболее серьезную проблему в сфере межэтнических отношений вызвала плохо контролируемая трудовая миграция коренных жителей новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. В Россию в 1990-е гг. переехало в целом еще около 7 миллионов человек, часть – на временной, сезонной основе, часть – с целью постоянного проживания. На первом этапе в основном это были украинцы, молдаване, жители стран Закавказья. Позднее в этом потоке стали преобладать мигранты из Казахстана и Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы, казахи).

Массовая иммиграция в Россию вызвала напряженность на рынке труда и конфликты в социально-бытовой сфере, чем воспользовались ультрарадикальные элементы и даже некоторые политические партии и общественные организации для разжигания чувств ненависти к мигрантам и провоцирования насилия. На антииммиграционных настроениях окрепли и распространились, особенно в молодежной среде, ультранационалистические и неонацистские группы и отдельные активисты, использовавшие разные средства мобилизации – от Интернета до организации так называемых «русских маршей». Одновременно неконтролируемая миграция несла с собой явные риски в области наркотрафика, торговли людьми, производства контрафактной продукции, неуплаты налогов и т.д.

Миграционный фактор стал одним из конфликтогенных в сфере национальной политики в начале 2000-х гг. В маленьком карельском городе Кондопога произошло массовое столкновение между старожильческим местным населением и мигрантами из региона Кавказа, которое

сопровождалось убийствами и погромом. В этот период в стране от рук ультранационалистов и расистов погибало более сотни человек ежегодно. Это также требовало своей реакции со стороны власти и общества с учетом того, что иммиграция из стран бывшего СССР, особенно в форме организованных переселений соотечественников, являлась крайне важным фактором для решения демографических проблем страны и для развития российской экономики. После принятия в 2001 г. нового закона о гражданстве с некоторыми последующими поправками, а также реформирования федеральной миграционной службы и обновления содержания миграционной политики ситуация в этой области стала улучшаться. Сокращению иммиграции способствовал также мировой финансовый кризис 2009 г.

Особенности российской этнополитики первого десятилетия XXI века

Реформы в сфере национальной политики на новом историческом этапе начались с инициативы Президента В.В. Путина привести в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовые акты субъектов Российской Федерации, и прежде всего республиканские базовые правовые нормы, которые еще сохраняли в себе положения эпохи «неограниченного суверенитета» и слабые гарантии прав человека нетитульной национальности. Для решения этой масштабной задачи в 2000 г. была введена система семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации. На протяжении ряда лет эта работа была выполнена через внесение поправок в республиканские конституции и законы, а также через другие механизмы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны.

Еще одним важным шагом в сфере этнотерриториального устройства страны стало начало процесса укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями, куда они и входили в советское время. Этот шаг диктовался прежде всего экономическими факторами, а именно – необходимостью объединения ресурсов территорий для более успешного развития и улучшения социальных условий жизни населения. Этот шаг имел цель также уменьшить чрезмерно большое число субъектов Федерации, а следовательно, повысить эффективность управления. Меньше

всего укрупнение субъектов преследовало цель лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Однако в ряде округов некоторыми общественными активистами, в частности бурятскими общественными лидерами, этот процесс был воспринят довольно негативно. Еще более болезненной и открыто конфронтационной была реакция со стороны адыгской общественности на возможное возвращение республики в состав Краснодарского края. Всего на конец 2009 года было упразднено шесть автономных округов и общее число субъектов Федерации составило 83, из них 21 республика, одна автономная область и 4 автономных округа.

В этом же русле оптимизации государственно-административной структуры и повышения эффективности управления была изменена система выборов глав субъектов Федерации, включая и президентов российских республик, которые до этого избирались на прямых выборах, а с 2004 г. стали утверждаться Президентом страны по представлению региональных законодательных органов. Следует отметить, что отмена прямых выборов подвергалась критике и пока что не решила одну из важнейших задач – устранение клановости и коррупции региональных властей. Для российских республик вопрос качественного и эффективного управления на демократических, открытых принципах остается одним из наиболее труднорешаемых.

В доктринальном плане новые подходы в области национальной политики были сформулированы еще в сделанных по поручению Президента В.В. Путина предложениях по корректировке действующей Концепции государственной национальной политики, но они не были приняты скорее по причине ортодоксального подхода руководителей государственно-правового управления Администрации Президента России. Однако и без обновления Концепции в ряде ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию и официальных выступлений Президента в последние годы было заявлено о новом понимании российской нации и возможности достижения национального единства при сохранении этнического и религиозного разнообразия населения страны. В 2004 г. В.В. Путин заявил следующее: «Мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство». В 2008 г. Д.А. Медведев сказал: «Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной сре-

ды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости».

Эти фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только насущной потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве, это также единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Новая идеология гражданского национализма ни в коей мере не означает отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием российская нация. Последняя есть, прежде всего, форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и по современным лояльностям и патриотизму представителей одного народа – русского народа, многообразного, но единого. Россия – это нация наций, и суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение национальных интересов русского народа внутри страны и на международной арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие экономики, систему национального образования; с другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно совсем не исключает другое, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном демократическом управлении.

Национальный вопрос и национальная политика в нашей стране прошли за последнюю четверть века непростой и полный драматических поворотов путь своего развития. Тот бесспорный факт, что Россия с начала либеральных реформ второй половины 1980-х гг. и до конца 2009 г. развивалась в позитивном направлении, сохраняя свое многообразное единство, говорит о том, что в целом эта политика была успешной. Несмотря на трагические конфликты и сохраняющиеся проблемы.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются состояние современной исторической науки в России и проблемы, препятствующие приращению объективного исторического знания. Формулируется мысль о необходимости формирования корпоративной идентичности и этики российских историков, что позволит исторической науке взять верх над участившимися случаями предпринимательства на истории и исторического любительства.

Ключевые слова: историческая наука, национальная историческая школа, историческое сознание, исторические фальсификации и спекуляции.

Summary: In article a condition of a modern historical science in Russia and the problems interfering an increment of objective historical knowledge are considered. The idea of necessity of formation of corporate identity and ethics of the Russian historians that will allow a historical science to get the best of the become frequent cases of business on stories and historical hobbying is formulated.

Keywords: historical science, national historical school, historical memory, national identity.

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, сопредседатель ОСОО «Российская нация», председатель научно-консультативного совета журнала «Вестник Российской нации».

Статья подготовлена на основе выступления академика В.А. Тишкова на международном круглом столе «История, историки и власть» (Москва, 2 февраля 2010 г.).

Каждая сильная и состоявшаяся нация имеет свою историю, которая не есть простая череда событий, а профессионально организованный «национальный нарратив», т.е. основанная на достоверном знании и общеразделяемая членами нации версия прошлого страны и ее народа. Историческая память общества основывается на этом знании, и она составляет важнейший компонент национального самосознания (идентичности). В извечной дилемме, что первично – историческая память или историописание, мы отдаем приоритет последнему, за исключением тех событий, непосредственными участниками или свидетелями которых было большинство ныне живущих граждан. Здесь у профессиональных историков есть конкуренция с теми, кто «видел Ленина», но и в этом случае непосредственные свидетели истории не могут обойтись без профессиональных исследователей, которые реконструируют и интерпретируют канву исторических событий в их полноте и сложности.

За последнее время историческая тематика вышла на передний край общественно-политической жизни нашей страны. Это не может не радовать профессиональных историков и одновременно вызывать дополнительную озабоченность за состояние отечественной исторической науки и профессионального сообщества историков. Здесь есть проблемы как теоретико-методологического характера, так и сугубо институциональные моменты: как организовано сообщество, как оно себя позиционирует и как оно воспринимается окружающим обществом. Можно говорить о своего рода «актуальном моменте», когда завершается почти 25-летний период глубоких интеллектуальных трансформаций и выстраивания новой постсоветской историографии, включая почти полную смену поколений. Остроту этому моменту добавили политико-идеологические факторы, когда трактовка прошлого оказалась одним из ключевых моментов нациестроительства и внешнеполитических стратегий государств, образовавшихся после распада СССР. На актуализацию истории как сферы гуманитарного научного знания, как предмета просвещения и объекта массового интереса оказывают воздействие более общие процессы модернизации. Они включают новые формы культурного производства и коммуникации, особенности восприятия современным человеком событий и явлений быстротекущей действительности, новые возможности и формы презентации собственного мировидения. Насколько историописание вместе с другими сферами гуманитарного знания приспособилось к этой новой реальности? Каково сегодняшнее место академической науки и каков запрос общества на историческое знание?

Состояние дисциплины

Задача моей статьи – это всего лишь предварительные рассуждения, ибо масштаб проблемы таков, что давно назрел большой разговор российских историков о состоянии профессии, а вместе с этим – еще более важный разговор о роли исторической памяти в формировании национального самосознания (идентичности). Мне кажется, что схожий момент большой профессиональной дискуссии переживала американская историческая наука в 1970–1980-е гг.¹, большие дискуссии о роли исторической памяти в представлениях о нации происходили в последние десятилетия также и во многих странах. Например, в последние годы идут серьезные дебаты среди французских и итальянских историков, особенно вокруг проблемы политизации истории и принятия законов об «исторической памяти». Собственно говоря, похожий момент наступил и в России, и проведенный в феврале 2010 г. по инициативе французских и российских историков международный круглый стол стал тому свидетельством. Годом раньше в Москве прошла организованная издательством РОССПЭН крупная международная конференция по истории сталинизма, которая также положила начало новому этапу в переосмыслении истории советского периода². В год 65-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне в России развернулись острые общественные дискуссии и научные обсуждения вокруг целого ряда вопросов прошлого нашей страны.

При определенных условиях общие усилия ученых, общественных активистов и политиков должны дать позитивные результаты, несмотря на жесткие противостояния поколенческого и политического свойства. Одним из таких условий является обеспечение фундаментальных научных исследований в России на принципах профессионализма, академической свободы и гражданской ответственности, а также уважительное отношение к научному знанию и к исторической правде. Несмотря на многие издержки и даже преступления прошлых режимов, а также на драматическую судьбу самих ученых-историков, российская историческая наука сегодня представляет собой одну из авторитетных национальных школ в мире. Могут это засвидетельствовать как участники почти всех всемирных конгрессов историков после 1970 года. Хотя жесткое идеологическое противостояние прошлых

¹ См.: *Тишков В.А.* История и историки в США. М.: Наука, 1985.

² Это издательство уже выпустило в свет более 40 томов новейших исследований по истории сталинского периода СССР.

конгрессов ушло в прошлое, а их научный уровень не особенно повысился, тем не менее, всемирные конгрессы остаются наиболее заметными международными собраниями профессиональных историков, и участие в них российских специалистов остается значимым. Важно, чтобы эти стандарты были сохранены и приумножены нынешним поколением исследователей при условии, что старшее поколение не будет «заедать век» молодых и предоставит им возможности для профессионального роста и выражения, а молодые, в свою очередь, не будут исповедовать принцип *tabula rasa*, а сохранять преемственность в производстве нового знания. Здесь есть некоторые обещающие тенденции, но есть и проблемы, которые следует обсудить.

Во-первых, демократизация общества, отмена цензуры, открытие архивов и вместе с этим своего рода «открытие прошлого», особенно недавнего советского прошлого, вызвали взрывной интерес к истории среди профессиональных исследователей, деятелей культуры, масс-медиа и рядовых граждан. Это в целом позитивный процесс. За последние 20 лет по истории издано архивных документов, переиздано старых трудов, переведено книг зарубежных авторов, написано новых академических монографий и публицистических сочинений больше, чем за предыдущие полвека. Особенно это касается российской истории, в том числе истории краев, мест, этнических групп, церкви, эмиграции и т.д. В стране родилось новое краеведение как особое направление исторических занятий просветительского, рекреационного и патриотического направлений. Огромный объем нового знания был введен в общественное пользование по истории советского периода, многие тайны которого, связанные прежде всего с насилием против людей, были закрыты для изучения.

В последние годы появились разнообразные, в том числе и частные источники поддержки исторической науки, профильных музеев, телепрограмм, генеалогических разработок. Только по линии РГНФ ежегодно получают поддержку сотни исследовательских, экспедиционных, издательских проектов на общую сумму около 300 млн рублей. Сегодняшний ежегодный бюджет научно-исследовательских институтов исторического профиля в системе Российской академии наук составляет суммарно более 600 млн рублей. В рамках общего бюджета РАН более 50 млн рублей выделяется на выполнение программ фундаментальных исследований, и эти средства идут непосредственно на исследовательские проекты. В целом по стране выросло число профессиональных историков и научных центров, особенно в

системе университетов. Совсем другой – открытой и разнообразной – стала сфера международных научных связей, в основе которой лежат прежде всего личный научный интерес ученого и выстраиваемые им контакты. По многим параметрам последние два десятилетия могут считаться наиболее плодотворными для российской исторической науки.

Однако мне бы больше хотелось вести речь прежде всего о проблемах и о вызовах, с которыми столкнулась современная историческая наука. Во-первых, это слабая самоорганизованность профессионального цеха отечественных историков. Историки, пожалуй, единственные среди российских обществоведов не имеют национальной профессиональной ассоциации, не проводят регулярных научных съездов, которые всегда есть смотр научных достижений, площадка для дискуссий и для передачи межпоколенческого опыта, а также важный барьер на пути лженауки. Возможно, что Франция здесь не пример, но опыт США и Американской исторической ассоциации может быть поучительным для больших профессиональных сообществ. Ежегодные съезды американских историков собирают тысячи профессиональных исследователей прошлого. В содержательном плане эти собрания, пожалуй, даже мощнее международных исторических конгрессов. Помимо европейских, родились сильные научные историографии в Индии и Китае.

Российские историки не имеют национального научного журнала общего профиля. Журнал «Вопросы истории» в начале 1990-х гг. стал собственностью общества с ограниченной ответственностью и фактически перестал быть ведущим академическим изданием по уровню и по содержанию публикуемых в нем материалов. Правда, появилось несколько новых ежегодников и исторических журналов, в том числе и журнал «Родина», рассчитанный на широкую аудиторию. Но в целом в российской науке ощущается недостаток подлинно академического журнала общего профиля, где бы ставились вопросы теории истории, презентовались наиболее важные результаты исследований и рецензировались значимые научные издания.

Отметим, что в последние два десятилетия число получателей ученых степеней по исторической науке выросло десятикратно, но особой радости от этого мало. Многие из защищенных диссертаций – это купленные суррогаты или результат явных протекций. Высшая аттестационная комиссия не справилась с напором частного интереса, подкрепленного материальным или другим ресурсом. Профессиона-

лизму историка-исследователя нанес большой ущерб бизнес на оплаченных публикациях, нужных для защиты, а также бесчисленные анонимные тексты-компиляции в Интернете. В целом корпоративная идентичность отечественных историков находится в разобранном состоянии. По большому счету, от имени российских историков сегодня некому заявить какую-либо позицию, что, конечно, наносит ущерб профессиональному цеху.

Вторая проблема заключается в том, что при сегодняшней материальной возможности напечатать любой текст у многих людей складывается впечатление о возможности всем желающим заниматься историей и считать себя историками. Эти многочисленные неофиты полагают, что историописание – это не есть особое профессиональное ремесло, которому нужно обучаться, а всего лишь вариант любительского занятия (как туризм и рыбалка) или вид коммерции, на которой можно заработать продажей макулатуры на историческую тему. Для некоторых авторов доставляет удовольствие и приносит дивиденды сочинение политизированной лжеисторической мифологии.

В России расплодилось в большом количестве авторы, центры и даже фонды, которые выбрали историю своей профильной деятельностью. Некоторые из этих центров, фондов и издательств (например, фонды «Историческая перспектива» и «Историческая память. XX век», издательство РОССПЭН) доказали свой профессионализм. Но в целом исторической науке противостоит предпринимательство на истории и историческое любительство, и обе стороны пока не нашли между собой механизмов взаимодействия. Серьезные исследователи чаще всего не хотят связываться с шарлатанами, апологетами этнонационалистических и расистских трактовок, с теми, кто вдруг разом решил перевернуть все представления о прошлом, о великих событиях и явлениях, в том числе в отечественной истории. Среди лжеисториков в отношении профессионалов стал употребляться пренебрежительный термин «традиционные историки», которые якобы состоят из старых догматиков, не желающих признавать новое в интерпретации прошлого. Так, например, съездил известный писатель-сатирик на один день в Аркаим, написал, как сам признался, целых три статьи по данной теме и после этого бесчисленное количество раз на миллионную аудиторию доказывает бредовую версию рождения белой расы от славян на территории нашей страны, а русский язык объявляет праязыком всех мировых языков. Биологизаторские, расистские и эсхатологические трактовки прошлого подрывают веру в основанную

на знании национальную версию истории страны и народа. Изучение подлинной истории становится ненужным занятием, а в головы людей закладываются фантастические, изоляционистские или, наоборот, гегемонистские представления о прошлом собственного народа.

Как решать проблему охраны профессиональных стандартов и противодействия паранаучности и историческим спекуляциям – вопрос, требующий особого обсуждения. Среди российских историков встречаются специалисты, которые берут на себя труд критики разных вариантов «фоменковщины» или этногенетической мифологии³, но таких авторов очень мало и тиражи их книг – это капля в море по сравнению с тиражами книг по «новой хронологии», «беломорью», разного рода националистических изданий.

Новые государства – новые исторические нарративы

Наиболее серьезная проблема в сфере исторического знания в России связана с распадом СССР и появлением не только новых государств, но и 15 новых национальных нарративов, своего рода официальных версий прошлого каждой страны. Прошлое составляет необходимый компонент национального самосознания, и это есть преобладающая собственность и ответственность страны и ее народа за так называемую «национальную историю». Не могут российские историки быть создателями национальных версий германской или французской истории, и наоборот. Хотя такие претензии могут быть. Но все-таки каждая страна стремится через историческую версию обеспечить веру в собственную общность судьбы, стимулировать гражданскую солидарность и патриотизм, укреплять легитимность государства, обосновывать его достоинства и отличительную привлекательность для внешнего мира. В конструировании такой версии используются как достижения и победы, так и исторические драмы и несправедливости. Как правило, национальные истории строятся на основе изоляционизма и исключительной представленности доминирующей культурной традиции и ее носителей, на основе удревнения исторических корней, непрерывности культурной традиции и государственности. К данной

³ См., например, публикации с критикой сочинений академика-математика А. Фоменко: *Володихин Д., Елисеева О., Олейникова Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998, а также книги В.А. Шнирельмана по этногенетической мифологии: *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье.* М.: Академкнига, 2003; *Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке.* М., 2006.

проблеме историки привыкли, и по этому вопросу ведутся острые и давние споры. В России к этой проблеме еще и добавляется терминологическая сумятица по поводу самого понятия «национальное». Для части моих коллег «национальная история» – это частные этноверсии (история татар, история башкир, история осетин и т.п.), а также новые исторические версии в постсоветских государствах (грузинская, узбекская, украинская и т.д.)⁴. Национальной истории России как бы и не существует.

С советских времен в исторических учебниках излагается история центра (также, кстати, всегда многоэтничного) как своего рода русская история и в качестве дополнительного раздела «история народов и государств на территории СССР» или история этнической периферии. Проблема общей версии и представленности носителей разных культурных традиций в большом российском нарративе до сих пор не решена, как она была решена в последние десятилетия в ряде стран Европы и Америки. Для создания полнокровной и открытой версии истории России это имеет особое значение. К сожалению, большинство наших граждан не знают, какие древние культуры и города, кроме Киева, Москвы и Новгорода, имеют отношение к формированию российского государства. По крайней мере, древнейший российский город Дербент едва ли кто назовет. При наличии серьезных наработок по части истории отдельных групп и регионов эти проблемы можно решить через более адекватные учебные тексты и через хорошо подготовленные популярные презентации (ТВ, музеи и прочее). Трансляция документальных фильмов «Би-Би-Си» по истории и некоторые наши сериалы, в том числе «Исторические хроники» Н. Сванидзе, историко-культурные фильмы Н. Парфенова, исторический цикл на 5-м канале Санкт-Петербурга, исторические передачи на радиостанции «Эхо Москвы» показывают, как это можно делать.

Более серьезной проблемой историописания представляется вариант создания национальных версий истории на основе игнорирования общего прошлого с другими народами. При такой версии иногда может показаться, что православный храм в центре Хельсинки свалился с неба, если, например, в национальной исторической версии игнорируется период пребывания Финляндии в составе Российской империи. Ясно, что единой версии прошлого для всех 15 государств

⁴ См. издание, подготовленное молодыми историками, но со старым подходом, который отражен в самом названии коллективного труда: Национальные истории в советских и постсоветских государствах. Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1999.

уже никогда не будет, но это не означает, что политикам нужно вычеркивать общую историю, а историкам – отказываться от ее совместной разработки или от простого сотрудничества.

Однако самое худшее – это конструирование национальных версий прошлого на основе создания враждебного образа других народов и государств или на основе коллективной травмы, ответственность за которую возлагается исключительно на внешние факторы. Советская эпоха оставила много таких травм, но и не меньше достижений. Все это есть наша общая история и наша общая ответственность. Правопреемственность России по отношению к внешним долгам, посольской собственности или международным соглашениям совсем не означает, что, например, мои пострадавшие от сталинизма уральские родственники и я как их потомок несем ответственность за жесткие ошибки или преступную политику, которую проводила советская верхушка, состоящая в значительной степени из выходцев из Грузии и Украины. Сама проблема исторической ответственности во всех ее аспектах требует нового обсуждения. Как, кстати, и проблема так называемых исторических несправедливостей.

Применительно к советскому периоду российские историки позволили втянуть себя в малопродуктивные дискуссии, пытаясь, в свою очередь, доказывать, что русские и центральные территории страны пострадали от голода, репрессий, войны не меньше, а даже больше. Здесь почти всегда идет нагнетание недостоверных цифр о жертвах репрессий или умерших от массового голода. Идет своего рода соревнование исследователей, задача которого – показать «кому было хуже». К профессиональной истории это имеет мало отношения. Нам необходимо обсудить проблему инфляции демографических и других цифр, имеющих большую общественную, прежде всего эмоциональную, значимость. Франция, например, до сих пор верит Андре Глюксману, что чеченский народ потерял в ходе вооруженного конфликта около 200 тыс. человек, и никто из специалистов не считает возможным опровергать эту почти десятикратную ложь по соображениям политкорректности или солидарности с соотечественником. Тем временем названная цифра уже переходит в тексты западных учебников.

Консенсус по поводу национального нарратива

Известный специалист по исторической эпистемологии Алан Мегилл считает, что «общей чертой большинства современных про-

явлений мемориальной мании является трансформация представлений об идентичности. В мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ, неопределенность идентичности, возможно, является неизбежным побочным продуктом. В такой ситуации для «памяти» вполне достаточно причин выдвигаться на первый план. Можно даже постулировать одно правило: когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти»⁵. В современную эпоху теологический догмат и религиозное чувство уже не всегда составляют основу идентичности человека. То же самое произошло с другими тотальными основами личностных и коллективных идентификаций (например, по племенной, сеньориально-монархической, расово-этнической и кастовой принадлежности). В эпоху модерна индивиды и сообщества получили больше возможности моделировать свои собственные идентичности по другим опорным основам, среди которых политика и идеология оказались на первом месте. Среди теоретиков модернизма рождается феномен «само моделирования», прежде всего как чувство творческой самоуверенности. Так появляется «свободный дух Гете» и самоуверенность Ницше. Современным ярким выражением этого само моделирования стала концепция «Я сам себе государство» у Александра Зиновьева⁶. Это, конечно, не всеобщий принцип, и религиозная идентичность, например, до сих пор остается среди первых для многих истинно верующих. Точно так же во многих обществах сохраняются железные клетки расовых и кастовых категорий как в самообозначении, так и во внешнем определении человека и групп. И все же основой коллективной памяти и важнейшим компонентом идентификации человека по государственному сообществу (именно это мы называем национальной идентичностью) является общепрожитая история собственного и предшествующих поколений. При этом речь идет не о некоей мифической «генетической памяти», а о добытом и оформленном профессиональным методом историческом знании.

Но как неизменно это профессиональное знание? Колингвуд считал, что никакой результат в истории не является окончательным, что свидетельство меняется «с каждым изменением исторического метода», что «принципы, которыми это свидетельство интерпретирует-

⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2008. С. 138.

⁶ См. раздел «Зиновьев» в книге: Гусейнов А.К. Великие мудрецы и пророки прошлого. М., 2009.

ся, также меняются» и что, следовательно, «каждое новое поколение должно переписывать историю его собственным способом»⁷. Могу также добавить, что меняются не только метод и принципы интерпретации, но и социальная среда, интересы и устремления людей, социальных групп, политиков, интеллектуалов. Тем самым каждое поколение желает видеть или находить в истории то, что наиболее значимо для него в сегодняшнем дне. Эта потребность может радикально меняться в случае смены общественного устройства и политико-идеологического режима, что имело место в СССР с приходом М.С. Горбачева и после него.

Мы знаем, что бывают ситуации, когда исторические катаклизмы уничтожают государство вместе с его национальным нарративом прошлого. Так случилось, например, с версией истории СССР, создаваемой несколькими поколениями еще ныне живущих историков. На место приходят своего рода «нулевые поколения» – новые граждане новых государств, которые или пытаются продолжать старый «большой нарратив» (как это имеет место в России среди части историков и публицистов), или начинают все с отрицания предшествовавшей версии истории (как это имеет место в России среди малой части историков и среди большинства историков в других странах бывшего СССР), или же обращение идет к древней, наиболее мифологизированной части прошлого в попытке выстроить легитимный континуум и тем самым создать опору современной идентичности, как бы пропуская недавнее прошлое. Такое происходит среди многих российских историков и среди многих историков стран бывшего СССР. «Мы в СССР никогда не были, и поэтому нас нельзя называть частью бывшего Советского Союза», – полагают, например, прибалтийские коллеги.

Какую позицию я считаю наиболее приемлемой в этой ситуации, казалось бы, безнадежного релятивизма и субъективности? Во-первых, неправильно считать, что каждое поколение начинает с чистого листа и каждому поколению выдается своего рода карт-бланш на собственный способ историописания и на отрицание накопленного предшественниками знания. Это же условие распространяется и на разные теоретико-методологические парадигмы, группы и школы, участвующие в процессе историописания. При всех обстоятельствах и даже при полной неудовлетворенности статус-кво энтузиастов радикальных ревизий существуют профессиональные проверочные нормы и сохраняется способность оценивать компетентность историков, ко-

⁷ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980.

торые предохраняют от разрушения само здание профессиональных исторических знаний.

В моменты смены парадигм и радикальных ревизий аргументы и обоснования, т.е. собственно историческая эпистемиология, выходят на первый план в профессиональном сообществе и делают тем самым возможным диалог между сторонниками разных версий. Именно здесь история, как пишет А. Мегилл, «должна быть не только (в некоторых ее аспектах) эстетической практикой, но также и научной дисциплиной, т.е. организованным получением знаний теми коллективами, которые разделяют принципы и практику точного, методического и непрерывного конструирования, деконструкции и реконструирования исторического прошлого»⁸. Историк должен пытаться дойти в своем анализе до истинного понимания вещей, хотя нам очевидно, что понятие истины, в том числе исторической истины, относится к категории постоянных дебатов теологов и гуманитариев. И здесь я задаю один из старых вопросов: каковы условия приближения к истине, интеграции нового знания в существующий корпус достоверных знаний и сохранения исторического знания от внедисциплинарных воздействий политиков, идеологов, намеренных шарлатанов и поверхностных энтузиастов?

В целом, должен сказать, что как каждое новое поколение будет открывать в истории те ее стороны, которые наиболее значимы для его сегодняшнего существования и восприятия мира, так и каждое новое государство будет выстраивать свою собственную непрерывную историческую версию. Главное, чтобы эти версии имели в основе профессиональное историческое знание и не были заточены на создание образа врага и на разжигание межгрупповой и межгосударственной вражды. По этому вопросу среди историков разных стран возможны договоренности. Даже в худые времена холодной войны в 1970-е гг. действовала советско-американская комиссия историков по устранению из исторических учебников идеологизированных и необоснованных оценок и фактов истории одной страны в учебниках другой страны. В моем архиве сохранился текст заключительного доклада, который хотя и не был обнародован, но был использован профессионалами.

В национальных историях и в мировой истории есть морально-ценностные моменты и общеразделяемые трактовки прошлого, ко-

⁸ Мегилл А. Указ. соч. С. 197.

торые имеют особое общественно-политическое и эмоционально-нравственное значение для той или иной страны, этнической, религиозной или расовой общности и даже для населения целого континента. При всем разнообразии мнений и дебатов среди профессионалов на уровне массового потребления исторического знания и исторических оценок существуют определенные ограничители и сдерживающие факторы публичных интерпретаций. Профессиональные историки не могут считать себя исключительными владельцами знания прошлого без учета общественных настроений, символических ценностей, группового достоинства, интересов формирования национального самосознания или идентичности. Если это было бы не так, то едва ли бы стало возможно создание в Великобритании королевской комиссии по национальной идентичности в 1970–1980-х гг. или «больших дебатов по национальной идентичности», которые сейчас начаты французским президентом Н. Саркози. Хотя часть академического сообщества историков Франции и Италии выступают против попыток Берлускони и Саркози довести подобные дискуссии до принятия правовых актов относительно исторических версий⁹, тем не менее, дебаты и целенаправленные усилия элит по конструированию идентичности на основе исторического материала сами по себе уже стали фактом истории.

Для меня, как ученого-историка, нет непререкаемых постулатов, но своим опытом и гражданским чувством я понимаю, что едва ли можно исторически необоснованными фактами подвергать ревизии, а тем более оправдывать такие мировые явления, как колониализм, религиозная вражда, расизм, нацизм, терроризм, ксенофобия, а также такие конкретно-исторические события, как холокост, сталинские репрессии, погромы китайских хунвейбинов и афганских талибов, полпотовский или руандийский геноциды. В то же самое время нуждаются в защите с участием профессиональных историков (при наличии среди них базового консенсуса) такие исторические явления и факты, как правовое дело антигитлеровской коалиции, миротворческая и другая гуманистическая деятельность отдельных лиц, организаций и даже стран. Но только кто и как определяет формы и нормы такой деятельности? Где здесь пределы политического и правового вмешательства и что составляет исключительный домен самих историков-профессионалов? Как по этим вопросам должны взаимодействовать историки разных стран между собой?

⁹ См., например, работу французского академика П. Нора, которая публикуется в данном номере.

Мне кажется, что мы утрачиваем способность к взаимодействию и возвращаемся к временам конструирования изгоев и непримиримых идеологических противников. У меня, например, вызывает беспокойство отсутствие какой-либо реакции со стороны организованного исторического сообщества или хотя бы того же итальянского Общества по изучению современной истории на указы и законы в Украине, в которых содержится политизированная оценка массового голода 1932–1933 гг., включая число погибших, и предусматривается уголовное наказание за сомнения по поводу этой оценки. В то же самое время мы имели недавно со стороны упомянутого научного общества попытку с подачи радио «Свобода» оказать давление на российских историков в связи с внутренним письмом-просьбой в рамках исторической секции РАН по проблеме исторических фальсификаций. Это можно расценивать как рудимент холодной войны, когда идеологически разделенные исторические сообщества вели открытую борьбу друг с другом. Уважающим себя профессиональным историкам предпочтительнее общаться и выяснять вопросы в прямом диалоге, а не устраивать флэшмобы в Интернете и памятные нам по советским временам кампании позора.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Валерий Тишков

ПРО РАЗНЫЕ ИСТОРИИ (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы преподавания истории в образовательных учреждениях и его влияние на формирование национальной идентичности. Развивается ряд положений публикации С.Е. Нарышкина «О старой и новой России, или Постижение национальной истории».

Ключевые слова: национальная история, национальная идентичность, школьные версии истории и исторического наследия.

Summary: In article problems of teaching of history in educational institutions and it's influence on formation of national identity are considered. A number of positions of the publication of S.E. Naryshkin «About old and new Russia, or Comprehension of national history» are developed.

Key words: national history, national identity, school version of history and historical legacy.

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор.

Что пишут историки и что читает народ?

Для внешнего обозревателя историческая наука представляется меньше всего наукой, а некой разновидностью хобби или интеллектуального предпринимательства. Историю в той или иной степени знают многие, причем лучше, чем физику, астрономию или языкознание. Несколько меньше, но также много людей, которые занимаются историей в любительско-краеведческом или в публицистическом плане. И, наконец, в стране есть несколько десятков авторов, которые пишут на историческую тему коммерчески выгодные книги, как это делает «Малахов-плюс» по проблеме здоровья или Мулдашев по эзотерике. В последней, кстати, многое замешено на псевдоисторической аргументации. В то же самое время в России есть достаточно развитое школьное и вузовское историческое образование, а также система подготовки кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук). Общая численность дипломированных российских историков составляет десятки тысяч человек, из которых не менее 4-5 тысяч профессионально занимаются исследовательским трудом. Только в 18 научно-исследовательских институтах, входящих в Секцию истории Отделения историко-филологических наук РАН, трудятся более 2 тысяч историков. Не меньшее число составляют университетские профессора исторических факультетов, многие из которых также занимаются научным трудом, а не только читают лекции. По крайней мере учебники и учебные пособия по истории пишут в основном они, оттеснив в последние годы от этого занятия историков сугубо академического профиля.

Возможно, что так оно и должно быть, но вот то, что ученые-исследователи фактически перестали писать книги научно-популярного толка вместе с кончиной соответствующей серии в издательстве «Наука», это плохо. Кстати, свою первую книгу «Страна кленового листа. Начало истории» (М.: Наука, 1977) я опубликовал именно в этой серии тиражом 83 тысячи экземпляров. Один канадский коллега в те годы как-то заметил в разговоре со мною: «Этого не может быть, и все эти экземпляры где-то лежат на складе». А у меня у самого не осталось ни одного экземпляра, даже чтобы сканировать для собственного сайта в Интернете! Надо сказать, что моя первая книга про раннюю историю Канады была далека от занимательной истории или яркой исторической публицистики, но тем не менее у нее в те годы был свой читатель. Точно так же разошлась 60-тысячным тиражом книга про современных индейцев США и Канады «Тропой слез и надежд». (М.: Мысль, 1990), хотя этот

текст был совсем не «а ля Кастанейда», о котором советский читатель тех лет фактически еще ничего не слышал.

Серьезную историческую литературу отечественная публика вполне уважала, предпочитала читать и держать в своих библиотеках. Книжки моих старших коллег по академии, ныне уже покойных, Е.В. Тарле, В.П. Волгина, И.И. Минца, Б.А. Рыбакова, В.Г. Трухановского, И.Р. Григулевича, М.В. Нечкиной, А.М. Самсонова и других расходились по стране тиражами в десятки тысяч экземпляров. Сейчас вместе со мною в РАН работают не менее выдающиеся мастера, но тиражи их книг не превышают одной тысячи экземпляров: ровно столько издательство «Наука» печатает копий на получаемые по издательским грантам средства из РГНФ, РФФИ и Президиума РАН. Продажей и получением прибыли за счет тиражей главное научное издательство страны не занимается, нет даже собственного магазина в Интернете. В результате изданный нашим институтом в серии «Народы и культуры» замечательный историко-этнографический том «Русские» был опубликован тиражом одна тысяча экземпляров и допечатан после получения нового гранта. Хотя только одна эта книга могла бы приносить большую и постоянную прибыль издательству, а российская читающая публика имела бы наиболее достоверное и полное изложение истории материальной и духовной культуры русского народа. Вместо дореволюционных переизданий или современных подделок под «русскую тематику». Лежит, например, на книжных полках изданная в крупнейшем издательстве ОЛМА-ПРЕСС книга университетского профессора под названием «Русские в XX веке», но в ней совсем не про русских, а про тех, кто им постоянно строил в истории разные козни. Таким образом, начнем с того, что профессиональная академическая наука отчасти сама сдала свои позиции из-за слабой квалификации, идеологической заангажированности или тривиальной лени как авторов, так и издателей.

Поле профессиональных текстов стало за последние 20 лет гораздо более разнообразным и привлекательным по форме и по содержанию, но этого оказалось недостаточно, чтобы просвещенный народ сохранил привычку читать и доверять профессионалам историописания, а тем более иметь качественные книги в доступности на книжных полках и в библиотеках. Отыграть эту ситуацию достаточно сложно, но возможно. Добротные и новаторские исторические исследования, особенно с элементами открытий и новизной интерпретаций, становятся бестселлерами во многих странах, где средний читатель даже менее грамотен и любознателен по сравнению с россиянами. Необходимо возродить своего рода «народную библиотеку по истории» и сделать книги в этой серии доступными на

уровне так называемого аэропортного читива. Посмотрите, ради интереса, какие книги и каких авторов продают в зарубежных международных аэропортах и что продается в «Шереметьево» и «Домодедово». Сравнение будет явно не в нашу пользу, хотя на Западе печатной муры также хватает, но языческо-эзотерические и расистско-националистические бредни или откровенная политическая заказуха на лицензионных печатных станках не печатаются и на полки не выставляются.

Для того чтобы просветиться по части того, «что читает народ» по истории, достаточно подойти к любому книжному магазину-развалу на улицах российских городов, к книжно-газетному киоску в российском аэропорту или зайти в московский «Библио-глобус». Здесь разница будет невелика: сегодня, как пять и десять лет назад, и повсеместно – от Москвы до самых до окраин – продаются книги на одни и те же темы и примерно тех же самых авторов. Не буду называть фамилии: среди них есть известные политики, писатели и журналисты, но не меньше шарлатанов и человеконенавистников, против которых возбуждались уголовные дела и даже выносились решения. Темы, которые «продаются», – это выдуманные праистории велесо-ведического цикла и протославянские фантазии, это ратные дела и оружие древних предков, это про евреев и про разные заговоры против России, это про генералиссимуса Сталина и про подвиги-козни спецслужбы, это про «исламские» и «оранжевые» угрозы. Наконец, это про чудесных царей и цариц, про Горбачева с Ельциным – могильщиков великой державы СССР.

Еще совсем недавно мне было довольно стыдно смотреть на книжный прилавок в здании Государственной Думы. Сейчас там продаются книги немного посolidнее и во много раз дороже из-за их золотых обзрезов и золотых букв с гербами на обложках. Но вся эта низкопробная макулатура на историческую тематику расползлась по стране, тиражируется самыми известными издательствами и уже красуется на полках районных, университетских и даже школьных библиотек. Фоменко, Пикуля, Гумилева, Радзинского, Кастанейду и подобных авторов будут издавать еще долго, и противостоять новой рыночной истории фактически невозможно. Здесь можно предложить только две стратегии привития навыка к качественной литературе по истории у читателя и повышения критериев отбора у издателя. Первая – это грамотное и ответственное преподавание истории в школе и в вузе. Вторая – это уже упомянутое пробуждение академических историков от неспешного писания исключительно для самих себя. Наконец, срочно необходим диалог профессионалов и любителей историописания с участием издателей. Но как сформировать новый спрос на каче-

ственную историю, мне сказать трудно. По крайней мере, я не думаю, что государственные реестры по защите главных тем отечественной истории и тем более правовые нормы по поводу того, как писать и даже как преподавать историю, могут радикально улучшить ситуацию.

В России действительно «умственный разброд» по поводу того, что было в прошлом. Как пишет С. Нарышкин, «в итоге – всеобщая историческая путаница, разруха в головах, как сказал классик. Учителя в школе и преподаватели в вузах подчас затрудняются в трактовках тех или иных исторических событий, боятся и не хотят отвечать на «неудобные» исторические вопросы, отсылают учащихся к противоречивой литературе и текстам сомнительного содержания. И без того в целом ряде сюжетов и персонажей нуждающаяся в дальнейших серьезных исследованиях отечественная история покрывается еще большим туманом субъективных интерпретаций, завесой фальши и невежества. В общем, получается замкнутый круг: историческая неразбериха питает почву для исторических фальсификаций, которые, в свою очередь, еще больше усиливают историческую неразбериху». Но тогда, может быть, просто нужно пережить этот момент и подождать прихода нового поколения историков и их читателей? Ну, а если это надолго? Тогда где же выход? Сергей Нарышкин предлагает искать его в создании новых эталонов общенациональной истории. На этот счет необходим более чем серьезный разговор.

Как преподается история и в чем суть проблемы?

Преподавание истории – одна из самых острых и постоянно обсуждаемых проблем среди ученых-гуманитариев и среди общественности. В истории нашей страны было несколько известных дебатов и даже партийно-правительственных решений по поводу преподавания истории в школе. В начале 1930-х гг. было даже решение о создании единого учебника по истории для советской школы, и по конкурсу таким образцовым учебником для младших классов был признан учебник истории автора Шестакова. Мои школьные 1950-е годы прошли с учебником истории, написанным академиком А.М. Панкратовой. Затем были учебники академиков Б.А. Рыбакова и М.В. Нечкиной, профессора А.А. Преображенского. По всеобщей истории авторами учебников были академики С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов. Скажем откровенно, что эти учебные версии были не просто «идеологически выдержанны», но они были националистичны и этноцентричны в том смысле, в каком

обычно и пишутся школьные учебники. Их слабой стороной было обеднение самой живой ткани истории в ущерб догмам, а также замалчивание важнейших событий, героев и вклада в российскую историю разных народов и групп населения. Но в любом случае эти учебники были написаны профессионалами высшей пробы, довольно хорошо владевшими писательским пером. Этот опыт школьного историописания стоит вспомнить для извлечения из него кое-чего полезного для нынешней дискуссии.

Что же касается моего обучения на историческом факультете МГУ в 1959–1964 гг., то это было довольно жесткое время, когда высокий профессионализм многих профессоров сочетался с начетничеством, постоянными разоблачениями «буржуазных фальсификаторов», конъюнктурными исправлениями оценок этапов советской истории после смерти очередных вождей. Я еще застал отголоски «дела Краснопевцева», когда за два года до моего поступления на истфак был арестован и получил 10 лет мордовских лагерей студент-историк Лев Краснопевцев (ныне здравствующий директор одного из участвующих московских музеев истории предпринимательства). И всего-то вместе с группой единомышленников он составил листовку по поводу «кризиса социализма». Во время моей учебы был изгнан из университета мой сокурсник Андрей Амальрик также всего лишь за симпатию к норманнской теории происхождения Руси. Хорошо помню это позорное комсомольское собрание факультета, когда исключали из комсомола Амальрика и где с жестокой речью выступил Б.А. Рыбаков. Нет, такого времени нам больше в исторической среде не надо, хотя, к большому сожалению, и сегодня могут найтись молодые хунвейбины-погромщики и идеологически строгие профессора. На это можно сказать только фразой почти забытого Юлия Фучика: «Люди, будьте бдительны!».

В последние десятилетия вопрос о школьной истории и о национальных версиях прошлого тесно переплелся с проблемами глобальных переоценок после окончания холодной войны или периода «большого противостояния», с проблемами государствовоительства после распада СССР и Югославии, с причудливыми трансформациями национализма и поисками национальной идентичности. Сразу же скажу, что не следует все эти вопросы и проблемы сваливать в одну кучу. Сначала полезно разобраться хотя бы в вопросе преподавания истории и возможности «эталонной истории».

Следует признать, что в обществе существуют как бы несколько вариантов обращения к истории. Один из них – это научная историогра-

фия, т.е. академическая версия прошлого, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Но есть и так называемая фольклорная история (народная, или устная, история), есть история, воплощенная в местах памяти, музейных экспозициях, календаре и топонимике. Есть история национального и этноконфессионального самосознания – своего рода история формирования, конструирования, эволюции идентичности народа или регионально-этнических сообществ в рамках одного государства. Наконец, сегодня можно говорить о медийном варианте исторической презентации, которая воплощается в многочисленные исторические сериалы, блокбастеры, телевизионные шоу типа нового проекта на Пятом канале РТ «Суд истории». Скорее всего, правильнее было бы назвать все эти варианты жанрами исторических презентаций, но в некоторых аспектах это больше, чем жанр. Так, например, создатель фильма на историческую тему может пренебречь фактической точностью, исторической повествовательностью и даже позволить себе чистый вымысел, если того требует художественный замысел. В какой-то мере драматическая сторона телевизионных шоу также представляет собой антипод академической трактовки тех же самых тем и проблем. Но нужно сказать одно, что все названные варианты историй имеют прямое отношение к формированию и существованию национального самосознания.

В каком-то смысле школьная история есть одна из особых форм бытования и использования исторического знания. Ее отличительная черта – это наличие в гораздо большей степени политического воздействия и правительственного контроля прежде всего через таких два механизма, как учебные планы и программы (курукулумы) и через систему экзаменования (сейчас она «единая государственная»). Казалось бы, такой нейтральный механизм, как план и сетка учебных часов, на самом деле может значить очень многое: а именно сколько физического времени отводится в школьных классах на изучение истории, и прежде всего национальной истории. Объем и глубина знаний о собственной стране напрямую зависят от того, насколько подробно или селективно преподается соответствующий предмет. Есть и самый непосредственный путь вмешательства власти в школьные версии истории – это через учебные материалы, которые получают своего рода сертификаты на использование от государственных образовательных структур разного уровня. В некоторых странах школьные исторические учебники должны быть «допущены» центральным министерством. В некоторых странах это прерогатива регионов (штатов, провинций и т.п.).

В некотором смысле школьная история – это своего рода вариант официальной истории. Во многих странах содержание программ решается правительствами, и учителя обязаны по закону обучать темам, которые всегда включают национальную историю с некоторыми различиями. В демократических странах по этому поводу происходят общественные дискуссии, но все равно учебные версии – это не рыночный продукт. Последним можно назвать телевизионные исторические сериалы, которые могут иметь широкую популярность и даже воздействовать на обучающихся не меньше школьных версий. И все же, при всей критике исторических учебников для школы они остаются основным инструментом обучения истории.

Давление на школу и формы контроля преподавания истории исходят не только от правительства, но и от разных сегментов общественности (политических партий, общественных организаций, родительских сообществ, церкви и т.д.). Цель этих устремлений – озабоченность тем, чтобы история вносила свой вклад в обучение социальным нормам и моральным ценностям, которые в тот или иной момент доминируют в обществе или которые хотели бы внедрить в общество те или иные влиятельные институты, а иногда – даже отдельные личности или группы. В настоящее время история должна доказывать свою полезность и необходимость в условиях ограниченного школьного времени и при конкуренции таких новых дисциплин, как граждановедение, краеведение, обществознание. Обсуждение этой проблемы имело место на страницах многих журналов, в том числе и таких, как «*Teaching History*». В 1999 г. обсуждалась тема *History, Identity and Citizenship*. В России эта проблема постоянно обсуждается на страницах старейшего журнала «Преподавание истории в школе», который, кстати, в рознице купить сегодня невозможно.

Эмпирические данные о влиянии преподавания истории в школе на национальную идентичность довольно ограничены. Английский историк П. Бриндл показал, что даже в начале XX в. традиционные национальные истории подвергались постоянной критике. К тому же в классных комнатах малоквалифицированные учителя часто учили совсем не тому, что было заложено в программы и что было написано в учебниках¹. Заслуживает внимания и такой аргумент: в Шотландии, например, история собственно Шотландии преподавалась в школах всегда в урезанном виде, но это никак не отразилось на сохранении сильной шотландской

¹ *Brindle P. History and National Identity in the Classroom // History Today. 1997. Vol. 47. № 6. P. 6-8.*

идентичности. То же самое можно сказать о национальных версиях школьной истории в других странах, где чаще всего версии истории крайне централистские или этноцентричные, и они не оставляют места для мини-национальных версий (например, каталонской, корсиканской, бретонской или ирландской). Здесь почти всегда идет жестокая борьба за исторические интерпретации, и этот опыт для России может быть полезен. По крайней мере, с учетом многоэтничного состава населения и федеративного устройства этот опыт более интересен, чем провальные проекты единых европейских учебников.

В 1970–1980-е гг., изучая проблемы преподавания истории в США и Канаде, столкнулся с жестокими баталиями по этим вопросам. В США бестселлером была книга Фрэнсис Фитцджеральд «Пересмотр Америки», посвященная искажениям в школьных трактовках американской истории², а в Канаде скрыто обсуждалась и тайно рекомендовалась книга квебекского интеллектуала Луи Бержерона «Учебник патриота», в котором история французской Канады излагалась совсем по-иному и с отчетливо сепаратистских позиций³. Кстати, такие «учебники патриотов» появились сначала и до сих пор существуют в большом количестве в США. Их некое подобие есть теперь в России, Украине, странах Балтии.

История и идентичность

Школьная история и национальная история – это связанные понятия, ибо курсы отечественной истории попали в школьные учебные программы многих стран еще на заре становления национальных систем образования именно в качестве обязательных предметов обучения. Введение этих курсов было связано с системой всеобщего обучения и с расширением круга обладателей избирательного права. По крайней мере, так было в Великобритании во второй половине XIX в.⁴, а также в других европейских странах. История становилась обязательным школьным предметом во всех новых независимых государствах как в эпоху деколо-

² *Титиков В.А.* История и историки в США. М.: Наука, 1984.

³ *Bergeron L.* The Patriot's Handbook. Toronto, 1979.

⁴ *Marsden W.* All in a Good Cause: Geography, History and the Politicisation of the Curriculum in Nineteenth and Twentieth Century England // *Journal of Curriculum Studies*. 1995. Vol. 21. № 6.

низации после Второй мировой войны⁵, так и после распада СССР, когда в новых постсоветских государствах введение обязательных курсов не было новинкой, но новой была задача создать версии национальной истории для каждого из государственных образований⁶.

Не менее значимым моментом в истории вопроса был интерес Европейского совета к школьному преподаванию истории на континенте, который проявился почти одновременно с самыми первыми европейскими институтами и формами интеграции. С конца 1950-х гг. Совет Европы спонсировал много конференций и семинаров для учителей, а также заказные исследования. Эти исследования показали, что национальные истории безраздельно доминировали в школьных курсах повсеместно. Кроме этого, национальные ориентации мировидения влияли и на то, чему обучали учеников по предмету мировой истории. Например, тема Великих географических открытий XIV–XVI вв. присутствовала во всех школьных евроверсиях истории, но выбор путешественников и первооткрывателей почти всегда делался в пользу соотечественников. Нам это хорошо известно по шутливой поговорке «СССР – родина слонов».

В западноевропейских версиях национальный уклон особенно затрагивал трактовку средневековой истории Европы, а также религиозную историю, в которой совсем не замечалось присутствия ортодоксального (православного) христианства. История Китая, Индии или африканских стран рассматривалась исключительно в контексте колонизации и в крайне урезанном виде. Точно так же с выборочных позиций в каждой стране рассматриваются важнейшие международные события и многосторонние договоры, как, например, Первая мировая война и Версальская система устройства послевоенного мира.

Спустя полвека ничего особенно не изменилось. Национальные исторические нарративы доминируют в школьном обучении и определяют школьные исторические программы. Это показало обследование школьных программ в 12 западноевропейских странах в 1990-е годы⁷,

⁵ *Berghahn V., Schissler H. Perceptions of History // International Textbook Research on Britain, Germany and the US. Oxford, Berg, 1987.*

⁶ По этому вопросу см. изданную Институтом им. Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников книгу нескольких авторов: Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве. Брауншвейг, 2010, а также более ранние публикации под редакцией Г. Бордюгова и книгу В.А. Шнирельмана «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье». М., 2003; Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств. Под. ред. А.А. Данилова и А.В. Филиппова. М., 2009.

⁷ *Stradling R. History and the Core Curriculum 12-16 // Consortium of Institutions for Development and Research in Education in Europe. 1993. Vol. 6. Enschede, The Netherlands.*

а также более поздние доклады в рамках Совета Европы, которые охватывают довольно широкий круг стран. Попытки ввести в европейские школы больше материалов по всеобщей истории вызвали ответную реакцию, и многие страны пересмотрели свои учебные программы по истории именно под углом укрепления национальных версий и придания им большей целостности и последовательности вместо разных увлечений междисциплинарностью и прочими методическими новациями.

В странах бывшего СССР вообще поступили более чем определено: национальные нарративы были сконструированы на постколониальной парадигме, избавлении от имперского господства и восстановлении древней исторической государственности титульной этнонации. Все это сейчас вызывает недовольство многих людей и групп населения, как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Серьезные разборки, видимо, еще впереди. Но одно можно сказать уверенно: эталонных версий для стран Средней Азии, Закавказья и даже стран Балтии создать не удастся. Даже в советское время мой ныне покойный учитель академик А.Л. Нарочницкий, возглавляя Институт истории СССР, не смог реализовать свой самый амбициозный проект – написание 4-томных региональных историй Средней Азии и Закавказья. Максимум, что вышло, так это два тома из четырех по истории Северного Кавказа. Но это отдельная тема, требующая особого анализа и обсуждения.

Тем не менее за последние полвека, к началу XXI в., содержание школьных историй изменилось. В центре осталась история собственной страны, но это уже была не только политическая, но и социальная история, включая историю всех основных групп (этнических, расовых, религиозных) и категорий населения (женщины, молодежь, старшее поколение, инвалиды и т.д.). Изменился метод обучения истории, который сделал предмет истории менее авторитарным и монолитным как катехизис. В ряде стран внедрили источниковый метод, когда ученик больше задумывается над историческими свидетельствами и рассматривает их с разных точек зрения. В 1970–1980-е гг. был популярен «ценностный подход», когда детей обучали не столько на основе хронологической последовательности событий, сколько на том, чему учат те или иные исторические события (неравенство, насилие, патриотизм, толерантность и т.п.). Однако хронологический подход остался доминирующим, по крайней мере, в европейской школьной истории. Новейшие периоды истории обычно имеют более всемирный характер изложения, хотя эта всемирность ограничивается чаще всего показом роли немногих великих держав и не более того.

Существенной новацией школьных версий национальных историй стало появление их различных региональных вариантов. На Британских островах, в Швейцарии, Бельгии, Испании, Германии монолитным интерпретациям пришли на смену более открытые и сложные по набору фактов и героев истории. Другими словами, каталонский вариант школьной истории Испании отличается от мадридской (кастильской) версии, равно как ольстерцы и шотландцы имеют отличительные варианты национальных историй⁸. Но вот только, что есть национальная история для дублинского школьного учителя? Этот вопрос остается без ясного ответа: для одних – это британская история, для других – это история Шотландии и шотландцев. Фактически региональная история Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии преподается как национальная в пику или в дополнение к общebritанской версии прошлого. И все же главная причина сдвига в содержании национального нарратива для школьников заключается в том, что сами нации рассматриваются теперь не как культурные монолиты, а как сложные сообщества, включающие в себя разные этноконфессиональные традиции.

Степень изоляционизма национальных версий разная в различных странах. Во французских или итальянских школьных учебниках можно встретить ссылки на Великобританию при изучении истории индустриализации, парламентской демократии или конституционной монархии, но из английских учебников ученики мало что узнают об истории Италии и Франции. Сравнительный контекст – это один из критериев открытости или изоляционизма школьной истории. В этом отношении российские учебники выглядят гораздо предпочтительнее: уж про революции и про национально-освободительные и социальные движения, а также про войны российские школьники получают вполне приличные сведения не только на отечественных материалах.

Почему в школьных историях национальная версия прошлого стоит на первом месте, казалось бы, вполне ясно: свою историю нужно знать и передавать следующим поколениям. Отечественная история – это существенный компонент национальной идентичности. Считается, что общество, которое не интересуется его прошлым и которое не озабочено его содержанием, рискует потерять свою идентичность. Но на этот резон иногда выдвигаются противоположные аргументы. Так, например, известный историк Эрик Хобсбаум предупреждал о риске связывать

⁸ *Phillips R., Goalen P., McCully A., Wood S. Four Histories, One Nation? History Teaching, Nationhood and a British Identity // Compare: A Journal of Comparative Education. 1999. Vol. 29. № 2.*

историю с национальной идентичностью или же строить последнюю на основе исторического материала: «Все человеческие индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм»⁹. По мнению историка, именно школьная история есть то самое место, где и когда чаще всего из истории рождается миф. «Почему все режимы принуждают молодых людей изучать в школе историю? Не для того, чтобы понимать свое общество и как оно меняется, а для того, чтобы принять это общество как свое, гордиться им и стать хорошим гражданином США или Испании, или Гондураса, или Ирака... История как форма вдохновения и как идеология заключает в себе способность становиться самооправдательным мифом»¹⁰.

В настоящее время концепции национальной идентичности уже не рассматриваются как сугубо основанные на прошлом опыте страны и ее народа. Важные компоненты формирования национального самосознания – это религия, язык, символичные ритуалы и памятные места, праздничные дни, художественная культура и СМИ. Сегодня влияние телевизионных спорта и кино не менее значительно, чем школьная история, которую зачастую подвергают жестокой критике те же самые популяризаторы, питающиеся от профессионального знания и от собственного воображения. Да и саму школьную историю некоторые ученые считают основанной на мифических интерпретациях. Как пишет Э. Смит, национальное прошлое в качестве компонента идентичности «содержит зерна исторических фактов, вокруг которых вырастает опухоль преувеличений, идеализации, аллегорий и искажений, а вместе они составляют широко разделяемый исторический рассказ о героическом прошлом, который служит коллективной потребности в настоящем и в будущем»¹¹. Подобные школьные версии характерны для большинства национальных сообществ и культурно отличительных общин. Нейтральные и неэтноцентристские версии представляют собой скорее исключение, чем правило.

Аналогичной позиции придерживается исследовательница вопроса о школьном преподавании Энн Лоу-Бир, которая относится к энтузиастам нормативного общеевропейского подхода к школьной истории.

⁹ *Hobsbawm E.J.* On History. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1997. P. 357.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Smith A.D.* Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995. P. 53.

Она пишет следующее: «Возможно, пришло время освободить школьную историю от установки, что ее главная цель – это формирование чувства национальной идентичности или же обучение гражданским нормам и ценностям, или же ознакомление с наследием... Для этого имеются другие школьные предметы, включая географию, литературу, музыку, но почему-то формирование национальной идентичности не является их главной целью. Их цель – это получение представлений и понимание данных форм знания и расширение культурных горизонтов обучающихся. Правительственный контроль за школьной историей делает ее легкой жертвой националистической пропаганды. История в ее многих формах легче всего подвергается деформации в школьных классах. Изучение «национальной» истории в школе является всеобщей практикой, но оно должно представлять собой введение в «историю» общества, в котором живут ученики, а также давать навыки исторического мышления. Чувство идентичности, личностное или национальное, есть то, что ученики в конечном счете вырабатывают для себя сами из самых разных источников»¹².

Мне обе выше обозначенные позиции представляются своего рода проявлением общеевропейской кичливости изоощренных интеллектуалов. Не называю их взгляды космополитичными, но в чем-то они схожи с таким мировидением, к которому, по крайней мере, страны-новообразования или пережившие геополитические катаклизмы не готовы.

Есть еще один важный вопрос: как развести два фундаментальных понятия: история как описание прошлого и историческое наследие как часть культурного капитала человека и нации. Эти два понятия связаны друг с другом, но не полностью идентичны. Как пишет на это счет Д. Лоуэнталь, «наследие вообще не является историей, хотя оно пользуется и одушевляется историческим исследованием. Наследие – это не экскурс в прошлое, а прославление прошлого, это не попытка познать, что действительно было, а исповедание (практика) веры»¹³. Историческое наследие чаще всего выглядит и воспринимается как домашняя версия мифического прошлого, столь важного для чувства идентичности. Именно эта версия важна для воспитания ответственного гражданина, и потому школьная история в большой степени – это версия исторического наследия.

¹² *Low-Beer A.* School History, National History and the Issue of National Identity // www.heirnet.org/IJHLTR/journal5/Low-Beer.pdf

¹³ *Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. L.: Viking. 1997. P. X, 110-111.

ДИСКУРС

Валерий Тишков

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация:** В статье публикуются фрагменты доклада, сделанного автором на Ярославском глобальном политическом форуме 7 октября 2011 г.*

***Ключевые слова:** общероссийская идентичность, гражданская нация, полиэтничное общество, этнополитика.*

***Summary:** In article fragments of the report made by the author at the Yaroslavl global political forum on October, 7th, 2011 are published.*

***Key words:** the all-Russian identity, civil nation, multiethnic society, ethnopolicy.*

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор.

Развитие и укрепление правовой системы государства создает предпосылки для консолидации нации как сообщества граждан, осознающих свое единство с государством, выступающим защитником прав человека, в том числе в этнокультурной сфере. Недоверие к государству в лице федеральной власти, напротив, создает предпосылки для дезинтеграции нации, когда более предпочтительными становятся региональные или этнические лояльности. В связи с принятой в России политикой поддержки этнических культур у части экспертов и политических деятелей возникают опасения в том, что это может привести к ущемлению прав представителей каких-либо народов, в том числе русского, т.е. к известной по опыту стран Запада позитивной дискриминации («дискриминации наоборот»). Поскольку российское общество по причинам распространения ксенофобии и антимиграционизма не готово к политике преференций представителям миноритарных сообществ или в какой-то мере считает это пройденным этапом советского варианта национальной политики, *важно соблюдение равенства и справедливого представительства в вопросах доступа к власти и ресурсам граждан независимо от их национальной (этнической) принадлежности*. Такой подход требует не только эффективного действия законов, но и практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, общественных кампаний, чтобы снять подобные опасения.

В вопросе утверждения общероссийской идентичности и патриотизма нельзя забывать исторический опыт ассимиляционных процессов и этнически избирательных репрессий, из-за которых идея многоэтнической российской нации может восприниматься как новое издание концепта «советского народа» или как скрытая форма нивелировки этнических культур в пользу доминирующего русского большинства. Одновременно не меньшие усилия требуются и для противодействия этническому национализму шовинистического толка, когда российский проект представляется как препятствие установлению статуса этнических русских в качестве государствообразующей нации, т.е. предоставлению особых прав одной этнической общности в ущерб остальным.

В условиях информационной открытости и растущей гражданской активности люди в некоторых полиэтничных странах (где этничности придается особое значение) остаются чувствительными к вопросу о том, кем является по национальности тот или иной администратор или политический лидер. К таким странам относится и Россия, хотя состав органов законодательной и исполнительной федеральной власти достаточно полно отражает полиэтничный характер российского обще-

ства. Учитывая наличие компонента этнического федерализма в форме республик и сложный состав населения большинства других регионов страны, а также крупных городов, этот вопрос представляется более важным на уровне власти в субъектах Федерации и в органах местного самоуправления.

Предпринимавшиеся до этого попытки законодательно ввести квотное представительство не принесли позитивных результатов, за исключением некоторых районов Севера и Северного Кавказа (Дагестан). Этнические квоты как принцип формирования власти в полиэтничных обществах не были приняты и в Европе. Они не дали позитивных результатов и в тех странах, где использовались (например, в Пакистане и Ливане). Для России представляется более эффективным *создание органов общественного территориального самоуправления или общественных советов при органах власти, в полномочия которых будут входить в том числе вопросы этнокультурного развития и состав которых будет формироваться с учетом этнического состава населения региона.*

Этот вопрос целесообразнее начать решать на уровне субъектов Федерации, накопить соответствующую практику, а затем подумать о принятии тех или иных нормативных документов. В этом случае создается поле для действия так называемого местного права, сочетающего черты государственного и обычно-правового регулирования. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда возможно создание неофициальных правил поведения, которыми будут руководствоваться группы населения, причем не в узких клановых интересах, а для «правовых решений жизненных ситуаций»¹. *Для полиэтничного общества правовой плюрализм (сочетание централизованного и обычного права) является приемлемой нормой. Признанное правовое разнообразие и есть то самое единое правовое пространство, которым озабочены многие юристы.*

Развитие разных форм автономии, в том числе этнотерриториальной, при всех ее плюсах и минусах создает возможность ощущать правовую обеспеченность групповой целостности и воспроизводства этнической культуры. Законодательные собрания и исполнительные органы власти полиэтничных регионов обычно являются более чувствительными к этнокультурным запросам населения. Деятельность органов власти субъектов Федерации показывает, что именно в этнокультурной сфере их

¹ *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 107; см. также: *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. С. 39–45.

полномочия и проекты могут быть более эффективными, нежели федеральные. Поскольку этнокультурные интересы населения в значительной степени касаются их повседневной жизни, одним из инструментов их регулирования является взаимодействие органов власти с этническими общественными организациями. В этом вопросе государственная правовая система России предлагает разные пути: как через общее законодательство о культуре и языке, так и через целевую поддержку культур всех национальностей – от доминирующей русской до культур малочисленных народов.

Задачи законодательного регулирования этнокультурного развития заключаются в создании гарантий для равноправного развития культур всех народов России, защите прав гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей. Для некоторых народов этнокультурное развитие тесно связано с доступом к ресурсам, с экологическими проблемами, с сохранением уникальных систем традиционного жизнеобеспечения, как, например, северное оленеводство. В этом случае культурная и этническая идентичности обретают экономические и общественно-политические параметры, а в ряде случаев – трансгосударственный характер. Нынешний аборигенный житель российского Севера может быть связан с собственной этнической группой, с местным или региональным сообществом, с государством и, наконец, с наднациональными образованиями типа Арктического совета и международных циркумполярных общественно-политических объединений для коренных малочисленных народов Севера. Такое положение характерно для современного развития аборигенных народов во всем мире, и Россия не является исключением. Более того, у России имеется позитивный опыт политики в отношении аборигенных малочисленных народов, которым она может поделиться.

Необходимо отметить, что государству и обществу часто не хватает гибкости в вопросах этнокультурного характера. *Мифологизированный смысл некоторых этнических коалиций, возможно, требует и адекватной политической реакции в такой же мифопоэтической форме без необходимой институализации субъектов этнополитики.* Длительные неудачи в попытках придать мифологизированному по своей сути казаческому движению в России государственно-бюрократический характер (вплоть до отдельного департамента в Администрации Президента РФ и специального федерального закона) подтверждают этот наш вывод. Иначе получается, что, например, мифическое славянское единство и международные связи славянских народов всячески приветствуются, а

в черкесских, финно-угорских или чукотско-эскимосских международных ассоциациях и связях зачастую видится только угроза национальной безопасности. По нашему мнению, *развитие общественных этнокультурных организаций по пути открытости и кроссэтнического взаимодействия может способствовать формированию общероссийского самосознания и в большей степени интегрировать государство и общество.*

В Российской Федерации, помимо Конституции, есть целый ряд федеральных законов, которые обеспечивают правовые гарантии этнокультурного развития и самоопределения в рамках общедемократических норм и гражданских прав. Обратим внимание на некоторые положения законодательства о культуре. Так, согласно статье 1 Федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», одной из задач данного законодательства является «создание правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан, народов и иных этнических общностей Российской Федерации».

Более подробно этот вопрос раскрывается в статье 6: «Российская Федерация признает равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей, способствует созданию равных условий для сохранения и развития этих культур, обеспечивает и укрепляет целостность российской культуры посредством законодательного регулирования федеральной государственной культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры».

Специальные статьи посвящены правам и свободам народов и иных этнических общностей в области культуры. Среди этих прав отметим следующие:

– *«Право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания».* При этом отмечается, что политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях;

– *«Право на культурно-национальную автономию всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности».* Здесь, к сожалению, повторяется уязвимый советский концепт

«своей» и «не своей» государственности, якобы существующей в рамках одного гражданства, и этот концепт, конечно, требует устранения как из правовой мысли, так и из текстов законов. Тем не менее, важно, что культурно-национальная автономия означает право представителей этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания культурных центров, обществ и землячеств. Этнокультурные центры, общества и землячества имеют право представлять в органы государственной власти и управления предложения о сохранении и развитии этнической культуры, проводить фестивали, выставки и другие аналогичные мероприятия, содействовать охране исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев. Они могут создавать клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению этнического языка.

В 1996 г. был принят федеральный закон «О национально-культурной автономии». Согласно статье 1 этого закона, «национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее – НКА) – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В законе были сформулированы права НКА, которые включали право получать поддержку со стороны органов государственной власти, необходимую для «сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры».

К сожалению, позднее обязательство по государственной поддержке НКА было устранено из текста закона. За пятнадцать лет деятельности НКА в стране было создано и действуют более 400 автономий разного уровня, в том числе 16 федеральных НКА. В России накоплен определенный опыт, который позволяет оценить положительно введение экстерриториальной формы внутреннего самоопределения наряду (а не вместо) с формой этнотерриториального самоопределения в виде республик и автономных округов. Это вполне соответствует опыту демократического устройства полиэтничных государств, который апробирован в других странах. Анализируя этот опыт, мы приходим к выводу, что *самой полной и эффективной формой самоопределения в сложных*

обществах является реализация права культурно отличительных групп и сообществ на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе, т.е. не кантонизация, не экстерриториальные этнические курии, не сецессия, а действительное участие во всех сторонах жизни государственного сообщества – вот что означает современную и самую демократичную форму самоопределения.

Пока же этнополитика в России во многом носит верхушечный и патерналистский характер. По мнению некоторых специалистов, действующий ныне в России закон о НКА «должен говорить не о контроле государства над этническими организациями, а о взаимодействии с ними и их поощрении к общественно необходимым видам деятельности»². Тем не менее, принятием этого закона государство еще раз подчеркнуло протекционистский характер своей культурной политики. Об этом же свидетельствует статья 22 законодательства о культуре: «Российская Федерация гарантирует свой протекционизм (покровительство) в отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования, предусмотренных федеральными государственными программами социально-экономического, экологического, национального и культурного развития».

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона³.

Правовые гарантии такой политики были закреплены в федеральном законе 1992 г. «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называет в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общеце-

² Степанов В.В. Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 79–108.

³ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. 2010. № 1. С. 39–46.

ловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (статья 6).

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. В Республике Башкортостан, например, башкирский язык (меньшинства населения) стал обязательным школьным предметом для всех учащихся республики, что явно нарушало свободу выбора. Похожие ситуации предпочтительного статуса местных языков и языков меньшинств возникли и в некоторых других республиках. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности⁴.

В конце 2007 и в 2009 г. были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченность местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа в области образовательных стандартов создает больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках.

Несмотря на эти существенные коррективы, *остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом*. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая,

⁴ Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010.

этнонационалистическая версии, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу демонтажа образов врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества⁵. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков со странами бывшего СССР, Финляндией, Германией и Польшей. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

⁵ *Тишков В.А.* Новая историческая культура. М., 2011.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

НАЦИОНАЛИЗМ И ВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ

Аннотация: В статье анализируется националистическая составляющая предвыборной пропаганды российских политических партий и их представителей, принимавших участие в выборах в Государственную Думу 2011 г., а также кандидатов в Президенты РФ-участников избирательной кампании 2012 г.

Ключевые слова: национализм, политическая пропаганда, политические идеологии, избирательные кампании.

Summary: In article nationalistic part of pre-election propagan-da of Russian political parties and their representatives that took part in State Duma elections in 2011 as well as candidates participated in presidential elections in 2012 is analyzed.

Key words: nationalism, political propagan-da, political ideolo-gies, elections campaign.

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор.

В российском идеологическом и политическом репертуаре сохраняется притягательность почвеннического, этнического национализма (далее – будем называть это просто *национализмом*). Казалось бы, национализм в его этническом варианте – это рискованная и недальновидная политическая стратегия. Тем не менее, такой национализм присутствует в современном мире и даже проявляется с новой силой в странах европейской демократии. Вспомним о серии заявлений западных лидеров о «крахе политики мультикультурализма», укажем на политическое продвижение националистических партий и отдельных политиков в ряде выборных кампаний.

В граждански незрелых обществах, при плохом правлении и социальных неурядицах люди чаще выбирают этническую солидарность как ресурс в экономической или политической конкуренции, как аргумент оправдания неправового поведения, включая экстремизм и насилие. В России и в других странах бывшего СССР проблем с национализмом более чем достаточно. Около 10 лет тому назад я писал о «трудном прощании с национализмом». Но ныне ситуация не выглядит лучше. И это при том, что высшее руководство страны и наука сделали многое, чтобы утвердить в стране межэтническое согласие и представление о российском народе как о гражданской нации с общей для россиян государственно-политической и историко-культурной основой.

Противники российского проекта существуют не только среди представителей меньшинств (за последние 10 лет с этой стороны отторжение стало гораздо меньше), но и среди доминирующего народа – русских. Эти противники продолжали намеренно или по неведению представлять российский народ (россиян) как антипод подлинно «национального (читай – этнического) самоопределения» и «национальной государственности». Или же идея гражданской нации представлялась как преждевременная и невозможная по причине «авторитарного режима», либо даже «отсутствия в стране самих граждан» в смысле свободных и равноправных личностей. Другими словами, как националисты разного толка, так и твердые либералы испытывали по разным причинам неудобства с пониманием российскости в ее национальной форме, хотя те и другие соглашались с категориями *национального* применительно к интересам страны, ее экономики, здравоохранения, образования, крупных проектов и сборных спортивных команд, которые привычно называются в России «*национальными*». Даже самые ярые отрицатели гражданской нации россиян называют себя президентами «Института национальной

стратегии», не будучи способными ответить, к какой нации относится эта национальная стратегия.

В 2011 г., несмотря на растущую с конца предыдущего года риторику националистов шовинистического толка, замешанную на ксенофобии, антимиграционизме и антилиберализме, ситуация сначала не казалась столь драматичной. В феврале в Уфе прошло заседание Президиума Государственного совета РФ с обсуждением вопроса о межнациональных отношениях. На нем были высказаны, в том числе и Президентом России Д.А. Медведевым, положения о необходимости сохранения российской многонациональности наряду с обеспечением общероссийской идентичности и патриотизма. На уровне федерального правительства Минрегион проводил последовательную политику обеспечения «единства в многообразии», провел информационную кампанию «Народов много – страна одна». В июне накануне заседания президиумов президентских советов по науке и по культуре в г. Владимире состоялась встреча Президента России с учеными-историками, на которой прозвучали предложения о праздновании 1150-летия российской государственности и других важных исторических дат отечественной истории и даже об объявлении 2012 года Годом российской истории (9 января 2012 г. такой президентский Указ был подписан). На той встрече историки сообщили Президенту, что все новейшие данные говорят в пользу того, что государственность страны с самого начала возникла на многоэтнической основе как политическое образование славянских, финно-угорских и скандинавских племен. Норманнский компонент в образовании древнерусской государственности несколько не умаляет ее значение и самобытность.

В начале сентября в г. Ярославле прошел Мировой политический форум «Современное государство в эпоху социального многообразия» с участием выдающихся политиков и ученых разных стран. В выступлении российского Президента было сказано, что «наше национальное многообразие – это не только вызов, но и благо, это наше преимущество. Историческая судьба России – это сплав коллективного творчества всех народов, которые разнятся и по языку, и по религии, и по культуре, и по обычаям. Именно это разнообразие позволяло нам находить ответы на самые сложные вопросы, находить ресурсы, создавать новые знания, создавать новые силы для ответа на самые проблемные темы»¹. Первая секция форума была посвящена теме устройства демократических

¹ Мировой политический форум. Современное государство в эпоху социального многообразия. Доклады и выступления. 7-8 сентября 2011 года. М., 2011. С. 7.

институтов в полиэтничных обществах. Сделанный мною «запевный» доклад на этой секции предупреждал против преждевременных похорон мультикультурализма, напоминал, что реальная политическая практика многоэтничных государств продолжается, а также обращал внимание на факт исторической поликультурности России². В этом же духе были сделаны почти все выступления на форуме, кроме выступления Д.О. Рогозина, о котором речь пойдет ниже.

Общественная практика показывает, что инвестировать в национализм и ксенофобию не только аморально, но зачастую даже не целесообразно. Куда практичнее обозначить социально важную программу. Однако же в определенные моменты национализм приносит дивиденды, особенно в периоды избирательных кампаний, как пиар-ход. Именно таковой была ситуация во второй половине 2011 г. и в начале 2012 г. в России. Мониторинг этой ситуации проводился Сетью этнологического мониторинга и другими общественными организациями, включая Общественную палату РФ. Анализ проблемы и выводы на будущее представляют несомненную важность для общества.

*Думская выборная кампания*³. Кампания по выборам в Государственную Думу в 2011 г. характеризовалась активным использованием националистической риторики. Ксенофобские призывы звучали на этапах партийной борьбы. Первой думской партией, использовавшей националистическую риторику, стала ЛДПР. Ее лидер В. Жириновский еще на парламентских выборах 2007 г. выдвинул лозунг «Мы – за бедных, мы – за русских!». Отождествление этнического большинства страны с социально неблагополучным населением сближало позиции Жириновского и крайних националистов. В январе 2011 г. в популярной телепрограмме «Поединок» Жириновский назвал Северный Кавказ «основной проблемой русского народа», обвинив выходцев из данного региона в уклонении от уплаты налогов и в нежелании соблюдать законы. Русские же, по его словам, нуждаются в защите от «наглого» поведения кавказцев. Это телевизионное выступление лидера ЛДПР вызвало негативную реакцию руководителей северокавказских республик. Депутаты парламента Чеченской Республики призвали своих коллег из Госдумы отстранить Жириновского от поста вице-спикера. С аналогичной просьбой обратились депутаты Народного собрания Ингушетии. И.о. муфтия Духовного управления мусульман республики Северная Осетия Гацалов

² Там же.

³ Использованы материалы мониторинга Московского Бюро по правам человека под руководством А.С. Брода.

сказал, что заявления Жириновского идут вразрез с Конституцией и российским законодательством⁴.

Пережив публичную критику, весной фракция ЛДПР в Госдуме начала проведение серии круглых столов по национальной проблематике, на которые приглашались националистические деятели, такие как А. Белов, Д. Демушкин, К. Крылов, В. Тор, В. Иванов (Истархов) и др. Именно эти люди были организаторами акций и кампаний под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!». 6 июня в стенах Госдумы прошел круглый стол на тему «Русский вопрос: пути решения», в ходе которого экс-лидер ДПНИ А. Белов заявил, что в российском законодательстве нужно закрепить право русских на историческую территорию, создать из Российской Федерации унитарное русское государство. К. Крылов заявил, что в России не действуют основные свободы, русские не имеют собственной государственности, а «русские организации» не имеют возможности для полноценной публичной деятельности⁵. После дискуссий и круглых столов фракция ЛДПР 20 июня направила законопроект в Госдуму, смысл которого заключался в признании утратившим силу закона «О противодействии экстремистской деятельности». Однако целью фракции была не столько сама законодательская инициатива, сколько привлечение к себе внимания. При партии был создан «Русский общественный совет», куда вошли некоторые представители «русских националистов». Совет позиционировался как консультативный орган «для новых законодательских проектов по русскому вопросу».

В августе руководитель фракции ЛДПР в Госдуме И. Лебедев в интервью заявлял, что ЛДПР в преддверие выборов намерена сфокусироваться на национальной теме: «Большим тиражом будут изданы специальные агитационные брошюры, содержание которых будет посвящено теме защиты русского народа». «Мы собираемся внести осенью ряд законодательных инициатив: мы хотим добиться изменений в преамбуле Конституции – там должно быть записано, что на территории России проживает не только многонациональный народ, но и русские. Также мы внесем законопроект «О поддержке русского народа»⁶. Лебедев также высказывался в том смысле, что «есть народы и национальности, которые просто не умеют себя вести»⁷. На сайтах ряда региональ-

⁴ О реакции на выступления лидера ЛДПР см.: *Айтаев Т.* Национализм в предвыборной борьбе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.islamsng.com/authors/Ataev/2827>.

⁵ Цит. по: <http://rod-ru.org/news128>.

⁶ Цит. по: <http://www.izvestia.ru/news/496554>.

⁷ Цит. по: <http://www.kommersant.ru/doc/1802213?themeID=277>.

ных отделений ЛДПР появились лозунги: «Защитить русских!», «Русские – государствообразующий народ», «Никакой аренды русской земли иностранцами!»⁸. В московский список ЛДПР по выборам в Госдуму вошли В. Буданов (сын убитого полковника Ю. Буданова), М. Коротков-Гуляев (адвокат националистки Е. Хасис)⁹. 20 октября на пленарном заседании Законодательного собрания Пермского края лидер фракции ЛДПР С. Митрофанов внес от фракции предложение инициировать от имени пермского ЗС поправку в Конституцию РФ, в которой фиксируется государствообразующая роль русского народа. При голосовании эта идея депутатами была отвергнута. 4 ноября митинги ЛДПР с использованием ксенофобской риторики прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Иваново, Краснодаре, Омске, Саратове. В Саратове ЛДПР пыталась присвоить бренд «Русского марша», организовав смс-рассылку с приглашением приходить на собственное мероприятие под этим названием. В Омске ЛДПР также организовала мероприятие под названием «Русского марша», причем участники шествия выкрикивали лозунг «Россия для Русских!».

9 ноября И. Лебедев провел презентацию доклада «Новая национальная политика России», где заявил, что «Россия стремительно исчезает, Россия в опасности – и как государство, и как культурно-историческая общность». В докладе говорилось, что еще со времен Российской империи власть осуществляет политику ускоренного развития национальных окраин за счет русских, утверждалось, что мультикультурализм привел к поощрению государством преступлений, которые совершают иммигранты, и в качестве панацеи от всех бед предлагалось преобразовать Россию в унитарное государство¹⁰.

ЛДПР издала три предвыборные брошюры «Русские», «ЛДПР укажет дорогу» и «Русские, жестче взгляд!», в которых использовалась националистическая и ксенофобская риторика. Авторы брошюры утверждают, что основной состав криминальных группировок – нерусские, что русские «оказались самыми униженными и бесправными». «Везде терроризируют русских. Убивают, грабят, насилюют. Режут среди бела дня, даже не боясь полиции. Потому что уверены, что смогут откупиться, что ничего им за это не будет». В брошюре «Русские, жестче взгляд» рисовалась картина якобы угнетенного положения русских в СССР, где

⁸ Цит. по: <http://www.superomsk.ru/news/detail.php?ID=7370>.

⁹ Цит. по: http://www.ng.ru/politics/2011-09-14/3_ldpr.html; http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/267332/za_russkih; <http://www.ria.ru/politics/20110913/436537581.html>.

¹⁰ Цит. по: http://ldpr.ru/uploads/The_new_national_policy.txt.11.10.2011103030fa390.pdf.

жители Кавказа будто бы «наживались за их счет». Активно использовалась и мигрантофобская риторика: о мигрантах как о «пятой колонне» государств, откуда они прибывают, как об источнике напряженности, о вывозе денег трудовыми мигрантами, о якобы значительном уровне преступности среди мигрантов. Один из идеологических лидеров русского национализма А. Севастьянов призвал читающих его сочинения в интернете голосовать за ЛДПР.

4 ноября лидер ЛДПР В. Жириновский, вероятно, страхуясь от возможного снятия с выборов за использование националистической риторики, предложил наказывать силовые действия на межнациональной почве 20 годами тюрьмы или даже пожизненным заключением, а также ввести пожизненное заключение для участников конфликта, если кто-то убит. Для разрешения межнациональных конфликтов Жириновский предложил включить в программу обучения школьников старших классов и студентов предмет «Культура межэтнического общения»¹¹.

Заинтересованность в политической кооперации с националистами проявила партия «Справедливая Россия». Уход ее лидера С. Миронова в мае из Совета Федерации совпал с радикализацией его риторики. «Справедливая Россия» вошла в контакт с националистическим движением «Народный собор». Член НС Н. Слепнев был избран в Центральный совет «Справедливой России». Миронов в интервью заявил о том, что на территории «традиционного проживания русских» якобы создаются «анклавы выходцев из других национальных республик» и сами эти выходцы «считают, что у кого кошелек толще, у того и прав больше»¹². В предвыборной программе партии «Справедливая Россия», наряду с предложениями о программах интеграции мигрантов, содержались тезисы о возможном создании мигрантами «чуждых нашей культуре этнических анклавов» и разрушении ими «сложившегося этнокультурного баланса»¹³.

Контакты с националистическими организациями партии «Правое дело» обнаружили летом 2011 г. Попытка сделать ребрендинг партии была связана с деятельностью российского миллиардера М.Д. Прохорова. 25 июня на внеочередном съезде этой партии бизнесмен был избран ее лидером. Акцент в своей кратковременной деятельности на этом посту он сделал на расширении электорального поля либералов

¹¹ Цит. по: <http://www.ria.ru/society/20111104/480339498.html>.

¹² Цит. по: <http://mimozhem.ru/2011/09/01/mironov-russkie-samyj-ugnetennyj-narod-v-rossii>.

¹³ Цит. по: http://www.spravedlivo.ru/information/section_11/programm2011.

посредством подключения к проекту неоднозначных персонажей с ксенофобскими настроениями и националистическими взглядами. В предварительный партийный список кандидатов на парламентских выборах в Московскую областную Думу был включен известный публицист и член «Русского общественного движения» В. Милитарев. На первые позиции в партии выдвинулся Е. Ройзман, руководитель фонда «Город без наркотиков» из Екатеринбурга. Предполагалось, что тот войдет в федеральный список партии на выборах в Государственную Думу 4 декабря. В его высказываниях присутствовала ксенофобская тематика (наркоторговля как этнический бизнес цыган и пр.). В августе в российских изданиях прошла серия публикаций о контактах одного из лидеров «Правого дела» Б. Надеждина с радикальными организациями русских националистов. Надеждин заявил о том, что Московская область – это «русская земля». Выступая на радио «Свобода», он говорил о том, что приезжие «режут баранов на улицах» и «по ночам танцуют лезгинку», что в случае реализации доктрины мультикультурализма в Подмосковье «появятся поселки индусов, которые будут бросать своих мертвецов в реки». Однако дрейф «Правого дела» в направлении национализма был остановлен в сентябре, когда недовольство включением Ройзмана в партийные списки спровоцировало острые дискуссии внутри партии. Отставка Прохорова совпала с прекращением популистской кампании.

Заигрывания с националистами имели место со стороны КПРФ. 6 августа на городской конференции компартии в Санкт-Петербурге в качестве кандидата в депутаты на общенациональных парламентских выборах был выдвинут известный бард-антисемит А. Харчиков (автор скандально известной песни «Почему Россией правят жида?»). 3 октября в Государственной Думе состоялся круглый стол на тему «Русский народ в Российской Федерации: статус, проблемы, перспективы, законодательное обеспечение», организованный фракцией КПРФ, Всероссийским общественным движением «Русский Лад» и другими организациями. Председатель Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПРФ В. Никитин выступил с докладом «Русский народ: геноцид и национально-освободительная борьба». В нем он говорил о геноциде русских, о русских как о «разделенном народе», о том, что русские в России лишились «права на землю, собственность, власть и даже на жизнь». Депутат Госдумы от фракции КПРФ В. Федоткин заявил о «проникновении в страну большого количества агрессивных и неквалифицированных мигрантов». Член Президиума, секретарь ЦК КПРФ, депутат Госдумы С. Обухов предложил закрепить в Конституции за русским народом

статус государствообразующего и вернуть в паспорт графу «национальность». Таким образом, многие лозунги националистов пришлось кста-ти и для представителей компартии.

25 октября Г. Зюганов выступил с обращением «Вставайте, люди русские!». Оно было опубликовано в «Правде», а затем начало тиражироваться на подконтрольных КПРФ интернет-ресурсах и в агитационной литературе. В обращении повторялись националистические мифы о том, что от последствий реформ пострадали в основном русские, что русские отстранены от управления экономикой, от руководящих постов в СМИ и на культурном пространстве. Использовался миф, что русские «становятся ущемленным меньшинством» в России под натиском трудовых мигрантов, которых якобы собираются расселять на «коренных русских землях».

4 ноября местное отделение КПРФ в Красноярске организовало «Русский марш», в котором приняло участие не более 300 человек (членов РНЕ, ЭПО «Русские», «Народного собора»). Перед футбольным матчем ставропольского «Динамо» с ингушским клубом «Ангушт» представители КПРФ раздавали листовки «Русские, вперед! Будь русским, 4 декабря поддержки КПРФ!». Одним из кандидатов в краевую думу от КПРФ стал лидер Союза славянских организаций Ставропольского края, участник «русских маршей» В. Нестеров¹⁴.

В предвыборной программе КПРФ имелись положения об «активном противодействии духовной агрессии против национально-культурных традиций народов России», требование наказывать за проявления русофобии. Под требованием о «достижении реального равенства всех народов России в области государственного управления, деловой активности и получения природной ренты» скрывался тезис националистов о необходимости «национально-пропорционального представительства» в госструктурах. В числе вопросов «народного референдума», который требовала провести КПРФ, был и тот, следует ли прекратить трудовую миграцию в Москву из-за рубежа в связи с усилением опасности террористических актов и роста преступности среди иностранцев¹⁵. Согласно опросу ФОМ 20 ноября, положительно восприняли идею КПРФ о возвращении графы «национальность» в паспорт 26% избирателей. Среди

¹⁴ Цит. по: http://www.opengaz.ru/issues/43-483/agitation_na_kolesah.html.

¹⁵ Цит. по: http://moskprf.ru/dmdocuments/pravda_mos_25_11.pdf; <http://moskprf.ru/dokumenty/politika-bolshinstva-kurs-na-pobedu-doklad-xiv-sezdu-partii-predsedatelya-tsk-kprf-g.a.-zyuganova.html>.

электората КПРФ эту идею поддержало 42% опрошенных¹⁶. Это довольно значительная часть населения, которой кажется, что упразднение графы нанесло ущерб интересам граждан.

Реакция властей и правоохранительных органов на проявление ксенофобии в предвыборной борьбе практически отсутствовала. ЦИК обратил внимание на брошюры ЛДПР лишь в ноябре и рекомендовал партии воздерживаться от пропаганды ксенофобии и национализма во время предвыборной агитации. Поводом для предупреждения стал доклад «Новая национальная политика России». Другая предвыборная литература ЛДПР осталась вне поля зрения избирательных комиссий. Обращение журналистов дагестанского еженедельника «Новое дело» 28 ноября в прокуратуру республики с требованием признать брошюру «Русские, жестче взгляд!» экстремистской¹⁷ было запоздалым.

«Партия власти», имея в виду «Единую Россию», вела себя более сдержанно в отношении национализма, памятуя к тому же, что ее электоральный ресурс сосредоточен в значительной степени в республиках (кстати, именно там она получила голоса, обеспечившие ей уверенное большинство в общенациональном масштабе). Однако дрейф в сторону радикальных националистов проявился и со стороны системных политиков (умеренных или «просвещенных» националистов). В августе Министерство юстиции РФ предоставило официальную регистрацию Конгрессу русских общин (КРО). После регистрации КРО российским Минюстом в СМИ стала активно обсуждаться тема возможного возвращения в публичную внутривнутриполитическую жизнь России Д.О. Рогозина, который в 2004–2006 гг. занимал пост вице-спикера Госдумы РФ. Возвращение Рогозина состоялось в формате презентации его взглядов на Мировом политическом форуме в Ярославле 7 сентября 2011 г. В своем выступлении Рогозин назвал проблему русских «главным нервом российской политики». С его точки зрения, русский народ в современной России находится в положении «дискриминируемого большинства». При этом «главной линией напряженности» является конфликт между русскими и выходцами из республик Северного Кавказа. «Дело в том, что отношения русских и новых привилегированных меньшинств – это суть отношений между модернизированным центром и слабо модернизированной периферией. Исторический выбор следующий: либо периферия подчинит центр и варваризирует его, либо центр модернизирует периферию». Исправить же положение должно восстановление равно-

¹⁶ Цит. по: <http://fom.ru/obshchestvo/10262>.

¹⁷ Цит. по: <http://www.civitas.ru/news.php?code=11467>.

правия всех проживающих в стране этнических сообществ. Рогозин говорил о необходимости предотвращения демонстративного нарушения «русского культурного стандарта» представителями различных этнических сообществ. Была поднята тема нежелательности и опасности миграции для современной России. С его точки зрения, «губительную идеологию мультикультурализма» в Европу принесли леваки и «интеграция возможна только в сильную доминирующую культуру, а не в толерантность и безликость»¹⁸.

Националистическая повестка дня озвучивалась в 2011 г. и на трибунах РСПП (Российского союза промышленников и предпринимателей), который, хотя и не является политической партией, может рассматриваться как влиятельная общественная сила представителей крупного бизнеса. В ходе работы круглого стола из серии дискуссий о российской экономике 8 июня политолог и публицист С. Белковский заявил, что «если избирать путь модернизации, то, скорее всего, мусульманские регионы Северного Кавказа должны рано или поздно абсолютно добровольно покинуть состав Российской Федерации». А представитель движения «Русские» Е. Денежкина объявила, что русские «находятся сейчас где-то в середине татаро-монгольского ига»¹⁹.

Сотрудничество системных партий с радикальными националистами, а также попытки заимствования их лозунгов и установок стали частью предвыборной агитации в России. И хотя упомянутые политические силы, включая правящую партию, не стремились к переходу на позиции националистов-радикалов, опасность заигрывания с последними была очевидной. Посредством таких контактов вирус национализма проникал в верхи российской политической системы, делая политиков терпимыми к проявлениям ксенофобии и популизму националистического толка. Что уж говорить об общественном мнении.

В рамках националистического тренда избирательного цикла следует рассматривать и выступления в популярных печатных изданиях и на телеканалах политологов-комментаторов против проекта гражданской нации в России. Одним из самых активных оказался президент «Института национальной стратегии» М. Ремизов, объявивший о «полном провале проекта гражданской нации в России». Сразу после сентябрьского Ярославского форума, который прошел в либерально-демократическом и толерантном климате, Ремизов опубликовал статью в журнале «Экс-

¹⁸ Мировой политический форум. Современное государство в эпоху социального многообразия. Доклады и выступления. 7-8 сентября 2011 года. С. 71–72.

¹⁹ Цит. по: <http://victor-biryukov.ru/roundtable9>.

перт», а затем две статьи в газетах «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда»²⁰. Как пишет автор, «Россия действительно складывалась как союз народов. Но именно для того, чтобы этот союз был возможен, необходимо признание его основного субъекта – русских как государствообразующей нации. Противостоять этому признанию от имени прав меньшинств нет никаких оснований. Ведь их права уже максимально реализованы – в виде собственных государств, влиятельных лобби, культурных автономий. Осталось лишь дополнить всю эту «цветущую сложность» национальным самоопределением большинства. Рано или поздно это произойдет. Вопрос лишь в том, станет ли пространством самоопределения Российская Федерация или какая-то другая, пока неведомая страна нашего будущего»²¹.

Насчет того, какая будет страна у самоопределившегося русского большинства, высказался еще сто лет тому назад русский философ Г.П. Федотов: «Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то останемся в одной Великороссии, т.е. России существовать не будет»²².

Уже после думских выборов в статье в «КП» Ремизовым выстраивается выдуманная версия, что якобы до 2003 г. само слово «русский» находилось под запретом, а потом «у соотечественников как будто что-то лопнуло в сознании. Стало ясно, что наднациональный проект «Россияне» проваливается в бездну»²³. По мнению Ремизова, предложенная основа для нации в качестве общероссийского патриотизма не подходит, ибо она как идея имеет «наднациональный характер». Автором предлагается строить нацию не в пределах госграниц, поскольку «идея единой территориальной нации в существующих границах отсекает этих людей (имеются в виду русские за рубежом – *В.Т.*) от нашей общности, сужает наше пространство». Вместо лозунга «народов много – страна одна» Ремизов предлагал лозунг «стран много – народ один», имея в виду необходимость объединения всех русских в странах бывшего СССР. Еще одна причина невозможности гражданской нации в России – это то, что «для существенной части нашего общества законы гор или законы ша-

²⁰ См.: Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. 2011. № 36. 12 сентября; *он же*. Русский фарш // Аргументы и факты. 2011. № 42. 19 октября; *он же*. «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. 2011. 13 декабря.

²¹ Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. 2001. № 36. 12 сентября.

²² Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 181.

²³ Ремизов М. «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. 2011. 13 декабря.

риата выше гражданских законов». По мнению Ремизова, наиболее приемлемый выбор для страны – это не идея территориальной целостности и конституционного порядка, а «в центр государства ставим тысячелетний цивилизационный русский проект»²⁴. Что это такое, кроме завлекающей фразы, вряд ли кому-то понятно.

Еще более вызывающими и провокационными были многочисленные высказывания появившихся в большом числе на телеэкранах «экспертов»-националистов, которых до этого не допускали на публичную арену. А здесь как будто открылись шлюзы для таких публицистов и журналистов, как Холмогоров, Крылов, Дугин, Речкалов. Произносился все тот же старый набор заклинаний о «геноциде русских» и их «врагах», но на сей раз, будучи широко тиражируемыми, эти сентенции действительно оказывали свое воздействие на взгляды рядовых граждан. Вся эта атмосфера переключалась в президентскую кампанию.

Президентская кампания. В кампании по выборам Президента России ставки намного выше и искушение прибегнуть к националистической аргументации было сильнее. Основная борьба шла за большинство, а значит – за голоса этнических русских. По данным социологических служб, в начале 2012 г. более трети населения страны поддерживала лозунг «Россия для русских». На этот раз никаких «высших» предостережений против разыгрывания «национального вопроса» не было.

Обратимся к программам кандидатов в президенты. У лидера «Справедливой России» С.М. Миронова было сформулировано требование, которое также характерно для русских националистов, – о государствообразующем русском народе. Что может означать это понятие на практике – вряд ли хорошо понимают его поборники. Мировых аналогов оно не имеет, кроме конституций ряда постсоветских государств. Вот как это звучит в программе Миронова: «Россия – государство русского народа и других коренных народов России. К коренным народам относятся народы, исконно проживающие на землях нынешней Российской Федерации и не имеющие государственных образований за ее пределами, за исключением Украины и Белоруссии. Миграционные процессы приостанавливаются. Все лица, незаконно проживающие на территории России, депортируются. Восстанавливается прописка – Россия не проходной двор. Восстанавливается графа «национальность» в паспорте – хватит нам быть безродными. Мы не устанавливаем приоритета религиозной конфессии. Но любое вероучение не должно вступать в противоречие с моралью и традиционными устоями коренных народов России».

²⁴ Там же.

В официальной газетной публикации ключевое положение программы Миронова было изложено еще более определенно: «Именно с этим связано наше намерение принять федеральный закон, или даже конституционную норму, в соответствии с которой русский народ должен быть признан государствообразующим»²⁵. Здесь уже нет «других коренных народов России», и с этим дополнением позиция Миронова открыто подрывала основы российской государственности, ибо делила население на две неделимые категории: «коренных» и «некоренных». Представители многих национальностей живут на территории нашей страны веками, а некоторые – до того, как появились их «собственные» государственные образования. Понтийские греки и ростовские армяне, московские грузины, туркмены Ставрополя, казахи Оренбуржья, финны Северо-Запада, поляки Сибири, корейцы Дальнего Востока и Сахалина и многие другие вдруг оказываются не среди учредителей современного российского государства! Следуя такой странной логике, «некоренными» являются и евреи, которые жили в России задолго до появления государства Израиль и в большинстве своем никакой связи с ним не имеют. Таким образом, это популярное положение не имеет никакого исторического и правового обоснования, и оно практически не может быть реализовано. Однако именно на него «купились» почти все кандидаты по причине многократного повторения националистического лозунга с разных амвонов.

Еще более разрушительным для массового восприятия было положение о приостановлении миграции и депортации всех «незаконных». Трудно себе представить завершение крупнейших строек от Сочи до Владивостока, а также состояние городских дворов и загородных дачных поселков без мигрантов, не говоря уже о повсеместной и круглогодичной поставке овощей, фруктов, ширпотреба, без которых не сможет прожить население не только городов, но и сел. Антимиграционизм был вторым ключевым моментом националистического репертуара в программах. Он объясняется также достаточно просто: мигранты не имеют права голоса и именно они становятся «козлами отпущения» во всех случаях, когда нужно найти виновных, если есть конкуренция за рабочие места, если распространяется наркоторговля, преступность, терроризм; мигрантов обвиняют даже за мусор на улицах...

Миронов обещал восстановить два одиозных института советского контроля за гражданами: прописку и паспортную графу о национальности. Здесь расчет делался на откровенный популизм, ибо право на свободу передвижения и без того записано в действующей Конституции, но

²⁵ Российская газета. 2012. 28 февраля. С. 15.

при этом скрытая форма прописки действует в форме регистрации по месту жительства или пребывания. Графа о национальности ушла в прошлое: в загранпаспортах на ее месте стоит гражданство, а во внутренних идентификационных документах дело идет к еще меньшему набору сведений, о которых должно знать государство.

Кандидат от КПРФ Г.А. Зюганов в свою программу включил раздел «Социальная и национально-культурная политика». «Единство социальной политики и дружба народов укрепят целостность государства. Любые проявления русофобии и попытки разжигания межнациональной розни будут решительно пресекаться, – говорилось в программе. – Будет обеспечено реальное равенство народов России в области государственного управления и в распоряжении общенародной собственностью». Несмотря на тезис о равноправии и дружбе народов, Зюганов делал заявления в пользу особой политики в отношении русского народа.

Самым глухим к «национальному вопросу» оказался М. Прохоров, но эта глухота имела нигилистский характер. Кандидат предлагал упразднить существующее административное деление Российской Федерации и сделать 25–30 «единиц, каждая из которых обладает выраженным экономическим и историческим своеобразием». Остается ли в этом числе место для 21 республики или они будут также объединены, Прохоров не разъяснил, но надо полагать, что «переформатирование» республик предполагалось. Вот только какие и каким образом должны были исчезнуть с карты России, остается неясным. По крайней мере, в отношении Северного Кавказа предложение было следующим: «На период до 2020 г. законодательно зафиксировать особый статус северокавказских республик, предусматривающий их меньшую самостоятельность в вопросах назначения руководителей правоохранительных органов, судопроизводства и организаций, задействованных в борьбе с преступностью, в том числе терроризмом». Как и с пропиской у Миронова, это обещание не требует реализации, ибо в России правоохранительная «вертикаль» существует, хотя и далеко не всегда реализуется согласно закону.

Можно предположить, что Прохоров был готов к упразднению республик, что подкрепляется и таким его программным положением: «Обеспечить права малых и коренных народов на самоидентификацию и культурную автономию, гарантируя при этом любому гражданину РФ, независимо от национальности и вероисповедания, право занимать любые государственные должности в любом субъекте РФ».

Основной кандидат в президенты страны В.В. Путин одним из первых изложил свое видение вопроса в «Независимой газете». По его мнению,

«для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»²⁶. Он изложил оценку мировой и российской ситуации, а также сформулировал несколько программных положений. Элементы эклектики и противоречивости некоторых тезисов (например, о миграции, о наборе книг для чтения) в статье присутствовали, что, видимо, объясняется борьбой за голоса большинства. Этим вызвано и высказывание, что «русский народ является государствообразующим – по факту существования России». Но здесь же автор высказался жестко в адрес националистов, прибегая в отношении России к понятию «цивилизации» вместо «национального государства», которое, по его мнению, есть государство одной этнической группы: «Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России – под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа». Чтобы в конечном счете – заставить людей своими руками уничтожить собственную Родину».

Одним из важных положений статьи Путина была оценка праздника 4 ноября – Дня народного единства, как праздника победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»²⁷.

Во время избирательной кампании Путин посетил многие регионы, в том числе республики Северного Кавказа, где сделал взвешенные высказывания о ценности межнационального мира и о необходимости для переезжающих в другие регионы кавказцев вести себя более уважительно по отношению к местному населению. Заметим, никакого особого давления или торга с «кандидатом № 1» со стороны республиканских элит не последовало. Не было и заявлений «против шовинизма» в программах других кандидатов. Зато «русские националисты» хотели от Путина как можно большего, выдавая свое желаемое за якобы очевидное. Например, Путин высказался за то, чтобы постоянное население страны ежегодно пополнялось примерно на 300 тысяч за счет иммигрантов. А националисты объявили, что Путин предложил ограничить иммиграцию до 300 тысяч «вместо нескольких миллионов». Путин сказал о статусе русских по

²⁶ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

²⁷ Там же.

факту самой истории, а националисты трактовали это как «признание» установить государствообразующий статус русского народа.

Окончательно свою позицию Путин обозначил за неделю до выборов, когда главный кандидат в президенты собрал в московском Манеже 29 февраля своих доверенных лиц и руководителей выборных штабов, на котором сначала обсуждался в том числе и «национальный вопрос». Это обсуждение без Путина было сумбурным и опять крутилось вокруг «статуса русских» и «ограничения миграции». Однако в своей речи в Манеже Путин сказал очень важные слова: «Нам вместе нужно найти нечто такое, что станет объединительным фактором для всей многонациональной, но единой российской нации. И я не вижу ничего другого, кроме патриотизма».

Итоги выборов в России известны и в целом общепризнанны. Но как обстоит дело с национализмом, который ныне в ходу в избирательных стратегиях и политической борьбе? Вряд ли игроки способны предугадать, где та грань, за которой уже не будет возможности отыгрывать националистическую карту назад.

После выборов. Что касается Государственной Думы, то здесь националистическая риторика никуда особенно и не ушла, и она остается в арсенале значительной части депутатского корпуса. Казалось бы, прошлый опыт должен был убедить, что этнонационализм с огромным трудом облекается в правовую форму принимаемых законов, но искушение написать такой закон и даже изменить Конституцию слишком велики. Взять хотя бы проблему соотечественников, которая в принятых прошлыми парламентами законах и в программах поддержки и переселений оказалась облаченной в этнически избирательную форму, что завело в тупик жизненно важную для национальной экономики, гуманитарных связей и межгосударственных отношений проблему. Этнические русские, на которых были рассчитаны все эти нормы, особенно переселяться из Украины и Казахстана не пожелали (желающие уже уехали в 1990-е гг.), а, например, российские корейцы, желающие переехать из Узбекистана в Россию, «лицом не вышли», хотя в свое время были депортированы с территории РСФСР в Среднюю Азию и здесь никаких вопросов быть не должно. Сейчас головная боль возникла еще с одними «состечественниками»: потомками мухаджиров – переселенцев с Кавказа времен Кавказской войны (главным образом это адыги-черкесы). Эти «не вышли мусульманской верой», и даже попавшие в беду гражданской войны сирийские черкесы не могут переехать в Россию, хотя речь идет максимум о нескольких тысячах (а может быть и сотнях человек).

Однако же новые депутаты уже на первых заседаниях стали требовать изменения Конституции по части записи положения о придании статуса государствообразующего народа этническим русским. Еще по некоторым столь же нереализуемым сюжетам некогда предвыборные брошюры начинают перерабатываться в проекты законов. Все это уйдет в прах, как это случилось со всеми националистическими законопроектами, крутившимися в кулуарах прошлых думских созывов. Но темп и эффективность работы парламента по части правового регулирования сферы этнополитики будут ослаблены (в прошлые два созыва не было принято ни одного закона!).

Более обнадеживающими выглядят возможные действия президентской власти в лице национального (!) лидера В.В. Путина. Здесь предвыборная заангажированность на этнонационализм (как в пользу русских, так и в пользу меньшинств) была гораздо меньше и понимания природы нашей страны и существа современной государственности имеется на порядок больше. Д.А. Медведев, выступая с последней своей речью на церемонии инаугурации нового Президента сказал, что за последние годы «Россия вошла в число ведущих наций мира». Президент В.В. Путин после принятия присяги сказал очень важные слова: мы «вернули себе достоинство великой нации... жизнь будущих поколений, историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня именно от нас, от реальных успехов в создании новой экономики и современных стандартов жизни, от наших усилий по сбережению народа и поддержке российских семей, от нашей настойчивости в обустройстве огромных российских пространств от Балтики до Тихого океана, от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии»²⁸.

Любопытно, что во всех новостных комментариях по всем телеканалам (кроме момента прямой трансляции) слова о нации уже не цитировались ни в речи Медведева, ни в речи Путина. Такое впечатление, что присутствовавшие в Кремле на инаугурации Ремизов и Дугин и их единомышленники – в одной идеологической парадигме с редакторами российских телеканалов. И эта парадигма называется этническим национализмом, хотя может быть облачена в более изощренные словесные формы.

Список литературы:

1. Брод А.С. Материалы мониторинга Московского Бюро по правам человека. М., 2012.

²⁸ Путин В.В. Выступление на инаугурации Президента России 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://президент.рф>.

2. Мировой политический форум. Современное государство в эпоху социального многообразия. Доклады и выступления. 7-8 сентября 2011 года. М., 2011.
3. Путин В.В. Выступление на инаугурации Президента России 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://президент.рф>.
4. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
5. Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. 2011. № 36. 12 сентября.
6. Ремизов М. «Русский фарш» // Аргументы и факты. 2011. № 42. 19 октября.
7. Ремизов М. «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. 2011. 13 декабря.
8. Тишков В.А. Трудное прощание с этнонационализмом. Опыт этнологического мониторинга. М., 2004.
9. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2011.
10. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2.
11. <http://victor-biryukov.ru/roundtable9>.
12. <http://www.civitas.ru/news.php?code=11467>.
13. <http://fom.ru/obshchestvo/10262>.
14. http://moskprf.ru/dmdocuments/pravda_mos_25_11.pdf; <http://moskprf.ru/dokumenty/politika-bolshinstva-kurs-na-pobedu-doklad-xiv-sezdu-partii-predsedatelya-tsk-kprf-g.a.-zyuganova.html>.
15. http://www.opengaz.ru/issues/43-483/agitation_na_kolesah.html.
16. http://www.spravedlivo.ru/information/section_11/programm2011.
17. <http://mimozhem.ru/2011/09/01/mironov-russkie-samyj-ugnetennyj-narod-v-rossii>.
18. <http://www.ria.ru/society/20111104/480339498.html>.
19. http://ldpr.ru/uploads/The_new_national_policy.txt.11.10.2011103030fa390.pdf.
20. <http://www.islamsng.com/authors/Ataev/2827>.
21. <http://rod-ru.org/news128>.
22. <http://www.izvestia.ru/news/496554>.
23. <http://www.kommersant.ru/doc/1802213?themeID=277>.
24. <http://www.superomsk.ru/news/detail.php?ID=7370>.
25. http://www.ng.ru/politics/2011-09-14/3_ldpr.html;
26. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/267332/za_russkih;
27. <http://www.ria.ru/politics/20110913/436537581.html>.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация: В статье рассматривается специфика существования и развития российского общества и государства как полиэтничных в условиях глобальных вызовов и трансформаций. Особое внимание уделяется проблемам утверждения общенационального самосознания, сохранения языкового многообразия, обеспечения прав местных сообществ.

Ключевые слова: полиэтничное общество, многонациональное государство, национальная идентичность, языковое разнообразие.

Summary: In article the specifics of existence and development of Russia society and state as multiethnic in conditions of global challenges and transformations is considered. Special attention is given to problems of establishment of all-national consciousness, saving language variability, provision of rights of local communities.

Key words: multiethnic society, multinational state, national identity, language variability.

Тишков Валерий Александрович – академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, член Консультативного совета при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями.

С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной. Эта доктрина воплощалась в политику ассимиляции и культурной переплавки неоднородного населения в некий желаемый «национальный тип». Со времен Французской революции и до Второй мировой войны ассимиляционные и интеграционистские модели вместе с принципами гражданского равноправия доминировали в нациестроительстве. Но демократия и равноправие даже в зоне евроатлантической цивилизации распространялись далеко не на всех. Дискриминация и сегрегация так называемого цветного и аборигенного населения существовали длительное время в странах Западного полушария. В других регионах мира господствовал колониализм через систему так называемого косвенного управления. О признании культурного разнообразия и прав меньшинств, а тем более о нациях в колониальной периферии вообще не было речи. Права меньшинств как категория права и политики появилась только в эпоху Первой мировой войны в целях обустройства пространства распавшихся Австро-Венгерской и Османской империй.

Во второй половине XX в., в условиях ликвидации мировой колониальной системы, образования десятков новых государств, массовых миграций, глобализации и демократизации, сложились новые доктрины самоопределения, нациестроительства, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. Они включали набор национальных и международных механизмов по борьбе против расовой и других форм дискриминации, защите прав лиц, принадлежащих к этническим, расовым, религиозным и языковым меньшинствам. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т.д. В СССР и зоне его влияния при разных политико-идеологических режимах реализовывалась схожая политика «расцвета и сближения социалистических наций», интернационализма и дружбы народов. В 1970-е гг. она дополнилась концептом единого советского народа – общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации жителей страны.

В конце 1970-х и в 1980-е гг. в странах западной демократии утвердилась политика *мультикультурализма* в разных ее вариантах – от Канады и Австралии до Франции и Германии. Общим для всех вариантов было признание неоднородности гражданских наций, поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшин-

ства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Популярным становится концепт коллективных прав, который отходил от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с пониженным положением. Эта политика дала позитивные результаты, но она заключала в себе риск ужесточения межгрупповых границ и возможность «дискриминации наоборот», т.е. ущемления прав большинства и его ответной реакции, в том числе в форме ксенофобии и шовинизма.

О противоречивом характере мультикультурализма и необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности мы писали по итогам международной конференции на тему мультикультурализма, прошедшей в Москве в 1999 г.¹ Схожий анализ и оценки концепции мультикультурализма были сделаны западными учеными, в том числе философом и политологом Сейлой Бенхабиб, которая попыталась ответить на вопрос, в какой мере и каким образом можно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии – свободой и равенством граждан². Что касается Российской Федерации, то после распада СССР заложенный в Конституции 1993 г. концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержки их культур были в центре строительства нового государства. Политика поддержки *многонациональности* (или полиэтничности) проводилась в России, несмотря на то, что периферийный этнический национализм поставил страну под угрозу дезинтеграции. В 1990-е гг. он проявился в «параде суверенитетов» российских автономий и вооруженном конфликте в Чечне.

Как показал опыт социальной жизни во многих регионах мира, демократическое и стабильное устройство многоэтнических обществ действительно составляет проблему мирового значения, ибо для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности и окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности). Именно проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня трудно решаемыми. Получилось это оттого,

¹ Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003.

что в них вовлечены не столько материальные ресурсы и их денежные аналоги, по которым почти всегда можно договариваться, а ценностные и мировоззренческие вопросы. В случае конфликтных ситуаций эти вопросы не так легко поддаются разрешению на основе количественных расчетов, торга или обмена, а требуют более тонких гуманитарных технологий. Ценностные и мировоззренческие вопросы труднее поддаются и компромиссным решениям. По этой причине конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная ими ненависть изживается зачастую через поколения.

Рассматриваемая проблема имеет важнейшие проекции в политику на всех ее уровнях: на глобальном, на национальном (государственном), на уровне регионов внутри государств, на трансгосударственном. Самое важное в политических функциях этничности, культуры в ее широком смысле – это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращения конфликтов. Другими словами, какова должна быть государственная политика и позиция общества в данной сфере, чтобы общество и страна не были вовлечены в межгрупповые распри, чтобы они не были поражены отравой ксенофобии и ненависти одних людей по отношению к другим по той причине, что они выглядят иначе, говорят на другом языке, молятся другому богу? Казалось бы, простой вопрос, но сколько он заключает в себе непримиримых убеждений, труднопреодолимых узости мысли или жестокого расчета!

По мнению некоторых политологов, именно по причине этнического разнообразия и цивилизационных различий в России нет и общей нации. Отрицатели российской идентичности ссылаются также на то, что в России нет гражданского общества и демократических институтов, а значит, и нет гражданской нации. Как и в некоторых других европейских странах, в нашей стране доктрине полиэтничности (многонациональности) и проекту нациестроительства противостоят как леволиберальный тезис о гражданских равенстве и свободах, так и правоконсервативный взгляд на преимущественное право большинства без особого внимания к малым группам и культурам («если хотят жить в России, тогда пусть все считают себя русскими»). Как можно демонтировать эти несостоятельные взгляды и как выстроить новое видение полиэтничных обществ, а вслед за этим обновить политику и систему управления?

* * *

Итак, неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности. Эта сложность воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов. Тогда в чем же уязвимость традиционных подходов в данном вопросе? В том, что мы склонны рассматривать культурные системы как своего рода карту-атлас, которая при всей ее наполненности и украшенности этнографическими типажам на самом деле есть только условное и статичное отражение неповторимого богатства рельефа. Взгляд на культуру как на архетип, а на этническую идентичность – как на биосоциальный организм отрицает движение и развитие культурных форм, игнорирует роль личностной стратегии-выбора, проектной деятельности людей, политических предписаний и управленческих процедур.

Нам прежде всего следует признать, что биология, в том числе новомодная в России этногеномика, и этническое самосознание (национальная принадлежность) – это трудно соприкасающиеся субстанции, что культурный процесс можно организовать по-разному и даже повернуть вспять, если для этого есть достаточные аргументы и ресурсы. Напомним, как киевский историк М. Грушевский в конце XIX – начале XX вв. своими трудами сконструировал национальную версию для малороссов. С тех пор она стала украинской, о чем он сам писал после создания труда «История Украины-Руси». В этом сочинении было отчетливо проведено отделение украинцев от русских, Грушевский сделал это намеренно и разъяснил это следующим образом: «Литературное возрождение XIX в. принимает название “украинского” для обозначения... новой национальной жизни... В последнее время все шире употребляется и в украинской, и в других литературах простой термин “Украина”, “украинский”, не только в применении к современной жизни, но и к прежним ее фазам, и это название вытесняет постепенно все прочие... Это обстоятельство принудило украинское общество в последнее время твердо и решительно принять название “Украины”, “украинского”»³.

С конца 1980-х гг. в России возникло много новых или возрожденных групповых идентичностей, и количество национальностей выросло за двадцать лет с 128 (1989 г.) до 182 (2002 г.), и в переписи населения

³ Грушевский М.С. Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913. С. 4–5.

2010 г. еще добавилось около десятка наименований. Почти удвоился список коренных малочисленных народов, имеющих некоторые групповые права. *Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой.* Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, – выигрывают, те, кто будет пятиться назад, – проигрывают. А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций. Именно сообщества по государству (многоэтнические согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах». Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения этнических, языковых, религиозных и других культурно-отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы.

Что собою представляют современные нации? В отечественном общественном сознании по этому вопросу существуют методологическая путаница и политизированные дискуссии. В России долгое время существовало и сохраняется понимание нации сугубо в этническом смысле. Предложенное нами двадцать лет назад понимание и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и не взаимно исключающем смысле⁴ только в последние годы стало в Рос-

⁴ *Тишков В.А.* Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2; См. также мою последнюю книгу: Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

сии признанным. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом⁵) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете. Одна из последних провокаций – это предложение в качестве национальной стратегии заменить лозунг «народов много – страна одна» лозунгом «стран много – народ один»⁶. Отвергая российский проект, автор имеет в виду первичную значимость создания нации из проживающих в разных странах русских, но за ним с аналогичным концептом тут же следуют украинцы, черкесы, татары, лезгины и другие «разделенные народы», подрывая тем самым целостность российского государства и его народа.

В России как бы все стороны «национального бытия» и национального дискурса существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, целиком солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями. Трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах. Во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай – это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций.

Но тогда что есть нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность людей в рамках государственного образования, находящаяся под единой суверенной властью, обладающая общими самосознанием и общими ценностями при сохранении культурной сложности.* Последняя может сжиматься и уступать место граждан-

⁵ Попов Г.Х. Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня. С. 6.

⁶ Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. № 36(769). 2011. 12 сентября.

скому национализму (патриотизму) в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретать актуализированное старое и новое разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Все это отражается в проверенной и широко распространенной формуле нациестроительства «единство в многообразии» (*Un pluribus uni, unity in diversity*), которая используется от Индии до Ямайки.

* * *

С языковым разнообразием в современных государствах схожая ситуация, ибо язык по-прежнему довольно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык «своей национальности», и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В обычном понимании языковая сложность – это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более, что *язык физически более осязатим через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование.* Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне

ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере – принятая кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 г. присоединилась к хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, овладевают мировым языковым пространством. Однако общая языковая ситуация и положение с языками в разных странах имеют более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Первое – это *размывание и перемешивание языковых ареалов* настолько, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX в. или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX в. Второе – это *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия* среди населения многих стран. Наконец, существует тенденция к *ревитализации языков*, т.е. языки возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США – одни из примеров.

Мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ.* Через это, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает

знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС далеко не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав хартию, Россия рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия – не единственное государство, отложившее ратификацию. В России имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

На современном этапе *язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа»*. Переход на другой язык не означает утрату идентичности, т.е. сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие, как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению, на эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в статусе и в уязвимости одних языков по сравнению с другими. Например, проблемы сохранения и использования осетинского или бурятского языка могут существовать, но при этом граждане осетинской и бурятской этнической (национальной) принадлежности быть во всех отношениях среди наиболее преуспевающих групп населения страны.

Что касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков

в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и с практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. И все же *с точки зрения национальной стратегии первостепенная задача российского государства – обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан.* Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

* * *

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона⁷. Правовые гарантии такой политики были обозначены еще в законе 1992 г. «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называла «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имели право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения.

⁷ См.: Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тихов В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. 2010. № 1. С. 39–46.

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионально-го нормотворчества в области образования возникли проблемы. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности⁸. В 2007 г. и в 2009 г. были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ в выборе программ и предметов. Вступивший в силу 1 сентября 2013 г. новый закон «Об образовании» сформулировал задачи и принципы российского образования в несколько обновленном варианте. По целям и принципам это: «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования». Это также: «единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства».

Относительно языка образования закон гласит, что в России «гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования». Образовательная деятельность осуществляется на русском языке, но в государственных и муниципальных образовательных организациях на территории республики Российской Федерации может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик. Преподавание и изучение этих языков не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению русского языка. Важным положением является предоставление гражданам права на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка. Реализация указанных прав обеспечивается созданием соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования.

⁸ Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2010.

Несмотря на эти коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая русскоцентристская и новая этнонационалистическая версии, что может вызывать напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу устранения из учебных текстов образа врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества⁹. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков со странами бывшего СССР, Финляндией, Германией и Польшей. За последние полтора года российские интеллектуалы и политики дебатировали высказывание Президента РФ о едином учебнике по истории, и, кажется, они сошлись на более приемлемом варианте подготовки единого школьного стандарта (или концепции) преподавания истории России. Зная состояние гуманитарного знания в аспекте местных, региональных и этнических версий, можно сказать, что и эту задачу придется решать в довольно трудных дискуссиях.

* * *

Современные нации отличает не только культурно-языковая и религиозная сложность, но и существование в их рамках отчетливо осознающих себя местных сообществ. Выскажем на этот счет некоторые предварительные суждения. Фундаментальный конституционно-правовой принцип разделения государственного и местного самоуправления остается в России, скорее, идеологической интенцией, нежели политической данностью. В полиэтничных государствах с элементами этнического федерализма невозможно рассматривать «местное управление» только в

⁹ См. об этом: *Тишков В.А.* Новая историческая культура. Воронеж, 2011.

его конституционно-правовой дефиниции, т.е. применительно к уровню ниже субъектов федерации – регионов. Даже если республики определяются российской Конституцией как «государства», и их государственность составляет часть федеративной государственности, тем не менее, именно они и являют одно из главных средоточий проблемы самоуправления местных сообществ, ибо территории республик и автономных округов – это территории проживания культурно отличительных от остального населения местных сообществ. Сложный этнический состав имеет и большинство российских краев и областей. В этой ситуации федерализм должен сочетаться с сильным местным самоуправлением. Через расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ может решаться значительная часть проблем межэтнических отношений, а также задача сохранения культурных традиций и своеобразия. Но здесь есть ряд вопросов.

Во-первых, следует учитывать саму природу и культурную обусловленность формирования территориальных сообществ, а также их постоянную динамику. С этим тесно связаны и территориальные формы местной власти. Как образуется то, что можно назвать «местным сообществом», в историческом и социокультурном аспектах? Можно ли определить членство в местном сообществе по формальному признаку постоянного проживания или сюда должны быть включены и те, кто уехал в город или даже за границу, но, располагая ресурсами и символическим капиталом, а также имея интересы, продолжает осуществлять власть над сообществом и определять многое в его жизни, в том числе и через конкретное участие (спонсорство, культурная деятельность, политическая мобилизация в поддержку выходца или выходцев из сообщества, криминальные связи и действия и т.п.)? Что есть современное местное сообщество, если значительная доля средств, на которые существуют его члены, поступает от тех, кто связан с этим сообществом, но физически в нем не пребывает?

Во-вторых, с этим же связан вопрос о границах местных сообществ и границах муниципальных образований. Ясно, что это разные границы, и административные границы не могут совпадать с границами культурными и границами местных хозяйственных комплексов. Что в реальной российской практике определяет границы местных образований? Есть ощущение, что здесь сохраняется советская система местного административного деления. Если и появилось что-то новое, так это своего рода вариант американского *джерримендеринга*, т.е. границы сельских или городских районов могли быть изменены

только исходя из политических расчетов, ибо с административными границами связано определение границ избирательных округов. Встает вопрос: насколько сохраняющаяся советская система не только местного, но и республиканско-регионального административного деления была и остается оправданной и что можно ей противопоставить как «идеальные» принципы для определения территориальной основы местного самоуправления?

*Современная антропология местных сообществ говорит о том, что они складываются под воздействием внутренних и внешних факторов, которые имеют динамическую взаимосвязь. То, что тридцать-пятьдесят лет назад казалось и действительно было насилием в формировании и определении границ местных сообществ, сегодня становится частью идентичности и глубокой привязанности их членов, т.е. кажется исторической нормой и даже «традицией». Другими словами, адаптационные возможности современных людей велики, и они способны не только стихийно самоопределять пространственные границы локальных коллективов, но и приспосабливаться к внешним предписаниям, даже если они не учитывали местного волеизъявления. Для каждого нового поколения границы местного сообщества – это радиус тех местных дорог, по которым в юности можно было доехать на велосипеде или на мотоцикле, чтобы сходить на дискотеку или погулять с девушкой. Следует отметить, что *осваиваемое человеком пространство повседневной жизни скорее расширяется, чем сужается, чему способствуют прежде всего улучшающиеся транспортные пути и автомобильные средства передвижения.**

Безусловно, в данной сфере социальной жизни сохраняются и могут заявить о себе в манифестной форме некоторые групповые (этнические) границы, которые при всей их изначально ментальной сущности могут обретать географические параметры. Представители некоторых этнических общностей (а точнее, хозяйственно-культурных комплексов) могли на протяжении длительного времени занимать определенные пространства для проживания и использовать другие пространства для ведения хозяйственной деятельности. Иногда представители двух разных культур могли использовать разные ресурсные ниши на одной и той же территории и проживать смешанно или раздельно-смешанно (отдельные поселки/аулы, но единые поселения более широкого плана). Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и в современной жизни, особенно в сельской местности и в некоторых малых городах (в крупных городах России пока еще нет «этнических

кварталов»). Из всего этого и складываются образы «малой Родины», за которые иногда возникает межгрупповое соперничество и даже открытые конфликты.

В-третьих, в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ? Для сельских сообществ, безусловно, может, ибо культурная гомогенность мест проживания обусловлена не только давней историей, но и современными человеческими стратегиями: удобством языкового общения, схожестью систем хозяйственного жизнеобеспечения, бытовыми нормами, ценностными ориентациями, обрядовой жизнью т.п. Ценность культурной партикулярности не исчезает с модернизацией и нивелировкой хозяйства и быта под воздействием рынка и массовой культуры. Многообразие местных сообществ не будет исчезать, а его символическое значение (как одной из форм человеческой идентичности) даже может возрастать. Значит, *этнокультурный фактор должен быть признан среди приоритетных в определении границ местных сообществ, а сохранение культурного многообразия является одной из задач самоуправления и государственной политики в отношении местных сообществ*. Но насколько далеко может заходить культурный детерминизм в данном вопросе, если мы уже отмечаем высокую адаптивность и мобильность человеческих коллективов?

Некоторые общественные активисты и этнологи высказываются за систему своеобразной низовой кантонизации культурно-сложных сообществ и организацию местных поселений и образований на этническом принципе. Такой вариант предлагается для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и других регионов РФ. Аргументом в пользу данного варианта является необходимость защиты и должного представительства малых этнических групп в более широких полиэтничных образованиях, а также представление о мирной стабильности этнически однородных поселений. По поводу этого аргумента есть серьезные сомнения, но ясно, что данный вопрос заслуживает обсуждения. Причем, культурная основа пространственных границ местных сообществ – это не только проблема Северного Кавказа или республик, но и всей страны, ибо местное культурное разнообразие присутствует и воспроизводится повсеместно, хотя внешние наблюдатели его могут и не замечать. Эту значимость могут и, видимо, должны определять сами жители. Но в какой мере этот фактор первичен, чтобы быть основой решения о границах, и в какой мере решение принимается действительно в результате волеизъявления, а не манипуляций со стороны «этнических

предпринимателей» и замороженных паранаучными текстами местных интеллигентов?

В-четвертых, анализ правоведческой и политологической литературы ставит еще одну проблему: в какой мере оправдана единая категория «местные сообщества» для сельских и городских образований? Для территории Аляски или Москвы с частью Подмосковья такое деление не носит принципиального характера (и там, и там фактически нет деревни). Но в России, дихотомия *город-село* имеет сложную природу, а жизнь в городе и на селе и характер городской и сельской власти существенно различаются. Анализ повседневной жизни и смысла власти для городского и сельского жителя поможет выявить эти различия, а значит, необходимость различий в правовых нормах и администрировании, не говоря уже о перспективе категоризации двух разных классов социальных явлений: городского и сельского (само)управления. Здесь нельзя обойти и вопрос о существовании в РФ смешанных муниципальных образований с объединением городских и сельских территорий. По имеющимся полевым наблюдениям¹⁰, в данном случае мы сталкиваемся с административным «выбросом» персоналистских властных и коммерческих соперничеств, а территория, как и во времена враждующих племенных групп, становится ресурсом выживания и безопасности.

В-пятых, существующая степень анализа и общего понимания игнорирует неформальную сторону природы власти. Сельские (деревенские) муниципалы продолжают тратить половину своего рабочего времени в кабинетных инстанциях районных муниципальных образований. Одна «местная власть» находится фактически в полном подчинении у другой «местной власти». На чем строятся это повседневное подчинение и зависимость, которые в Конституции, законах и указах не прописаны? Похоже, в ряде регионов нынешние администрации районов полностью подчинили себе власть деревень, поселков и сел, и последняя есть искусственное образование или инструмент осуществления иных функций. В любом случае в России наблюдается разрыв между заявленной реальностью (законы, уставы, решения, опросы и т.д.) и практикой повседневности, построенной на неформальных связях, жестких зависимостях, сугубо личных или корпоративных интересах и т.д., которые делают итоговую оценку местного самоуправления гораздо менее оптимистичной. Приходится признать, что в современной России многие полити-

¹⁰ Малый город в современной России: Предварительные результаты полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2010; Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города. В 2-х книгах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2013.

ческие и культурные основы местного самоуправления отсутствуют, а в некоторых российских регионах нет условий для функционирования местной власти вообще.

Общий вывод: российская нация как форма коллективной идентичности в большей степени строится сверху, преодолевая как внутренние (верхушечные и низовые), так и внешние противодействия. Так всегда и было в истории современных государств, включая Россию. Таковым остается проект нациестроительства и в современном мире при всех его выше отмеченных особенностях.

Список литературы:

1. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003.
2. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913.
3. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. 2010. № 1.
4. *Малый город в современной России: Предварительные результаты полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова.* М., 2010.
5. *Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города.* В 2-х книгах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2013.
6. *Попов Г.Х.* Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня.
7. *Тишков В.А.* Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.
8. *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.
9. *Тишков В.А.* Новая историческая культура. Воронеж, 2011.
10. *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.
11. *Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова.* М.: ИЭА РАН, 2010.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков, Валерий Перхавко

ИТОГИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Аннотация: В статье анализируются причины и ход переселения горского населения с Кавказа в Османскую империю в конце Кавказской войны (1817–1864 гг.) и в последующие десятилетия XIX – начала XX в. Особое внимание уделяется последствиям данного события, прежде всего массовому исходу черкесского населения (мухаджирству) и причинам, которые привели к этому трагическому явлению в истории кавказских народов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказская война, Российская империя, Османская империя, мухаджирство.

Summary: This article analyzes the causes and character of mass exodus of aboriginal population of Caucasus to Ottoman empire in result of the Caucasian war (1817–1864). Special attention is paid to the results of this event, especially to mass exodus of circassian population (mahajirs) and the reasons that led to this tragic fact in the history of Caucasian peoples.

Key words: Northern Caucasus, Caucasian war, Russian empire, Ottoman empire, mahajirs.

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; *Перхавко Валерий Борисович* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

В последнее время в средствах массовой информации в России и за рубежом оживленно обсуждается тема «черкесского геноцида» XIX в. Речь идет о так называемом мухаджирстве (махаджирстве) – массовом исходе коренного (в основном мусульманского) населения с завоеванного Российской империей Кавказа в Османскую империю в конце Кавказской войны (1817–1864 гг.) и в последующие десятилетия XIX – начала XX в. Среди вынужденных переселенцев-мухаджиров численно преобладали адыги (черкесы). Эта тема воспринимается сегодня на Северном Кавказе болезненно¹. Особенно эмоционально к ней относятся на северо-западе региона (в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее и Краснодарском крае), большинство тогдашнего горского населения которого покинуло Кавказ и Россию в XIX – начале XX столетия. В последние годы эта историческая драма зачастую политизируется, в том числе в антироссийских целях. В данной ситуации важен объективный научный взгляд на события прошлого, а также на некоторые современные оценки и действия по поводу этих событий. Целенаправленное изучение истории Северного Кавказа и Кавказской войны отечественными учеными началось еще в дореволюционной историографии, затем продолжилось в советский период. Далеко не все из оценок и положений, высказывавшихся в научной литературе на протяжении последних двух столетий, выдержали проверку временем на объективность. Под идеологическими воздействиями и в результате мощного влияния художественного творчества (литературы и изобразительного искусства) трактовки Кавказской войны обросли целым арсеналом мифопоэтических версий, а также довольно грубых подделок. В этой сложной историографической ситуации мы ориентируемся в первую очередь на многомерный, основанный на архивных документах и других свидетельствах подход к анализу сложных проблем истории кавказских народов. Успешные историко-этнографические разработки в области отечественного кавказоведения создают некоторую дополнительную базу для новых

¹ См. подробнее разные современные точки зрения по этой острой и дискуссионной проблеме: Черкесская диаспора // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 405–472; «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе: Материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2011; *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик, 2012; Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. Нальчик, 2012; *Озова Ф.А.* Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск–Черкесск, 2013. С. 296–313.

интерпретаций², а подготовка усилиями Росархива и историков РАН электронной публикации документов о завершающем периоде Кавказской войны открыла новые возможности для понимания истории региона, избегания односторонних характеристик и субъективизма³.

* * *

Под черкесскими мухаджирами принято понимать переселенцев с Северного Кавказа в османскую Турцию, а также их потомков из черкесской диаспоры, проживающей ныне в Турции, на Ближнем Востоке, Балканах и других регионах мира. Сам термин имеет арабское происхождение (*мухаджарет* – переселение, эмиграция, изгнание) и исламскую историко-религиозную окраску. Во второй трети XIX в. так называли себя мусульмане, вынужденные покинуть места проживания, а позднее и Кавказ. Они соотносили себя с героями раннего ислама, носящими в мусульманской традиции имя мухаджиров, – с пророком Мухаммедом и его сподвижниками, совершившими переселение (хиджру) из языче-

² См. обобщающие труды по истории и этнографии Кавказа: Народы Кавказа. М., 1960–1962. Т. 1–2 (Серия «Народы мира: Этнографические очерки»); История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1–2; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007; *Гатагова Л.С.* Присоединение Кавказа // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 229–244; *Трепавлов В.В.* Россия и народы Кавказа // Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 377–401; Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы. Материалы круглого стола. М., 2014; См. также тома «Абхазы» (М., 2007), «Осетины» (М., 2012), «Чеченцы» (М., 2012), «Ингуши» (М., 2013), вышедшие в серии «Народы и культуры». Подробнее о Кавказской войне см: *Бестужев И.В.* Крымская война. М., 1956; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994; *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе. История и современность. М., 2001; *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида: 300 лет войны. М., 2011.

³ См. Интернет-проект «Переселение черкесов в Османскую империю по документам российских архивов.1860–1865 гг.» (<http://kavkaz.rusarchives.ru>). Интернет-проект подготовлен в целях ознакомления широкой общественности, профессионалов-историков и всех заинтересованных лиц с документами Архивного фонда Российской Федерации и расширения доступа к ним пользователей, введения в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных документов. В проект включены 1132 электронных образа 217 архивных документов из Российского государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД России, Государственного архива Краснодарского края, Российского государственного архива Военно-Морского флота. Большинство из них впервые становятся доступными для широкого круга пользователей.

ской Мекки в Ясриб (будущую мусульманскую Медину). Понятие «мухаджир» получило в имамате – военно-теократическом государстве на территории Нагорного Дагестана, Чечни и Закубанской Черкесии под руководством имама Шамиля (1834–1859) – значение почетного титула борца за веру. Во второй половине XIX в. оно распространилось на вынужденных переселенцев с российского Кавказа в Османскую империю. Среди них было немало бывших мухаджиров из имамата Шамиля.

Кавказская война 1817–1864 гг. привела к завершению длительного и сложного процесса инкорпорации Северного Кавказа в состав России, начавшегося еще в XVI в. Она не была продиктована стремлением Российской империи уничтожить кавказские народы. Вхождение Кавказа в состав России определялось несколькими обстоятельствами: территориальным соседством, давними контактами, международной ситуацией, соперничеством с Османской империей. Военные действия в горном крае на протяжении многих лет носили относительно локальный характер (их активными участниками были лишь адыги, чеченцы и часть дагестанских народностей), охватывая главным образом северо-западные и северо-восточные регионы Кавказа⁴. Многочисленные мирные обитатели Кавказа невольно оказались заложниками своих воинственных соплеменников, вынуждены были нести жертвы и лишения. А в российском общественном сознании утвердилось представление о вековом противостоянии и исконной враждебности двух несхожих между собою миров. Не стоит идеализировать внутреннюю ситуацию и жизнь кавказских народов до присоединения их к России. На Северном Кавказе постоянно не хватало плодородных земель, в условиях раздробленности и межплеменной розни широкое распространение получили набеги на земли ближних и дальних соседей, захват заложников и работорговля.

Прекращение вооруженного противостояния положило начало административным и социально-экономическим реформам в регионе, направленным на интеграцию Кавказа в государственный организм Российской империи. Базовым принципом кавказской политики стала линия на централизацию, унификацию региона с общероссийской пра-

⁴ Ряд историков из республик Северного Кавказа склонны широко трактовать хронологические рамки Кавказской войны, включая в это понятие военные действия не только 1817–1864 гг., но и предшествующих периодов (XVIII и начала XIX вв.). См., например: *Бгажноков Б.Х.* Кабарда и Черкесия в политике России на Кавказе в XVI–XVIII вв. // *Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы. Материалы круглого стола.* М., 2014. С. 57–58. В таком случае следует говорить, скорее, о кавказских войнах либо военных действиях на Кавказе с участием России, Османской империи, Персии и аборигенного населения на протяжении XVIII–XIX вв.

вовой и административной системой. Немало препятствий реализации правительственных планов создавала специфика Кавказа и, прежде всего, его социальная многоукладность, полиэтничность и поликонфессиональность.

В годы «великих реформ» 1860–1870-х гг. процесс структурной реорганизации управления Кавказом по общеимперскому образцу не обошел практически ни одной жизненно важной сферы. Проведение крестьянской реформы и освобождение зависимых сословий Кавказа, сопровождавшееся размежеванием земель в крае, нанесло существенный ущерб горской верхушке. Этапной стала судебная реформа, которая была призвана заменить прежнюю правовую систему. В городах с 1870-х гг. вводилось Городовое положение. Предпринимались меры по организации системы народного образования в регионе. Был образован Кавказский военный округ, руководство которым возлагалось на главнокомандующего Кавказской армией.

Благодаря преобразованиям и реформам, в последней четверти XIX в. Кавказ вступил в полосу бурного экономического роста. Развивались города Ставрополь, Владикавказ, Грозный, Порт-Петровск, Кизляр и другие, прокладывались новые дороги, мосты, строились больницы и школы. Открывшаяся в 1875 г. Ростово-Владикавказская железная дорога связала Северный Кавказ с центральными губерниями России и вовлекла его в систему общероссийского рынка. В частности, 2 декабря 1860 г. российские власти разрешили абадзехам торговать лесом в Екатеринодаре⁵. Вследствие налаживания обмена в крае получило развитие товарное земледелие, скотоводство, садоводство. Началась промышленная разработка нефтяных и горнорудных месторождений, строились предприятия по переработке шерсти, ковроткаческие и суконные фабрики, цементные, чугунолитейные, пивоваренные заводы. Были также организованы места торговли, меновые двory, лавки и установлены правила торговли с покорными горцами⁶. Новый импульс получил процесс колонизации Кавказа русско-украинским населением. Перманентный поток пере-

⁵ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1987. Л. 1–2.

⁶ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1955. Л. 1–1 об., 17–17 об.; Оп. 2. Д. 97. Л. 2–2 об.; См. подробнее о товарообмене на Северном Кавказе в годы Кавказской войны: *Коловская Т.А.* «Торговля, в своих первичных меновых формах, является матерью мирных отношений»: из истории торговых отношений на Северном Кавказе периода Кавказской войны // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской научной конференции. 13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2011. С. 209–214.

селенцев, как организованный, так и стихийный, привел к изменению этнодемографического баланса в регионе и в то же время обернулся очевидными позитивными результатами: взаимным культурным влиянием, взаимообогащением духовным и практическим опытом, приобщением к новым цивилизационным ценностям.

Жители Кавказа смогли ощутить свою принадлежность к огромному миру, осознавать себя частью влиятельной империи, обеспечивавшей им качественно иной уровень личной защищенности, нежели клан, аул или даже этническая общность. В свою очередь, русские люди, укореняясь на Кавказе, получали возможность выйти за рамки локальной традиции и, взаимодействуя с другими народами, обогащаться новым знанием, впитывать опыт иной культуры и адаптировать его к собственным духовным и практическим потребностям. Представители передовой русской интеллигенции сочувственно относились к судьбе горских народов Кавказа, что ярко отразилось в художественной литературе.

* * *

В то же время нельзя замалчивать трагические страницы Кавказской войны и ее негативные последствия, выразившиеся, в частности, в массовом исходе на чужбину коренного населения северо-западного Кавказа. Мухаджирство объясняется комплексом причин военно-политического, конфессионального, кровно-родственного, международного, социально-экономического и психологического характера. Прежде всего, на Кавказе издавна ощущалась нехватка плодородных земель, из-за которых постоянно возникали конфликты между самими кавказскими народами. Русским военным картографам приходилось заниматься размежеванием смежно проживавших племен абадзехов и бжедугов⁷. Поражение в Кавказской войне и начавшаяся коренная ломка традиционных структур и ценностей вызвали среди местного адыгского (черкесского) населения – абадзехов, бжедугов, убыхов, шапсугов и других народностей – разочарование, панические настроения и нежелание подчиняться победителям. Попытки формирования общеадыгской государственности («Сочинский меджлис» 1861–1862 гг.) в условиях военного противостояния с Россией закончились неудачей.

Мухаджирство было вызвано насильственными действиями не только российских властей, среди которых была часть военных командиров,

⁷ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1929. Л. 94–95 об., 103.

предлагавших планы «изгнания горцев»⁸. Оно выросло из внутренних миграций военного времени, таких как стихийные переходы крестьян Кабарды в Закубанскую Черкесию, спуск горцев на равнину, создание укрупненных селений и городов-крепостей Центрального и Северо-Западного Кавказа, организованная военная колонизация. Порой горцы (шапсуги и другие) соглашались переселиться с гор на указанные им властями равнинные места. Все вовлеченные в кавказские военные кампании силы использовали массовые перемещения населения в политических целях. Российские военные проводили переселения для поощрения «мирных горцев» и казаков. В виде репрессивной меры ими применялась высылка отдельных семей и целых селений за пределы региона. Царские власти использовали часть покорившихся черкесов, дававших клятвенное обещание на верное подданство России, в качестве воинов вспомогательных отрядов, созданных для наведения и соблюдения порядка на Кавказе. Так, 2 февраля 1860 г. командующий войсками правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенант Г.И. Филиппсон направил начальнику штаба Черноморского казачьего войска генерал-майору Л.И. Кусакову рапорт о вызове на службу милиционеров-бжедугов⁹. Вытесняя горцев из стратегически важных предгорий и долин рек, российские власти переселяли на их место казаков и военных поселенцев. В свою очередь имам Шамиль насильно переселял сельские общины, оказавшие сопротивление имамату, и с помощью своих верных слуг-опричников жестоко расправлялся с непокорными горцами. На Северо-Западном Кавказе к такой же политике прибегал шамилевский наиб Закубанской Черкесии Мухаммед-Амин. Именно районы массовых внутренних миграций военного времени – Кабарда и Закубанье, Осетия и Ингушетия – стали впоследствии центрами исхода мирного населения.

Адыги (черкесы) оказались перед выбором: или оставаться на землях, контролируемых российскими войсками, или перебираться в турецкие владения. Инициатива массовой эмиграции (мухаджирства) чаще всего исходила от адыгской знати. С отменой крепостного права в России местные князья-тфокотли столкнулись с перспективой освобождения зависимых соплеменников. Они понимали, что должны будут дать свободу своим соплеменникам из зависимых сословий и наделить их землей. 25 сентября 1860 г. датируется рапорт начальника Мало-Лабинской линии полковника М.Д. Лихутина командующему войсками

⁸ См., например, свидетельства одного из российских генералов той эпохи: *Фадеев Р.А.* Государственный порядок: Россия и Кавказа. М., 2010.

⁹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1941. Л. 77.

Кубанской области генерал-лейтенанту Г.И. Филипсону с приложением посемейных списков черкесов, отправившихся в Турцию для совершения хаджа в Мекку. Из рапорта пристава тахтамышевских аулов полковника Ф. Абдрахманова можно узнать об увольнении сроком на один год для совершения паломничества в Мекку 240 черкесских и нагайских семейств¹⁰. Знать теряла зависимых людей и бесплатную рабочую силу. Еще большее недовольство князей вызвало объявленное в 1862 г. намерение российской администрации на Кавказе признать переселившихся с гор холопов свободными и поселить их на удобных землях. 25 июля 1862 г. командующий войсками Кубанской области генерал-лейтенант Н.И. Евдокимов сообщал начальнику Главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту А.П. Карцову об организации перевозки за казенный счет черкесских племен, желающих выселиться с Западного Кавказа в Турцию¹¹. На мирских сходах общинники принимали решения не платить податей князьям, поскольку с окончанием войны отпала нужда в них как в военной защите.

Во многих случаях на горцев оказывали давление влиятельные сородичи из духовенства и социальных верхов, злоупотреблявшие обычаями и традициями внутриклановых и межличностных отношений. Переселенцы под их влиянием наивно надеялись избавиться от тяжелой жизни и обид, которые они терпели у себя на родине. Как справедливо утверждает российский кавказовед В.В. Дегоев, «вдохновители грандиозной кампании переселения опирались, прежде всего, на настроения черкесской знати, которую не столько волновали военные или политические проблемы, сколько личные социально-экономические перспективы при русской власти»¹². Часть горцев имела родственников, занявших высокие должности в Османской империи, и надеялась на их помощь.

Наряду с Кавказской войной 1817–1864 гг., на переселения горцев в Османскую империю оказали влияние также Крымская война 1853–1856 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Российская военнополитическая администрация на Кавказе допускала поспешность и серьезные просчеты, порождавшие новые межэтнические конфликты и способствовавшие переселениям.

Экономическим источником мухаджирства стало разорение знати и обезземеливание горцев после окончания Кавказской войны. Потеряв-

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 504. Л. 70–70 об., 71–115 об., 120, 121–128 об.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 534. Л. 1–2 об.

¹² Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 442.

шие земли и имущество участники войны и восстаний охотно уходили в Османскую империю с семьями. Целый ряд привычных для горцев видов деятельности (в том числе захват заложников) отошел в прошлое. Представители престижных прежде военных профессий рисковали остаться не у дел. Были уничтожены рабство и работоторговля военнопленными, составлявшие источник доходов в Закубанской Черкесии, в частности, у убыхов, покинувших Северный Кавказ после окончания войны.

Мусульманское духовенство адыгов также выступало за эмиграцию, не желая находиться во власти православного царя. К тому же среди местного населения распространялись тревожные слухи, будто русские введут рекрутскую повинность, которая сделает невозможным отправление исламских обрядов. Этот религиозный аспект имел особое значение в Дагестане (главным образом среди аварцев и даргинцев), где тоже началось мухаджирство – хотя и в значительно меньшей степени, чем на северо-западе Кавказа. Толчок к нему дало и переселение в Турцию наибов (наместников) имама Шамиля. Тем не менее, нельзя переоценивать роль религиозного фактора в переселениях кавказских горцев, часть из которых придерживалась языческих верований либо христианских обрядов.

Еще сильнее по горцам ударила русская колонизация в центральной и северо-западных областях Кавказа. Многие горцы стояли перед дилеммой: либо переселяться по указанию царской администрации на равнину, в прикубанские степи, либо отправиться в Османскую империю.

* * *

В переселениях горских народов Кавказа и в предотвращении их реэмиграции были заинтересованы власти как России, так и Турции. Мухаджирство стало частью продолжавшегося русско-турецкого соперничества на Ближнем Востоке, осложненного действиями западных держав, пытавшихся ослабить Россию. Представители османского правительства вели активную пропаганду переселения.

9 марта 1857 г. (за семь лет до окончания Кавказской войны) был принят закон о переселении горцев Северного Кавказа на территорию Османской империи, гарантировавший привлекательные для них условия:

1) каждый, кто желает переселиться в Турцию, будет находиться под личным покровительством султана;

2) земли, предоставляемые переселенцам, освобождены от всех налогов;

3) каждый, кто переселится во Фракию, освобождается от военной службы на шесть лет, а в Анатолию – на 12 лет.

В 1860 г. было образовано Управление по делам мухаджиров (переселенцев). Российский консул в Трапезунде А.Н. Мошнин в письме от 28 декабря 1863 г. подчеркивал: «Порта рада переселению и принимает меры к его облегчению»¹³. Российский кавказовед А.П. Берже, ставший очевидцем переселений горцев, также сообщал, что «турецкое правительство, полагая, что это переселение будет совершаться постоянно и не потребует особых усилий и средств, смотрело весьма благоприятно на прилив горцев в Турцию»¹⁴.

Эмиссары турецкого правительства с самого начала переселения стремились убедить горцев, что Турция – это «райская земля», покровительница всех мусульман, а султан – их глава. Султанский эмиссар Мухаммед Насарет в 1864 г. взывал к черкесам: «Берите ваши семейства... и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь народ принимает в этом деле участие. Если неотложные дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши; получив заверение от правительства встретить и устроить вас, я ручаюсь за ваше спокойствие и безопасность»¹⁵. Султан Абдул Азиз, обращаясь к горцам, писал: «Оставляя свои жилища, поспешите ко мне немедленно, дабы не заслужить гнев всемогущего Аллаха и победоносца султана»¹⁶. Подобные призывы иногда подкреплялись материальной и военной помощью. Все это сбивало с толку горцев, малосведущих в политике.

Проявляя заинтересованность в переселении горцев с Северного Кавказа, Османская империя преследовала собственные стратегические цели: 1) увеличить долю мусульман в местах проживания христианского населения на мятежных Балканах, а также в Малой Азии; 2) использовать черкесов как карательную силу для подавления освободительного движения народов Османской империи; 3) пополнить турецкую армию

¹³ Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права черкесов (адыгов) / Сост.: Ажахов К.М., Ажахов А.К., Думанов Х.М., Кумыков Т.Х., Шапсугов Д.Ю., Шапсугов Д.Ю. Ростов-на-Дону, 2012. Т. 4. С. 559.

¹⁴ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 346.

¹⁵ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 200; Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии, Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2001. С. 25.

¹⁶ Там же.

переселенцами для повышения ее боеспособности и ведения военных действий против России. Во время войны 1877–1878 гг., когда русские войска временно оставили Сухуми, турецкие военные власти насильно выселяли жителей Абхазии в Османскую империю.

Сказались и интриги англичан, которые видели в массе недовольных горцев орудие против России. Британский государственный деятель и дипломат Г. Пальмерстон писал в 1854 г. о необходимости отделения Черкесии, Грузии и Крыма от России. Черкесия, по его мнению, должна была получить независимость или перейти под суверенитет Турции¹⁷.

Таким образом, эмиграция горцев Кавказа в Османскую империю была вызвана не только политикой российских властей. Иначе она не приняла бы такого массового характера и не продолжалась бы так долго, в течение более полувека.

* * *

В истории кавказского мухаджирства выделяют несколько этапов: 1) вторая половина 1850-х гг.; 2) первая половина 1860-х гг.; 3) вторая половина 1860-х – начало 1870-х гг.; 4) 1870-е гг.; 5) 1880-е и начало 1890-х гг.; 6) вторая половина 1890-х – 1920-е гг. От периода к периоду менялись численность эмигрантов, направление миграционных потоков и миграционная политика правительства. Во время войн между Россией и Турцией границы между обеими странами закрывались, и масштабы переселения сокращались. Своего пика мухаджирство достигло между Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войнами.

В 1858–1860 гг., как и в предыдущие десятилетия, эмиграция осуществлялась в скрытой форме, под видом направления отдельных групп горцев в паломничество (хадж) в Мекку и Медину. Массовый характер приняло лишь переселение прикубанских ногайцев, которых в течение 1858–1859 гг. ушло в Турцию до 30 тысяч.

До 1860 г. со стороны России порой даже создавались препятствия для переселения представителей кавказских народов в Турцию, но вскоре политика изменилась. Еще в 1857 г. начальник штаба Кавказской армии генерал Д.А. Милютин предлагал создать колонии-поселения для непокорных горцев на Дону¹⁸. В начале 1860 г. царский наместник на Кавказе А.И. Барятинский убедил Александра II в необходимости при-

¹⁷ Бестужев И.В. Крымская война. М., 1956. С. 17.

¹⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 156.

нятия более радикальных шагов по переселению адыгов (черкесов), продолжавших военное сопротивление, на равнину, на левый берег Кубани, либо в Турцию. В 1860 г. российские дипломаты добились у османского правительства согласия принять первую партию из трех тысяч семей кавказских эмигрантов. Так начался этап массового исхода горцев. Командующий войсками Кубанской области генерал Н.И. Евдокимов, известный своей жесткой позицией по отношению к непокорным народам Кавказа, рассматривал в 1862 г. переселения коренных жителей в Турцию как *«вспомогательное средство покорения западного Кавказа, которая дает возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству»*¹⁹.

Российские власти предприняли ряд организационных и дипломатических шагов. 10 мая 1862 г. вышло постановление Кавказского комитета «О переселении горцев», тогда же была образована Комиссия по делу о переселении горцев в Турцию. Она была уполномочена организовывать переселение горцев Северного Кавказа, выдавать им денежные пособия и вести переговоры с владельцами транспортных судов о перевозке эмигрантов. Российским дипломатам удалось добиться от властей Турции согласия не расселять мухаджиров у южных границ России, в Западной Армении.

Со стороны России не обошлось и без военно-силового давления по отношению к кавказским горцам. По мере того, как все теснее сжималось кольцо российских войск вокруг районов обитания адыгских народностей северо-западного Кавказа, переселенческое движение принимало массовый характер. Оставленные горцами места по указанию властей занимали казачьи станицы. Казаков также переселяли в новые места в принудительном порядке.

Горцы переправлялись в Османскую империю через морские гавани – Анапу, Новороссийск, Сочи, Сухуми, Тамань, Туапсе. Движение к ним затруднялось бездорожьем и отсутствием мостов. Царская администрация первоначально запрещала переселенцам перебираться в Турцию по сухопутным дорогам. Однако ни турецкий, ни российский флоты не могли обеспечить своевременную перевозку массы людей в пределы Турции. Зажиточные горцы со своими семьями и имуществом самостоятельно нанимали корабли и отплывали в Турцию по Черному морю. Те горцы, которые не имели достаточно средств, выходили к морскому берегу в ожидании прихода судов и возможности перебраться на

¹⁹ Кухарук С. Николай Евдокимов // Родина. 1994. № 3/4. С. 64–65.

них в Турцию. Однако никто не позаботился о создании на побережье оборудованных лагерей для временного пребывания беженцев. Без продовольствия, денег и теплой одежды горцы в ожидании прихода судов порой по три-четыре месяца переносили всевозможные лишения на открытом морском берегу.

Сильно затрудняли сообщение между Турцией и кавказским побережьем Черного моря неблагоприятные погодные условия. 1863–1864 гг. ознаменовались суровой зимой, какой на Кавказе не знали с 1810 г. В местах массового скопления неимущих мухаджиров царили холод, голод и инфекционные болезни (тиф, оспа). По этой причине российские судовладельцы нередко уклонялись от перевозки горцев, а турецкие шкиперы в целях наживы набивали корабли переселенцами сверх меры, что вело к высокой смертности среди мухаджиров в пути. Офицер турецкой армии черкес Нури, перенесший тяготы эмиграции, впоследствии вспоминал: «...Нас швыряли, как собак, в парусные лодки; задыхаясь, голодные, оборванные, больные, мы ждали смерть как лучшее для нашей судьбы, ничто не принималось в расчет: ни глубокая старость, ни болезни, ни беременность! Все деньги, которые ассигновало ваше (русское) правительство на поддержку переселенцев, все они уходили куда-то, но куда? Мы их не видели, с нами обращались как со скотом, нас валили на общие койки сотнями, не разбирая, кто здоров, кто болен, и выбрасывали на ближайший турецкий берег. Многие из нас умерли, остальные приткнулись, где попало»²⁰. Не только мертвых, но и больных просто выбрасывали за борт. Часть из переселенцев скончалась в турецких пересыльных лагерях, где отчаявшиеся горцы порой вынуждены были продавать своих детей и жен, чтобы спасти их от голодной смерти.

Согласно донесению начальника Сухумской морской станции от 13 июня 1864 г., остановить панику горцев и задержать их безрассудное бегство при появлении вблизи русских войск не было никакой возможности, и они собирались на берегу моря без всяких продовольственных средств и даже без запасной одежды. Чтобы как-то помочь им, российские власти закупали хлеб и простую бумажную материю. Кроме провианта, самым бедным мухаджирам выдавали денежное пособие в размере от 10 рублей на семью, 2 рубля на человека, а перевозка их в Турцию производилась на казенный счет. К 1865 г. переселение адыгов было почти завершено. Оставалась только часть абадзехов, шапсугов и бжедугов около Новороссийска, для которых там было собрано 20 паровых и парусных судов.

²⁰ Бадерхан Ф. Указ. соч. С. 38–39.

В отличие от северо-западного Кавказа, миграция из центрального и северо-восточного районов Кавказа носила добровольный характер и не являлась столь массовой. Переселение в Турцию в 1865 г. почти пяти тысяч семей осетин и чеченцев во главе с генерал-майором Мусой Кундуховым обошлось российской казне в 130 тыс. рублей серебром. Каждой партии переселенцев, отправившихся из Владикавказа на юг по Военно-грузинской дороге, выдавалось по 150 рублей на обеспечение крова и еды на время пути. Им дозволялось брать с собой скот и движимое имущество. Таких благоприятных условий переселения, к сожалению, не имели адыги-мухаджиры из Северо-Западного Кавказа, чьи потребности не учитывались и не финансировались в должной мере российскими властями.

* * *

Представления о численности черкесских племен оказались значительно заниженными, а масштабы переселения горцев неожиданными для властей как Османской, так и Российской империй. Провести их более или менее цивилизованно помешала также поспешность. Обещая горцам лучшую жизнь среди единоверцев на чужбине, турецкие эмиссары призывали их к эмиграции, хотя Османская империя оказалась не готовой принять массовый поток беженцев. Денежные средства, отпускавшиеся на нужды мухаджиров, разворовывались чиновниками. Приходилось прибегать к помощи частных благотворителей, но ее также не хватало для распределения среди массы переселенцев. На малоазиатском побережье Турции, куда прибывали корабли с переселенцами, в Самсуне, Синопе, Трапезунде и других местах турецкими властями были созданы специальные карантинные лагеря. Однако зачастую в них отсутствовали элементарные условия для жизни, питания и лечения людей. После пребывания в карантинных лагерях часть горцев-переселенцев переправляли через Стамбул и Варну на Балканы, а остальных – во внутренние азиатские вилайеты Османской империи. Турецкие власти выделяли переселенцам такие места, которые по своим климатическим и другим условиям оказывались для них губительными. Например, в Карсском вилайете им отвели почти непригодную для жизни каменистую местность без леса и воды. *Таким образом, большая часть горцев-переселенцев была брошена на произвол судьбы на территории Османской империи. Официальные же сообщения османских властей гласили, что горцам раздали безвозмездно земли, скот, пахотные орудия, выстроили для них дома.*

Не раз на протяжении 1860–1870-х гг. депутации мухаджиров, разочаровавшихся в «турецком рае», обращались к российским властям с просьбами разрешить им вернуться на родину либо поселиться в других областях России. На одно из таких прошений Александр II наложил резолюцию: «О возвращении и речи быть не может». Такая жесткая позиция объяснялась государственными интересами Российской империи. 3 апреля 1865 г. русским консулам в Османской империи было направлено распоряжение, категорически запрещающее реэмиграцию горцев. В этом вопросе позиции России и Турции совпадали. Лишь небольшим группам переселенцам удалось самовольно возвратиться на Кавказ.

Ответственность за плохую организацию перемещения горцев Кавказа в Османскую империю несут власти как России, так и Турции. Трагические события, связанные с переселениями горцев с Северо-Западного Кавказа в первой половине 1860-х гг., засвидетельствованы многими российскими, европейскими, турецкими очевидцами. «...*Переплыв в зимнее время Черное море, – писал российский консул в Трапезунде А.Н. Мошнин, – изнуренные морской болезнью, холодом и голодом, они (горцы) не встречают здесь тех забот, какие бы должны быть им оказаны местными здешними властями. Вместо того, чтобы разместить их в хорошем загородном месте, помещают в дырявых палатках, на главной площади, где они буквально тонут в грязи. Отсюда и та ужасная болезнь, зарытие трупов совершается с такой страшной небрежностью, что во всяком другом государстве местные власти были бы уличены в уголовном преступлении...*»²¹.

Российские власти в первые два десятилетия после окончания Кавказской войны не препятствовали исходу горцев, рассчитывая на отъезд потенциальных бунтовщиков. Ожидалось, что желание покинуть Кавказ выскажет небольшая, наиболее беспокойная часть его жителей. Но оказалось, что переселение приобрело непредвиденно огромные размеры. Наряду с легальной эмиграцией, существовали также нелегальные потоки мухаджиров, не учитывавшиеся ни российской, ни турецкой статистикой. По разным подсчетам, в различные области Османской империи (Малую Азию, на Ближний Восток и Балканы) переселилось от 450 тыс. до 1,5 млн. уроженцев Северного Кавказа²². На некоторое время западная часть края практически обезлюдела. Поэтому царская администра-

²¹ Берже А.П. Указ. соч. С. 344.

²² Там же. С. 163, 176; Кумыков Т.Х. К вопросу о переселении адыгов в Турцию // Ученые записки Кабардино-Балкарского госуниверситета. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 12; Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и культурного развития. М., 2007. С. 36.

ция стала прибегать к различным экономическим, административным и пропагандистским шагам, чтобы остановить переселенческий поток. Проанализировав положительные и отрицательные последствия переселений, и Россия, и Турция с 1890-х гг. приступили к изменению своей политики в данном направлении. В 1889 г. было намечено переселить из Кубанской области в Османскую империю 24 тыс. черкесов, ранее переведенных на Кубань, но стремившихся уехать для воссоединения со своими родственниками. Выехать тогда смогли лишь около 10 тыс. человек, т.к. турецкие власти находили разные предлоги, чтобы приостановить это переселение.

Массовая эмиграция, высокий уровень смертности во время переселения в российских и турецких пересыльных лагерях – это, несомненно, огромная трагедия в истории адыгского народа. *Однако царское правительство вовсе не ставило целью истребить адыгов (черкесов). Главной задачей его политики на Кавказе было обезопасить Черноморское побережье, утвердиться на новых границах империи.* Хорошо известно, что множество представителей адыгских народов (особенно кабардинцев) приняли сторону России, получали образование, становились офицерами и чиновниками. Немало мухаджиров впоследствии пожелало вернуться на родину, но российские власти ограничивали это обратное переселение из опасения дестабилизации обстановки в регионе и проникновения иностранной агентуры. Оставшиеся на Кавказе народы, проживающие и сегодня в составе России, смогли сохранить свою религию, самобытность, язык, культуру.

* * *

Действия российской стороны, повлекшие за собой мухаджирство, ни в коей мере не могут расцениваться как геноцид в его юридическом понимании, т.е. (в соответствии с конвенцией ООН 1948 г.) как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», поскольку целью указанных акций было не истребление населения, а приведение его к покорности путем организации полупринудительных переселений. У российских властей не было и не могло быть намерения истребить кавказские народы. К тому же представляется неправомерным применять современные юридические нормы и дефиниции по отношению к событиям XIX в.

Сегодня потомки кавказских горцев-переселенцев проживают в Египте, Иордании, на Кипре, в Ливане, Сирии, Турции и других странах. Многие из них подверглись на чужбине, ставшей для них новой родиной, ассимиляции, утратили в большинстве своем родной язык и культурно-бытовые традиции (кстати, те из представителей адыгских народов, кто остался в пределах России, все это сохранили). Тем не менее, историческая память о мухаджирстве жива как в черкесской диаспоре за рубежом, так и на Западном Кавказе. Она активно используется в политических целях теми, кто заинтересован в ослаблении России, в разжигании межнациональной и межконфессиональной розни в Кавказском регионе. В настоящее время переселения горцев XIX в. преподносятся активистами некоторых адыгских движений как акт геноцида против черкесского народа. В 1991 г. адыгскими активистами был обнародован проект «Великой Черкесии», которая включала бы Краснодарский край, Адыгею, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию и Абхазию. Одновременно ведется пропаганда создания единого территориального образования черкесов-адыгов. Шапсугская общественная организация «Хасэ» выдвинула лозунг создания Шапсугского национально-территориального района, включающего города Сочи и Туапсе, куда могли бы вернуться из-за границы этнические адыги. Особенно обострился «черкесский вопрос» в связи с Олимпиадой 2014 г. в Сочи. Нагнетая антироссийские настроения, грузинские власти взяли на себя роль главных защитников интересов адыгских народов. 20 мая 2011 г. парламент Грузии принял резолюцию о признании геноцида черкесов Российской империей в Кавказской войне.

Призывы безответственных политиков-популистов, вмешивающихся во внутренние дела Российской Федерации, восстановить «историческую справедливость» по отношению к потомкам мухаджиров осуществить невозможно. Во-первых, многие из потомков кавказских переселенцев укоренились на Ближнем Востоке, социально и культурно интегрировались в местные сообщества, утратили родной язык и не горят желанием возвратиться на родину предков. Во-вторых, этнодемографическая и социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе слишком сильно изменилась за прошедшие полтора столетия. Любая попытка резко нарушить ее путем организации массовых переселений, а также пересмотра административно-территориальных границ и земельно-имущественных отношений может повлечь за собой новый конфликт с тяжелыми последствиями.

Список литературы:

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1987. Л. 1–2; Д. 1955. Л. 1–1 об., 17–17 об.; Оп. 2. Д. 97. Л. 2–2 об.; Д. 1929. Л. 94–95 об., 103.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 504. Л. 70–70 об., 71–115 об., 120, 121–128 об.; Оп. 3. Д. 534. Л. 1–2 об.
3. Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права черкесов (адыгов) / Сост.: Ажахов К.М., Ажахов А.К., Думанов Х.М., Кумыков Т.Х., Шапсугов Д.Ю., Шапсугов Д.Ю. Ростов-на-Дону, 2012. Т. 4.
4. *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии, Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2001.
5. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33.
6. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик, 2012.
7. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе. История и современность. М., 2001.
8. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
9. Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы. Материалы круглого стола. М., 2014.
10. *Озова Ф.А.* Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск – Черкесск, 2013.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Тишков

О РУССКИХ (ВВЕДЕНИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА «РУССКИЕ» В СЕРИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»)

***Аннотация:** В статье анализируются истоки формирования и основные факторы эволюции русского народа как этнической общности.*

***Ключевые слова:** русские, Россия, национальная идентичность.*

***Summary:** In article roots of forming and basic factors of evolution of Russians as ethnic group are analyzed.*

***Key words:** Russians, Russia, national identity.*

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Прошло 20 лет после издания Институтом этнологии и антропологии РАН тома «Русские», который положил начало уже ставшей знаменитой серии историко-этнографических трудов «Народы и культуры». 25 вышедших томов посвящены народам России, а также народам бывшего СССР, ибо серия задумывалась и подготовка к ней велась еще до распада Союза. С момента выхода первого тома был накоплен новый научный материал по истории и этнографии русского народа. Кроме того, сама книга стала большой библиографической редкостью, а спрос на такой труд в нашей стране поистине неисчерпаем, ибо речь идет о самом крупном народе нашей Родины, культура и язык которого являются доминирующими, а сами русские, по словам Президента В.В. Путина, – это в России «государствообразующий народ по факту самой истории», т.е. их вклад в создание и существование российского государства является определяющим.

В мире не так много народов, численность которых превышает сто миллионов человек. В эту категорию входят как этнические общности, т.е. народы одной культуры и языка (ханьцы, бенгальцы, русские, японцы и др.), так и многоэтничные и разноязыкие сообщества по государству (американцы, бразильцы, британцы, индонезийцы и др.). Все они общим числом около 40 проживают на разных континентах, как правило, в крупных государствах, имеют свои отличительные языки, культуру, традиции. Именно к таким народам относится и самый крупный народ Российской Федерации – русские. Из кого состоит этот один из самых известных в мире народов, или точнее, кого можно отнести к русским и что можно сказать о культуре и месте русских в мире, предваряя почти 1000-страничный труд большого коллектива коллег-этнологов?

О русском самосознании (идентичности)

Этот вопрос вызывает споры не только среди обычных людей, но и ученых и политиков, ибо не существует четкого перечня признаков, по которым можно определить русского, а тем более установить это по биологическим данным (например, выявить «геном русского» как некую обобщенную формулу) не представляется возможным. Тем не менее, есть общие и существенные черты, которые свойственны русскому человеку, выделяют его среди других людей в России и в остальном мире. Это прежде всего русский язык, хотя в России и в ряде других

стран бывшего СССР русский является родным языком для десятков миллионов нерусских граждан. Для верующего человека это, конечно, принадлежность к русской православной вере в ее разных толках. Но православными являются и представители многих других российских национальностей, а среди русских есть католики и протестанты. Это связь с Россией как своей Родиной и с русскоязычной культурой, хотя эту связь ощущают все россияне и для подавляющего большинства русскоязычная культура – это их основная среда и внутренний мир.

Но тогда что значит быть русским? По всем принятым в науке критериям главное – это самосознание или, как теперь говорят, идентичность, т.е. русский – это тот, кто ощущает себя русским и, как говорил академик П.Б. Струве, «тот, кто участвует в культуре». Конечно, на внутреннюю идентичность оказывают влияние внешние предписывающие факторы (физический облик человека – фенотип, звучание фамилии, нормы поведения и т.д.), но не они являются определяющими. А.С. Пушкин явно не вышел бы внешним обликом по «русскому стандарту», но едва ли можно найти более русского человека, чем гений русской поэзии. Предки Н.М. Карамзина родились не в самом сердце России, о чем говорит и звучание его фамилии, но именно он стал одним из летописцев российской истории. Ряд таких «несоответствий» в пантеоне известных русских людей, включая царские фамилии, знаменитых полководцев и духовных лидеров, можно продолжать долго.

В исторической перспективе имеет значение и меняющееся содержание понятия «русский». Слово «Русь» в смысле людей или народа, скорее всего, по мнению В.Я. Петрухина и Е.А. Мельниковой, скандинавского происхождения¹.

Оно означало с конца IX в. землю и живших на ней людей, единого восточнославянского народа (древнерусской народности). Однако есть авторитетные мнения, что «имя “Росия”» имеет греческое происхождение и главным его значением было название Русской митрополии, основанной в конце X века². В любом случае есть веские основания говорить, что в X в. сложилась общность – древнерусская народность – с общей материальной культурой и письменностью на основе разработанного Кириллом и Мефодием алфавита, а также с общей госу-

¹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX – XI вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012. С. 28, 29.

² Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 16.

дарственностью, которую олицетворяло княжеское правление выходцев из Скандинавии Рюриковичей³. В конце X в. Русь обрела дополнительное единство с принятием христианства в восточном (православном) варианте. Как отмечает Ю.А. Петров, «события, описанные «Повестью временных лет» под 862 г., для всех восточнославянских государств являются равно началом общей – древнерусской – государственности⁴.

Русская земля существовала как государственное объединение и как предмет общей судьбы и защиты в период феодальной раздробленности и во времена ордынского нашествия. Веками все три восточнославянских народа называли себя русскими, а когда возникла Российская империя – все, кто родился на ее территории и принял православие, считались русскими. Вот почему в дореволюционных изданиях про традиции, обычаи и обряды русского народа присутствуют разделы о черемисской свадьбе, татарском сабантуе и т.д.⁵

В начале XX в. (особенно после первой советской переписи населения 1926 г.) к категории русских были отнесены исключительно великороссы, так что объединяющее самоназвание *русские* как бы сошло с исторической арены. Зато более определенными, а с 1991 г. и связанными с суверенными государственными образованиями стали украинская (бывшая малоросская) и белорусская идентичности.

Вот уже почти сто лет жители нашей страны и других государств определяют свою принадлежность к русским главным образом по самосознанию и по своей приверженности России и русской культуре. Правда, в последнее 20-летие в условиях роста интереса к историческим корням и более свободного выбора (иногда с религиозной спецификой) у русских проявились так называемые субэтнические идентичности, связанные с историко-культурной традицией, локально-региональными отличиями⁶. Эти возрожденные или заново конструируемые коллективные идентичности среди русских не носят взаимоисключающего характера и, назвавшийся казаком, помором или сибиряком, не перестает быть русским, если только он демонстративно не отвергает свою русскую при-

³ См.: *Петрухин В.Я.* Русь в IX – XI веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013; *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование М., 1999.

⁴ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2012. С. 5.

⁵ *Забылин М.* (Сост.). Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия, поэзия. М., 1880.

⁶ Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2007.

надлежность. На принципах самоопределения построена современная этнодемография, включая переписные процедуры.

По этим и другим данным можно определить численность русских на разных исторических этапах. Для дореволюционной эпохи эту численность установить более сложно, поскольку до 1920-х гг. в переписных процедурах не существовало категории «национальность» в смысле этнической принадлежности. Ученые восстановили примерную численность русских по данным о вероисповедании и родном языке⁷. Советские и постсоветские переписи дают более точную статистику: в советское время граждан обучили смыслу слова «национальность», и этнический состав, включая численность русских, определялся довольно точно, а также их пространственное расселение и социально-культурные параметры⁸.

Сегодня главная проблема с российской переписью населения заключается в точности и полноте охвата опрошенных (хотя в 2010 г. получение данных о национальности оказалось все же серьезной трудностью), а также в признании за россиянами права на множественную этническую идентичность. В этом случае существующая напряженность – кто ты – русский, казак или помор – должна будет сойти на нет. Пока же по результатам переписного опроса и общественного лоббирования государство и ученые квалифицируют подгруппы внутри русского народа (казаки, поморы), хотя некоторые активисты претендуют на статус отдельных народов, не обладая для того какими-либо значимыми культурными отличиями. Иногда за этим стоит память о существовавшем в прошлом сословии (казаки), об особом хозяйственно-культурном типе (поморы), а иногда обычная мобилизационная агитация в пользу мифологической группы или сошедшего с исторической арены группового, регионального, социального самоназвания (например, «чужь белоглазая»). И все же русская идентичность ярко и уверенно осознается подавляющим большинством ее носителей, но в силу большого историко-регионального разнообразия и активного участия русских в межэтнических контактах, включая и брачные связи, имеет собственную динамику развития.

⁷ Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917 гг.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 9–25; Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. LXXVII. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 34–41; Миронов Б.Н. Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010.

⁸ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; Русские. Этносоциологические очерки. Под ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1992; Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860 – 1940. М., 2009.

Этнодемография и Русский мир

По результатам всеобщей переписи населения в РФ в 2010 г. учтено 111 млн. русских. По сравнению с 1989 г. (последней советской переписью населения), это почти на 9 млн. меньше, но с учетом 5,6 млн. россиян, переписанных в 2010 г. без указания национальности (по административным данным без прямого посещения), из которых около 80% – это обязательно русские, сокращение числа русских в России будет не столь значительным (около 5 млн. человек). Весной 2014 г. вхождение Республики Крым и Севастополя в состав РФ добавило 1,5 млн. русского населения, и доля русских в составе населения России вновь составила 81,6% (в 1989 г. было 81,5%).

Таким образом, современная численность русских в России – около 117,5 млн. человек, что почти равно их численности в РСФСР в начале 1990-х гг., накануне распада страны. В этой связи важно отметить, что выстроенные по данным начала 1990-х гг. долгосрочные демографические прогнозы о неизбежном вымирании русских, а вместе с ними всей России либо их замещении жителями других национальностей – ничто иное, как политизированная мифология, рисующая образ разрушения страны, гибельную перспективу ее основного народа. Для поддержки семейной политики и деторождения это, возможно, полезно, для морально-психологического климата и для адекватности оценок – вредно.

Русские как этническая общность, несмотря на трудные природные и социальные условия, на огромные жертвы, понесенные в войнах и от репрессивных режимов, во все исторические эпохи приумножали свою численность и всегда составляли самое многочисленное российское «племя». Тем не менее в период поздней Российской империи русские (великороссы) составляли менее половины населения страны, а в СССР – немногим более 50%. После 1991 г. русские составили подавляющее большинство, и такая ситуация может сохраняться исторически долго, при условии поддержания благоприятного уровня естественного прироста, поощрения добровольной ассимиляции в пользу русских и иммиграции русскоязычного населения в Россию. Русская идентичность остается наиболее притягательной и близкой с точки зрения культурной ориентации для многих представителей других российских национальностей⁹. При низком, а порой и отрицательном естественном росте,

⁹ Арутюнян Ю.В. и др. Русские. Этносоциологические исследования. М., 2011; Тишков В.А. Русский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

русский народ пополняет свои ряды за счет добровольной культурно-языковой ассимиляции, которая обычно завершается и сменой самосознания. Больше всего в русские переходят российские украинцы и белорусы, а также представители финно-угорских народов, издавна пребывающие в составе российского государства и обращенные в православие. В целом, в XX в. русские как народ пережили период демографической модернизации, перейдя к новому типу нуклеарной, преимущественно городской семьи, малой детности, новым межпоколенческим отношениям и семейно-родственным связям¹⁰.

Еще одна отличительная черта русского народа – его готовность и способность к освоению новых территорий, привыкание к разным природным условиям и неблагоприятным природным средам, а также к техногенным и социальным трансформациям, т.е. доказанная долгой историей способность к адаптации¹¹. Русские подтвердили это не только освоением грандиозного по размерам евразийского пространства. Немалую роль сыграли и заимствования опыта аборигенного населения, выработка уникальных систем хозяйственного жизнеобеспечения, основанного на модернизации традиционных укладов и образа жизни российских народов, проживавших за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, Средней Азии, на Крайнем Севере. Именно великорусские первопроходцы и поселенцы, включая малороссов, распространили ценности и достижения христианской цивилизации в самые отдаленные регионы Российской империи, фактически донесли до берегов Тихого океана европейскую правовую норму.

С начала XX в., в силу разных обстоятельств, но главным образом по причине социально-политических катаклизмов, Россию покинули миллионы ее жителей, среди которых этнические русские составили отнюдь не большинство¹². Однако среди примерно 2 млн. эмигрантов эпохи Революции и Гражданской войны самой заметной категорией были представители русского офицерства, деятели науки и культуры: это был настоящий исход цвета русской нации¹³. За рубежами России образо-

¹⁰ *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.

¹¹ Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Под ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишкова. М., 2010; Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. Под ред. В.П. Захарова. М., 2012.

¹² *Нитобург Э.Л.* Русские в США: история и судьбы, 1870–1970. М., 2005.

¹³ Русский исход. Под ред. Е.М. Мироновой. СПб., 2004.

вался так называемый Русский мир – условное сообщество русских по самосознанию людей, выходцев из России, ощущавших свою связь с исторической родиной, ее языком и культурой. Этот мир нашел себя в странах Европы и Америки¹⁴, захватил Турцию, Китай и даже Австралию¹⁵. Он пополнялся волнами эмигрантов и перемещенных лиц в годы Второй мировой войны, а затем – диссидентами и интеллектуальной эмиграцией¹⁶.

С точки зрения глобальной политической географии, русские оказались не только народом с большим пространством расселения, но и одним из народов, в большой степени разделенным границами разных государств. В 1991 г. возникло так называемое новое или ближнее зарубежье, в котором проживают русские, от которых «уехали» границы их собственной страны. В момент распада СССР их было около 25 млн. чел.¹⁷ Распад СССР – крупнейший геополитический катаклизм в истории русского народа – был усугублен радикальной сменой правового статуса русских, переменами в общественно-политическом климате новых стран, в которых русофобия и дистанцирование от России стали одними из принципов нового национального строительства¹⁸. Приниженный статус русского языка, дискриминация в вопросах доступа к ресурсам и власти, правовые ограничения, сужение образовательных и информационных возможностей, иногда даже угрозы жизни и имуществу – все это пришлось пережить тем, кого в России стали называть *зарубежными соотечественниками* и по отношению к кому на их «исторической родине» выстраивалась хотя и не всегда последовательная и щедрая политика поддержки и скромных преференций.

За последнюю четверть века из бывшей советской этнической «периферии» в собственно Россию переехало около 8 млн. русских. Приезжали, главным образом, из союзных республик, а ныне стран Центральной

¹⁴ Комарова Г.А. Русский Бостон. М., 2002; Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970. М., 2005..

¹⁵ Каневская Г.И. История русской иммиграции в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб, 2008.

¹⁶ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

¹⁷ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001; Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013; Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Cornell U. Press, 1998.

¹⁸ Хоперская Л.Л. Нетитульная судьба. Российские соотечественники в Центральной Азии. М., 2013.

Азии, Южного Кавказа, Молдовы и Украины. Это стало одним из крупнейших пространственных перемещений русского народа в его истории. Если к этому добавить довольно значительное число русских, мигрировавших в центральные регионы России с Дальнего Востока и Севера, из республик Северного Кавказа, то можно говорить о своего рода историческом повороте: русская пространственная экспансия сменилась «собираанием», концентрацией русского населения в исторических русских землях первоначального освоения. Этот процесс был бы еще более очевиден, если бы «возвратная миграция» не сопровождалась эмиграцией в страны Запада части наиболее квалифицированных кадров и учащейся молодежи из Москвы, Санкт-Петербурга, крупных городов. Эта новая эмиграция в форме «утечки мозгов», во имя жизненного преуспевания была достаточно ощутимой, хотя по численности она не стала масштабной (постоянно остались жить на Западе не более 1 млн. чел.).

После распада СССР мир русского влияния, включая тех, кто говорил за рубежом по-русски, существенно изменился. Помимо уехавших в Россию, в украинцы перешли не менее 2 млн. русских жителей Украины. Число русских в этой стране уменьшилось с 9 до 6 млн. Вхождение Крыма в состав России и вынужденная эмиграция русских из юго-восточного региона сделали русскую общину в этой стране еще меньше. В Казахстане и в странах Центральной Азии русских наполовину меньше, чем было до 1991 г.¹⁹

Еще драматичнее ситуация в странах Южного Кавказа. Разгул местных титульных национализмов и вооруженные конфликты еще в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. вытолкнули из Грузии и Азербайджана множество русских; в Армении их и до распада СССР было незначительное меньшинство – около 2%²⁰.

Выдавливают русских и из стран Балтии, но массового отъезда не наблюдается, а существует сложный процесс интеграции, включая элементы культурно-языковой ассимиляции или формирования сложной «балтославянской» идентичности.

В последнюю четверть века очевидно выросло русское население в странах западной Европы, в США и Канаде. Особенно много русских эмигрантов осело в крупнейших западных мегаполисах (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Берлин, Прага) и в таких местах сосредоточения техни-

¹⁹ Хоперская Л.Л. Нетитульная судьба. Российские соотечественники в Центральной Азии. М., 2013.

²⁰ Лащенкова Е.А. Политико-правовое положение русских в Армении // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 46–56.

ческой интеллигенции, как Силиконовая долина в США. Несколько сот тысяч русских ныне имеют собственность и проживают постоянно или часть времени в Черногории, Болгарии, Чехии, Франции. В последние два десятилетия продолжается рост числа русских эмигрантов (главным образом, выходцев с Дальнего Востока) в Китае. В целом число русских за пределами России можно оценить примерно в 20 млн. чел. Трудно предугадать будущее русского зарубежья, но ясно одно, что оно – важнейший связующий мост с ключевыми странами и регионами мира, ресурс для развития России и ее влияния в мире.

Социальная структура и политическая антропология

С древнейших времен русские были народом политическим в смысле организации своей социальной структуры на основе политики – протогосударственных, раннегосударственных и современных государственных образований. Возможно, таковыми были все многочисленные и культурно-гомогенные народы, которые имели общий язык, раннюю письменность, создали династическую власть и приняли какую-либо из мировых религий. Русские точно попадают под это определение, поскольку создали в симбиозе с другими славянами, финно-уграми и частью скандинавов (речь о княжеской верхушке скандинавского происхождения) «созвездие» княжеств под общей династической фамилией Рюриковичей²¹. Приняв более 1150 лет тому назад от Византии христианство, общие предки русских, украинцев и белорусов сохранили свою веру, хотя со временем она и распалась на разные течения и административные подчинения. Вот отчего и поныне во многих случаях *русский* означает *православный*. Обрусевшая династия в лице княжеских сановников и их дружин вместе с церковными иерархами олицетворяла русскую власть на протяжении нескольких веков, свой отпечаток на нее наложили двухвековая политическая и данническая зависимость от ордынцев с их государственно-правовыми и военными устоями. Русский народ в XIII–XV вв. был ограничен в своем суверенитете, социально разделен, ущемлен в правах и проявлении инициативы, но в его среде сохранялись культурно-языковые и религиозные устои, которые воплотились в такие героические фигуры русского сопротивления, как Дмитрий Донской и Сергей Радонежский. Следует заметить, что тогдашняя Европа, хотя и

²¹ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2012.

имела уже благодаря Гуттенбергу печатную Библию с более широким хождением, нежели древнерусские берестяные грамоты, но она оставалась регионом жестокости, мракобесия и междоусобных дразг, ломавших людские судьбы не меньше, чем на Руси во времена «феодальной раздробленности».

Русская монархическая власть как власть централизованная и олигархическая оформилась при Романовых и оставалась таковой вплоть до ее свержения в феврале 1917 г. Она достойно служила интересам России, особенно ее привилегированным сословиям, хотя и была полуиностранного происхождения и незаслуженно обойдена вниманием историков из-за своего бесславного конца. Он наступил по причине патологического консерватизма, боязни перемен, поощрения ксенофобии в стране с огромной этнической периферией²². При этом следует отметить, что в Российской империи после реформ середины XIX в. в русском обществе имели место развитие местного самоуправления, предпринимательства, массового образования и выдающиеся культурные достижения, сделавшие мировую славу русской культуре (литературе, музыке, живописи). Однако именно русская интеллигенция стала одной из основных сил радикальных революционных перемен в стране в начале XX в.²³

Радикалы в лице партий эсеров и большевиков свергли Романовых и, воодушевленные идей революционных ломок, осуществили громадный социальный эксперимент, круто изменив все сферы жизни – от экономики до идеологии. Эти события затронули русский народ не меньше, а пожалуй, больше других народов империи, и это воздействие было разрушительным. Само слово «Россия», с которым связано слово «русский», ушло из названия страны, вызвав определенный шок среди думающих об отчизне²⁴. Русский народ был объявлен «угнетающей нацией» по отношению к «ранее угнетенным нациям» и тем самым должен был взять на себя миссию ликвидации бывшего гнета и отсталости. Политика *коренизации* первых лет Советской власти выдавливала этнических русских (тогдашних великороссов) из сфер власти, управления, образования в пользу кадров из числа национальных меньшинств²⁵. Жестоким гоне-

²² Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; *Каррер д'Анкосс*. Романовы. М., 2013; *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014.

²³ Вехи; Интеллигенция в России: Сб. статей 1909–1910. М., 1991.

²⁴ *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

²⁵ *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920–1980. М., 2010; *Красовицкая Т.Ю.* Мо-

ниям и унижениям подверглась такая опора русского самосознания, как православная вера: были разрушены тысячи храмов, репрессированы священнослужители, воинствующий атеизм стал частью официальной идеологии²⁶.

Политика и власть «простерли совиные крыла» над русской повседневностью: частная экономика (кроме подворья с коровой и огородов) осталась в прошлом, крестьяне оказались в подчинении у колхозного начальства и без права передвижения, русские горожане, наравне с другими национальностями, были насильно рекрутированы в плановую и неэффективную экономику. Некоторой отдушиной для выживания русских как народа было положение советской интеллигенции, добивавшейся, кстати, выдающихся результатов в образовании, культуре и науке, но и больше всех пострадавшей от политических репрессий эпохи сталинизма.

Важнейшим элементом политической антропологии русских было осуществляемое по отношению к ним насилие со стороны государства. Сначала из страны был изгнан или физически уничтожен ее «образованный класс», уничтожено влиятельное сословие казачества с традицией самоуправления и отличительной культурной традицией. Прямое и косвенное насилие пронизывало советское общество на протяжении всей его истории. Советские традиции жесткой регламентации, низкой ценности человеческой жизни, нормы правовой и бытовой культуры сохранились частично и сегодня, после распада СССР, когда формируется новое российское общество.

Трудно уходят из жизни установки бездумного коллективизма (напоминающего русскую общинную взаимозависимость и взаимопокорность), слабого частного интереса к обустройству своей семьи, карьеры и собственного здоровья. Эти новые тенденции только формируются среди образованной городской молодежи и растущего среднего класса. При всем при этом в русском человеке остаются сильными коллективистское и одновременно политическое начала. Это объясняется длительной зависимостью жизни и судьбы от власти и государства, про-

дернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2009; *Мартин Т.* Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Пер. с англ. М., 2011; *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина.* Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. Пер. с англ. М., 2011.

²⁶ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995; *Логинов А.В.* Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.

должительным проживанием в сложной природной и социальной среде, высоким уровнем образования, традицией участия в молодежных и взрослых общественно-политических организациях и кампаниях.

Социальная организация и русская повседневность

Социальные структуры русского общества были достаточно типичными для каждой из исторических эпох, но были и некоторые особенности. Как и во всем христианском мире, основой социальной организации русских была семья (сначала многопоколенная, расширенная, затем – обычная парная, а ныне часто и неполная семья). У русских есть свои богатые семейные традиции, обряды жизненного цикла от рождения до похорон, особенности взаимоотношений детей и родителей, а также родственных связей. Все это менялось во времени, но что-то сохраняется достаточно устойчиво, в том числе и на уровне местно-региональной специфики²⁷.

Не менее интересны и важны аспекты социальной организации за пределами семейно-родственного круга. Длительное время, вплоть до отмены в 1917 г., в России были официально признанные сословия граждан, до второй половины XIX в. значительная часть крестьянства была в системе крепостного права, до XX в. на селе существовала община, определявшая хозяйственные и правовые нормы жизни подавляющего большинства русских в Российской империи. Исключениями были северные и южные окраины, где русские селились или как свободные охотники и рыболовы, или как служилое сословие с полувоенной системой организации жизни. Свои особенности имела социальная организация русских в малолюдной Сибири, где было много ссыльных и их потомков, а также старообрядческих поселений²⁸. Только в конце XIX – начале XX вв. общинная Россия стала превращаться в государство с земским самоуправлением, а после 1905 г. – с появлением политических партий, обществ, товариществ и добровольных ассоциаций – в монархию западного типа.

Всепроникающим компонентом социальной организации русских в имперский период был религиозный приход и храм как символ жизнен-

²⁷ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII веке. М., 2012.

²⁸ Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. Под ред. В.П. Захарова. М., 2012.

ности местного сообщества, как центр общения. Большие храмы (соборы) и кремлевские сооружения означали ключевой компонент социальной группировки более обширных сообществ: района, города, епархии, страны. В позднимперский период возросла значимость светских учебных заведений (школ и университетов)²⁹, нарождающейся деловой элиты в лице русского купечества со своим особым укладом и ценностями.

В советский период сословная социальная структура была радикально разрушена, зато возникла обладавшая реальной властью *номенклатура* – чиновничье-партийная прослойка и высший управленческий и военный персонал, который можно назвать новым советским сословием. Этнические русские занимали в нем в эпоху позднего СССР доминирующие позиции, хотя на более ранних этапах советского правления на этих позициях были внушительно представлены нерусские национальности, особенно выходцы с Кавказа и Прибалтики.

Поскольку образование, наука и культура имели в СССР витринное значение, постольку слой людей, занятых интеллектуальной работой, был сравнительно широк, а когда речь шла об обласканной властью элите, то и весьма уважаем. Русский язык доминировал в профессиональной культуре, эта часть ее наименее пострадала от ущербного экономического и политического строя. Неслучайно ностальгия по советской культуре охватила и современное российское общество, когда рыночные подходы, упор на развлекательность и формальную информированность в искусстве и образовании, господствующие в современном обществе, серьезно потеснили идеологический норматив и проверенную классику.

Мировые достижения русской культуры десятилетиями сосуществовали с более чем скромной советской повседневностью, с ужасными жилищными условиями, особенно в русской деревне и в малых городах центральной России, хроническим дефицитом товаров, включая продукты питания, с низким уровнем медицинского обслуживания и убогим коммунальным бытом горожан³⁰. Постсоветский период быстро изменил русскую повседневность: человек стал хозяином своего времени и статуса, для миллионов русских открылись возможности к личному предпринимательству, улучшению условий жизни своей семьи. Стремительно менялись представления о жилом пространстве в пользу про-

²⁹ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010; Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861 – 1914. Berkeley, 1990.

³⁰ Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2004.

сторного, многокомнатного частного дома, будь это дом в родительском селе или в дачном поселке.

За четверть века многие русские семьи в крупных городах воплотили желание иметь собственные дачи, редкостью стало проживание русских в коммунальных квартирах. На наших глазах идет процесс «всеобщей автомобилизации» (в середине 2000-х гг. на 45 млн. семей пришлось свыше 30 млн. автомобилей), что изменило образ жизни русских, их пространственную и даже социальную мобильность, связь город–село, схемы отдыха. Переменились пищевые привычки и сама пища русских; горожане стали чаще есть вне дома: только в одной Москве открылось более 5 тыс. новых ресторанов. Но куда же подевалась русская этнография? В ней произошли огромные позитивные перемены.

Духовно-нравственные ценности русских

Среди широких слоев современного русского населения появился мощный запрос не только на материальные блага, но и на поиск духовных начал жизни, знание истории страны, края, собственной семьи, на так называемую этнику, суть которой в возрождении и использовании фольклора, обрядов, традиционных предметов быта, элементов костюма, декоративно-прикладного искусства. Но самая значимая трансформация связана с возвращением и утверждением православной религии и ее институтов. В России после 1991 г. было построено 30 тыс. новых храмов, восстановлено около 300 монастырей, открылись десятки духовных учебных заведений разного уровня, родилась целая индустрия иконописания и росписи, производства религиозной утвари, сувениров, печатной продукции³¹. Вновь подавляющее большинство русских отмечают религиозные праздники – Пасху, Рождество, Крещение, сотни тысяч православных совершают паломнические поездки, участвуют в акциях социально-благотворительного плана. Регулярно проходят конгрессы Всемирного русского народного православного собора, присуждается ежегодная премия архиепископа Макария, издается фундаментальная православная энциклопедия, большой популярностью пользуются православные телевизионные каналы и передачи, а также периодические издания. Институт этнологии и антропологии РАН проводит регулярные

³¹ Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М., 2009.

чтения памяти Серафима Саровского³², продолжается издание научных трудов по истории церкви и роли православия в жизни русского народа. Это, безусловно, новый поворот в религиозной ситуации русских.

В последние годы в российском обществе наметился раскол по части оценки постсоветских трансформаций, тех ценностей, которые принесли с собой рыночная экономика и процессы политико-культурной и религиозной интеграции и унификации. Русские культура и идентичность и исследующая их этнография подвергаются многим и разным внешним и внутренним воздействиям. Но, несмотря на это, и вопреки всему некоторые институты и ценности сохраняются и поныне. Среди них христианство в его византийской православной традиции, язык на основе созданной Кириллом и Мефодием азбуки, богатый фольклор и народная мифология, уникальный опыт обустройства большого государства со сложным по этническому и религиозному составу населением, рано оформившееся представление об отчизне и Родине-матери России³³.

Одним из важных условий сохранения исторической памяти и преемственности культурных традиций остается научное знание, которое собирают, хранят и объясняют ученые – историки и этнологи, культурологи и языковеды. Многие из них внесли выдающийся вклад; одни из них уже ушли от нас (Рыбаков, Лихачев, Чистов, Витов, Седов, Кабузан, Козлов, Власова, Александров, Рабинович), другие здравствуют поныне. Следует отметить труды известных зарубежных русистов, особенно западноевропейскую и североамериканскую научные школы (Биллингтон, Пайпс, Фицпатрик, Уортман, Эммонс, Данкосс, Хоскинс, Герке). Но самое важное – это плодотворно работающее нынешнее поколение отечественных специалистов по истории и этнографии русского народа, имена которых невозможно перечислить. Подготовленный труд «Русские», который выйдет из печати в издательстве «Наука» в начале 2015 г., – это результат многолетних усилий как прошлого, так и нынешнего поколения представителей российской академической науки. Этот труд будет важным источником сохранения русского национального самосознания, утверждения общероссийского патриотизма и просвещения всех россиян.

³² Наследие 2008 – Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России. Материалы научной конференции 20–20 июня 2008. М., 2008.

³³ Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы. Под ред. М.Ф. Строганова. Тверь, 2012.

Список литературы:

1. *Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.
2. *Каррер д'Анкосс.* Романовы. М., 2013.
3. *Казьмина О.Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М., 2009.
4. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010.
5. *Нитобург Э.Л.* Русские в США: история и судьбы, 1870 – 1970. М., 2005.
6. *Петрухин В.Я.* Русь в IX – XI веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
7. *Пушкарёва Н.Л.* Русская женщина: история и современность. М., 2002.
8. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2012.
9. Русские народные традиции и современность / отв. ред. Т.А. Листова. М., 1995.
10. Русские: Народная культура (история и современность) / отв. ред. И.В. Власова. Т. 3. Семейный быт. Т. 4. Общественный быт. Праздничная культура. М., 2000. Т. 5. Духовная культура. Народные знания / отв. ред. И.В. Власова М., 2002.
11. Русские. Этносоциологические очерки. Под ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1992
12. Русские: Этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.) / отв. ред. И.В. Власова. Т. 1. М., 1999.
13. *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
14. *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.
15. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ

Валерий Тишков

ЛИНИИ УСЛОЖНЕНИЯ: ВВЕДЕНИЕ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ТРУДУ «КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ»¹

Аннотация: *Статья прослеживает линии усложнения культурных реалий и смыслов современных наций. Все это вызывает феномен культурной сложности на уровне личной и коллективной идентичности и переосмысление категории нации в пользу культурно-сложных гражданско-политических сообществ.*

Ключевые слова: *нация, народ, этническая общность, миграции, нациестроительство, идентичности, категоризации населения.*

Summary: *The article traces the lines of the complexity of cultural realities and meanings of modern nations. All this causes the phenomenon of cultural complexity on the level of personal and collective identity and rethinking the category of the nation in favor of the cultural-complex civil-political communities.*

Key words: *nation, people, ethnic community, migration, nation-building, identity, categorization of the population.*

Тишков Валерий Александрович – научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, Председатель Редакционного совета журнала «Вестник Российской нации».

См.: Культурная сложность современных наций. Под ред. В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 15-1-8-00099.

Как и вся живая и неживая природа, человечество обладает разнообразием, постоянно его воспроизводит, и оно есть условие его развития. Это разнообразие касается как биологической природы, так и культурных характеристик опять же многообразных форм человеческих коллективов: от семейно-родственной группы до национальных сообществ. Под культурными различиями современная наука имеет в виду не только сложившиеся в ходе исторической эволюции формы материальной (пища, одежда, жилище и пр.) и духовной культуры (язык, религия, фольклор, обряды, обычаи и т.д.), но и такие, казалось бы, «прирожденные» групповые характеристики, как расовые отличия и формы идентичности.

Современная гуманитарная наука относит к категории социально-конструируемых и такие понятия, как «нация», «народ», «общество», ибо без направленных человеческих усилий и без привития на индивидуальном и коллективном уровнях чувства сопричастности той или иной общности, т.е. без идентификации себя со страной, народом, нацией нет и самих этих, казалось бы, извечных реальностей. В их социальном конструировании важное место занимают, и даже являются его условием, не только деятельность «производителей субъективных представлений» (информационно-образовательная среда, элита, институты), но и система хозяйствования, природные условия, тип расселения, язык, коммуникации, накопленные веками культурный капитал и историческая память, поведенческие паттерны и мировидение – все это, как правило, передается от поколения к поколению и составляет т.н. образ жизни и облик нации. Именно этот «наличный» материал и повседневные инновации составляют основу социального конструирования, суть которого в осмыслении и переосмыслении того, что есть «Мы». Таким образом, «изобретенные традиции» и нации как «воображаемые общности» – это не сочиненные с чистого листа (хотя и такое может иметь место) и не «выдуманые» общности. Это результат усилий по созданию образа / идентичности на основе доступного культурно-исторического и политико-идеологического материала. Но этот результат не есть извечная данность. Он имеет свою динамику, меняется во времени, его кажущееся неизменное содержание переосмысливается. Поэтому могут меняться и границы-маркеры, по которым выстраивается та или иная общность.

Так было на протяжении длительного времени, с тех пор, когда не только кровные узы, вождеские авторитет и сила стали отправными точками для формирования социальных группировок людей, включая и политику. Со времени ранних протогосударственных образований и соци-

альной стратификации больших коллективов не менее важной основой становится общность на основе культурной схожести. Это могли быть религиозные убеждения, кастовые различия, языковая однородность, близость нравов и др. Со временем на ведущие позиции по своей значимости выходят категории отечества, гражданства и страновая лояльность. Так возникают самые мощные и всеохватные социальные группировки людей, которые сначала в Европе, а затем и в остальном мире стали называться «нациями». По сути, это были сообщества (согражданства), находящиеся под одной суверенной властью, и таковой властью с момента Вестфальского мира и до самого последнего времени было и остается государство. Чаще всего называемое «нацией-государством» или «национальным государством».

Но с этих давних времен, а, возможно, даже ранее, манифестные и политизированные формы обрели и культурные сообщества, особенно религиозные и языковые, которые также во многих случаях стали называть себя «нациями», дабы обрести признание, политико-административный и правовой статус, доступ к ресурсам и власти. Этноконфессиональная структура населения мира и отдельных государств оказалась настолько сложной, динамичной и текучей по набору своих культурных маркеров, что обрести «свою государственность» каждому из культурно отличительных региональных сообществ не удалось, да это и в принципе невозможно. Именно это несоответствие государственно-административных и этноконфессиональных границ оказалось главной коллизией мироустройства, если не считать глобального противостояния идеологических систем и геополитического соперничества крупных держав и объединений государств. Именно стремление привести, казалось бы, в нормативное соответствие границы государственных и этноконфессиональных сообществ составило основу идеологии т.н. национализма, а точнее – национализма партикулярного, этнического толка. Ибо этому типу национализма стал противостоять более успешный тип национализма гражданского, т.е. нациестроительства на общегражданской основе. Восходящий к якобинскому времени, он, на первый взгляд, одержал победу как основа всех современных государств, созданных на базе территориальных и, как правило, культурно гетерогенных сообществ.

Однако на деле якобинский проект формирования монокультурных согражданств также оказался во многих аспектах утопичным, а точнее – он реализовался в существенно иной форме. Действительно, суверенные гражданские сообщества (территориальные нации) стали

нормой политической организации, но сама природа национального никогда и нигде не утвердилась в формате монокультуры. Действительно, в истории имели место языковая и религиозная унификации, выработка общенациональных культурных норм и институтов, в том числе и за счет ассимиляции, дискриминации и подавления локальных и малых культур и традиций. Но вместе с этим имело место и цепкое удержание в памяти и в повседневной практике как партикулярных традиций и обычаев, так и образов и героев бывшего группового величия или прошлых трагедий.

В современную эпоху мир наций вступил неоднородным, внутренне сложным, обремененным войнами и конфликтами, нередко ведущимися под знаменем культурных различий. В то же время этот мир наций выработал понимание того, что есть нации-государства и как должно достигаться их оптимальное управление к общей пользе. Такими уроками эпохи Нового и Новейшего времени стали осознание приоритета ценности человеческой жизни, прав человека, представительного правления, при котором допускается и поддерживается культурное разнообразие заключенного в границах государств населения.

Исторически устоявшиеся, успешные с точки зрения обеспечения условий жизни государства научились сдерживать противоречия и конфликты и организовывать внутреннюю жизнь на основе согласия, общих норм и ценностей. Это совсем не означало отсутствия внутренних напряжений, проявлений насилия и массовых беспорядков, но сила национального государства как раз и проявлялась в том, что оно оказывалось способным сдержать такие разрушительные проявления, как открытые межобщинные конфликты в борьбе за исключительную власть в центре или в регионах. Национальные государства научились также более или менее успешно сдерживать сепаратизм со стороны групп меньшинства, неспособных контролировать центр и добивающихся выхода из общего социально-политического пространства.

Сложнее получилось с государствами, возникшими после распада колониальных систем после Второй мировой войны в регионах Африки и Азии. Здесь этнический фактор (трайбализм) создавал препятствие для нациестроительства – задача, которую ставили все суверенные образования, особенно после их приема в Организацию Объединенных Наций. Здесь кросс-этнические коалиции и надэтническая (общенациональная) идеология помогали существовать сравнительно новым государствам, у которых не было длительного опыта суверенной государственности и этапа утверждения языка и культуры какой-либо общности в

качестве доминирующей для всех остальных групп населения. Национализм в этих условиях базировалось на межгрупповом балансе и на авторитарном правлении, что и позволяло сохранять согласие и сотрудничество, но далеко не всегда и не во всех странах. Слабый прогресс в социально-экономическом развитии постоянно питал недовольство и конфликты, которые почти всегда приобретали этноконфессиональный или расовый характер. Тем не менее, именно хрупкие межэтнические и межрелигиозные балансы и авторитаризм власти удерживали эти страны от внутренних войн и разложения основ правления.

Что изменилось в последние два-три десятилетия? По каким линиям происходило усложнение как самого человечества, так и категорий его классификации и осмысления применительно к населению современных государств? Назовем наиболее значимые из этих линий.

Первая линия усложнения – это внутренняя мобильность населения, повсеместная урбанизация и, как результат, перемешивание и размывание границ некогда более определенных ареалов культурно отличительных сообществ. В наиболее развитых современных нациях, к которым относится и Россия, а также большинство других стран бывшего СССР, сгладились привычные различия между городом и деревней, сельским и городским населением. В этой части мира сохранение и производство не только общенациональной культуры и ценностей, но и этнических составляющих этой культуры происходит совсем не в условиях сельской жизни, а в условиях городов и мегаполисов. Сюда вместе с этнически пестрым населением перекочевала и «этнография» – от шаурмы до этнографических музеев. Сельские ареалы, ставшие во многих случаях пригородами или поставщиками рабочей силы для городских агломераций, без традиционной хозяйственной деятельности обрели типовой облик, трудно различимый не только на внутрисоциальном, но даже и на межстрановом уровне. Зато город, как малый, так и большой, стал более этнографичен и культурно характерен, но именно мозаичной сложностью и невозможностью разделения пространства на «этнические кварталы», если не считать иммигрантские поселения.

Проживающее в городах большинство населения множества современных наций создало другую ситуацию в сфере брачных контактов, и эта ситуация направлена на усложнение этнорасового состава населения, в пользу возрастающей доли людей смешанного происхождения и отсюда – смешанной идентификации. Современный город и новые типы занятости работают на усложнение и уплотнение межкультурных контактов людей, способствуют изменению набора жизненных правил

и установок, а также конкретным культурным модификациям и заимствованиям.

Вторая линия – это радикально изменившаяся трансграничная миграционная активность современных людей. Достаточно сказать, что только число временных мигрантов в мире ныне составляет не менее 200–300 млн. человек. Трудовая временная миграция обрела глобальный характер и захватила практически все регионы мира и страны: одни – как доноры миграции, другие – как реципиенты. В отличие от миграций предыдущих эпох, которые порою были не менее масштабными и даже составили основу формирования т.н. переселенческих наций, нынешние миграции имеют многовекторный характер, не сводимый к линии «бедный Юг – богатый Север». Появились своего рода «региональные центры» миграционной активности, которые вовлекают в процессы миграционного перемешивания население государств миграционной периферии – например, Россия, принимающая миллионы мигрантов из стран бывшего СССР. Значительное число мигрантов из соседних центрально-азиатских стран и из Китая принял Казахстан. Странами-донорами миграции стали среднеразвитые страны Балтии, Украина, Грузия, Армения, Молдова. В последних странах выезд на временное и постоянное жительство за границу был столь значительным, что он сначала поменял состав новых гражданских наций в пользу т.н. титульных групп, а затем сами эти титульные национальности стали выезжать из «собственного» национального государства в таких масштабах, что желаемая сразу после распада СССР этническая гомогенность новых государств опять оказалась под вопросом. Так, например, 30% этнических латышей выехали из Латвии после обретения ею независимости и не менее половины из них не собираются возвращаться обратно. В свою очередь отъезд русскоязычного населения приостановился, и демографический баланс в этом двухобщинном национальном государстве перестал изменяться в пользу титульной группы. Похожая ситуация в Эстонии и Молдове. Таким образом, масштабные миграции даже на временной трудовой основе меняют облик наций-доноров, и часто совсем не в пользу доминирующего большинства, а в пользу «нетитульных» меньшинств, избавления от которых так жаждали постсоветские нациестроители.

Но самые радикальные изменения состава и самоощущения современных наций миграция принесла в принимающие страны. Речь прежде всего идет о европейских нациях и, частично, о некоторых странах Азии. К числу принятых на постоянное жительство мигрантов пе-

риода 1960–1990-х гг. добавились десятки миллионов мигрантов двух последних десятилетий, для которых не было характерно стремление к однозначной ассимиляции и растворению в принимающем обществе и его культуре. Демократические порядки и установки мультикультурности, наличие уже сложившихся диаспор, цепкое и продолжающееся влияние религиозной принадлежности в местах нового проживания, новые коммуникационные возможности со странами исхода и некоторые другие факторы поменяли установки и поведение мигрантов, пожелавших стать членами более богатых европейских или североамериканских наций. Очень многие захотели стать французами, немцами, англичанами и т.д., не поменяв ни язык, ни религию, ни нормы жизненного поведения и другие культурные ориентации. Это вызвало во многих случаях драматические и даже трагические ситуации, а также привело к кризису самосознания прежде всего среди населения т.н. культурного ядра современных наций, а также среди новых жителей – новых членов старых наций.

Среди «ядра» более резко оформились две крайности. Значительная часть образованного населения была готова воспринимать изменившийся облик нации и демонстрировала толерантность к бывшим иммигрантам, которые стали теперь их равноправными согражданами, но разными по культуре и вероисповеданию. Но не менее значительная часть населения обратилась к уходящим или меняющимся устоям жизни, которые достались им от прошлых поколений и составляли основу нации. Так, наметился обратный ход от британскости к английскости, у французов усилились позиции Национального фронта – давнего поборника чистоты французской нации и противника иммиграции, в скандинавских странах антимиграционизм и исламофобия вызвали проявления насилия и террора. Фактически во всех европейских нациях пробудилось движение вспять – от усложнения к возврату старых национальных образов. Только похоже, что это уже запоздалая реакция на состоявшуюся или еще не завершенную смену этнокультурных обликов старых наций. Посеянные массовой иммиграцией социальные, религиозные и этнические разделительные факторы завели в тупик сам вопрос «Что есть нация?». И к этой новой сумятице добавилось переоформленное новыми активистами и теоретиками движение старых меньшинств в составе старых наций.

Третья линия – это рост партикулярных (этнических, региональных) форм самосознания (идентичностей) среди аборигенного или старожильческого населения, которое казалось интегрированным в

состав наций, за исключением радикальных элементов, исповедующих крайние формы коллективного самоопределения. Некоторым современным пассионариям самоопределения в рамках национальных государств традиционных охранных мер или особых групповых предпочтений стало недостаточно. Условие сохранения себя в составе наций этнорегиональные сообщества, как, например, в Испании и Франции, или аборигенные народы в скандинавских странах и в Канаде, видели в конституционном признании в качестве равноправной составляющей гражданской нации или в качестве отдельной нации в рамках одного государства или крупного региона. Известные всем декларации и хартии о правах лиц, принадлежащих к меньшинствам (подход ООН), или о правах национальных меньшинств (подход ОБСЕ) в последние годы начинают утрачивать свою значимость по причине как новых вызовов со стороны иммиграционных сегментов национальных сообществ, так и по причине более рьяного выступления в последние пару десятилетий за права большинства. Лозунг «small is beautiful» теряет свою актуальность, ибо статус и положение традиционных меньшинств, включая аборигенные группы, выглядят приемлемыми и даже благополучными, если сравнивать их с населением депрессивных регионов в некоторых странах (например, в России, Италии, Испании, Канаде) или с недавними мигрантами, которые интегрируются в современные нации в роли новых граждан.

Четвертая линия заключается в формировании новых трансграничных, космополитических форм идентичности, особенно у людей, занятых в международных корпорациях и организациях или проживающих и осуществляющих свою деятельность не только в одной стране. Про «разделенные народы» было известно давно, и это о тех этнических группах, ареалы расселения которых разрезаны государственно-административными границами. Но дело в том, что сегодня фактически нет не разделенных народов, если учесть наличие многочисленных диаспор, порою превышающих численность той или иной этнической группы на ее «собственной этнической территории». Как можно говорить о нациях в этническом смысле, если часть и даже большинство носителей данной этничности проживают вне того образования, где данная этнонация имеет или добивается признания и особого статуса? Или же мы должны признать право этнических армян государства Армения, этнических украинцев Украины, этнических грузин Грузии, этнических венгров Венгрии считать именно себя нациями, и на этом можно будет

поставить точку в академических дебатах о нации по причине их бессмысленности, ибо российские и американские армяне, канадские и российские украинцы и т.д. не считают себя членами наций других суверенных государств, гражданами которых они не являются. Сегодняшние диаспоры, как и в недалеком прошлом, – это составные части суверенных наций своего гражданства, сохраняющие связь со своей Родиной, страной исхода.

Что появилось нового, так это гораздо более высокая степень сохранения двойных идентичностей и лояльности как нации исхода, так и принимающей нации. Интегрируясь в новые согражданства и принимая все гражданские права и обязанности, мигранты (или те, от кого мигрировали сами государственные границы) предпочитают не порывать основные связи (работа, жилье, круг знакомых и т.д.) с нацией исхода. Другими словами, современная сложность наций позволяет рассматривать вопрос о возможности членства не только в одной нации. На правовом уровне при регулировании норм гражданства все более распространяется и признается право на двойное (или множественное) гражданство, а фактически держателей нескольких паспортов сегодня гораздо больше, чем отражает официальная статистика.

Именно в силу обозначенных выше явлений происходит изменение представлений о национальном в сторону признания сложности и подвижности критериев определения содержания «Мы», а вместе с этим установление новых правил категоризации населения в ходе различных государственных и общественных процедур, а также измененных правовых норм. Все эти фундаментальные процессы становятся более ясными и доступными для объяснения, если спустить вопрос с глобального уровня на уровень индивидуальных примеров. В дни, когда автор писал этот текст, его знакомый П. Броше, известный телеведущий, женатый на Аннушке Голицыной и проживающий последние 20 лет в России, задал вопрос: «Если я в своих передачах и книгах рассказываю о природе и культурах народов России и если я собираю и пропагандирую русское искусство, могу ли я считать себя патриотом России?». «Конечно, да, – был ответ. – Более того, вы можете считать себя россиянином, если ощущаете свою связь с Россией как страной и ее народом». В таких случаях было бы верно иметь право на российское гражданство без отказа от французского. Культурная сложность современных наций разрушает жесткие нормы гражданства, а некогда устойчивые образы-мифы о той или иной нации уже основательно разрушены.

Список литературы:

1. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2012.
2. Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
3. Культурная сложность современных наций. Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.
4. Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2009.
5. Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокриницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015.
6. *Тишков В.А.* Языки нации // Вестник Российской академии наук. Т. 86. № 4. 2016. Апрель. С. 291–303.
7. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
8. Этничность и религия в современных конфликтах. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2012.
9. *Khilnani Sunil.* The idea of India. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1999.
10. The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / ed. by P. Kolsto and H. Blakkisrud. Edinburgh: University Press, 2016.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ 24 АВГУСТА 2012 г.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ¹

По теме, связанной с обеспечением или с утверждением общегражданского единства. Здесь есть некоторые вопросы, которые необходимы, чтобы сделать шаг вперёд.

Во-первых – подготовка кадров. Быстрая смена управленческого персонала в то же время привела к тому, что не всегда люди знают даже собственно нашу страну, историю и культуру не только своего народа, но и других народов.

Есть случаи, когда в управленческий класс попадают люди с очень узкими взглядами, даже ксенофобскими. И здесь необходима работа, с точки зрения профессиональной подготовки, с точки зрения морально-ценностных установок, просто просвещенческой деятельности.

Это связано с познанием нашей страны, с обменом кадрами между регионами.

Второе – это вопрос об институтах власти. Многонациональное или крупное многоэтническое государство может быть эффективным и стабильным тогда, когда есть основа, адекватный государственный институт управления, который, с одной стороны, обеспечивает стабильное развитие общества на основе воли большинства и в то же время учиты-

¹ *Тишков Валерий Александрович* – директор федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН.

ваит интересы меньшинства, которое никогда не сможет переголосовать большинство.

Есть отечественный опыт и есть мировой опыт управления культурно-сложными обществами.

Формула дружбы народов очень полезна и нужна, но нам всё-таки нужно думать и о формуле дружного народа. Мы – один народ при всём его многообразии, разнообразии, и идея формирования, утверждения общероссийской идентичности, общероссийского патриотизма, гражданского самосознания, ни в коей мере не подвергает сомнению существование культурных традиций, народов, языков и т.д.

Часть экспертного сообщества, часть политиков это понимают как-то очень прямолинейно, что вот поставлена задача Президентом Путиным сформировать российскую нацию. Отсюда как бы такая «страшилка» о том, что вместо какого-то количества народов у нас будет один народ и больше никого не будет. Это нужно разъяснить.

Некоторые принципы политики интеграции.

Во-первых, это вопрос упорядочения списка народов и право людей указывать сложное самосознание. Значительная часть населения – потомки смешанных браков. Наша процедура и даже академическая наука исключает возможность объявить о том, что «я разделяю в равной мере культуру и язык отца и матери и имею сложную национальную принадлежность». Перепись не позволяет этого делать, хотя все международные рекомендации и позиция Росстата в том, чтобы во время переписи те люди, которые хотят заявить свою сложную национальную принадлежность, такое право получили. Казалось бы, простая вещь, но она очень важна для интеграции.

Мы увлечены конструированием народов, и численность увеличивается. С другой стороны, 200 тысяч русских в Великобритании не считаются «народом Англии», а 900 англичан, которые у нас зарегистрированы в переписи, друг с другом никак не контактируют (скорее всего, представители разных коммерческих фирм), они считаются «народом России». Точно так же с тысячей американцев, и некоторые другие ситуации.

В советское время мы гордились тем, что у нас и кубинцы, и чилийцы, и другие: это как бы всё часть советского народа или дружной семьи народов. Сейчас можно подумать о том, что есть, конечно, народы автохтонные, которые имеют исторические корни, у которых мы обязаны поддерживать культуру и язык, и есть очень достойные категории – другие национальности, некоторые буквально из одного

десятка, полутора десятков человек. Иначе у нас эта численность будет постоянно расти.

Второй вопрос связан с языком. Мы иногда одержимы тем, что нужно вернуть народ к своему родному языку. Но наука и практика говорят о том, что у современного человека может быть два родных языка: основной язык знаний и общения может быть не только один. Есть целые страны, где народы полностью двух- или даже трёхязычные.

В нашей стране есть регионы, где значительная часть населения свободно владеет двумя языками, даже затрудняясь сказать, какой у неё родной язык. Как правило, называют тот, который совпадает с национальностью. И здесь очень жёсткая установка, что «у тебя должен быть родным языком обязательно язык по национальности», препятствует свободному выбору людей.

Последняя перепись показала, что у нас 25 % нерусского населения, это 6,6 миллиона человек, указали родным русский язык. Это их свободное право выбора. В современных условиях нужно брать линию на то, чтобы расширять языковой репертуар россиян, граждан нашей страны. И двуязычие, многоязычие – это норма.

Хорошо бы начать с управляющего класса, с людей, которые заняты в правоохранительной, судебной системе, с интеллигенции, а то порой учат иностранный язык, побывав два-три раза, в летние отпуска, а когда веками или всю жизнь проживают в среде своих сограждан, которые говорят на другом языке, и не могут сказать, ни «здравствуй», ни «до свидания», эта ситуация тоже не очень хорошая.

Здесь лидирующая роль сохраняется за русским языком, 99,6 % нашего населения владеют русским языком. Это мощнейшая скрепа нашего государства, её нужно всячески сохранять. И свободный переход на русский язык является правом каждого гражданина, ибо это связано с его успешной карьерой, с преуспеванием в общем российском пространстве.

Ещё один вопрос касается соотношения прав меньшинства и большинства. Вся наша национальная политика до этого – это политика по отношению к меньшинствам. Это апробированный опыт, кстати говоря, и советский, и мировой. XX век проходил под лозунгом «Small is beautiful», то есть «мало, и это прекрасно».

Но всегда была проблема большинства, ибо спонсирование малых различий и особое внимание к меньшинствам, которые сумели подняться очень мощно и в нашей стране, и в мире, выстроить международные коалиции, систему международной защиты, международно-

правовой – через декларации, иногда приводит к так называемой дискриминации наоборот. Мы как бы забываем о том, что у большинства тоже есть права, интересы и свои запросы. XXI век будет веком большинства, но ни в коей мере не в ущерб меньшинствам, а в зачёт тоже и прав меньшинств. Вот как пройти эту тонкую линию без ксенофобии и насилия, соотнести и права меньшинств, и права большинства, нам есть смысл подумать.

И последнее. В одном государстве не должно быть параллельного существования региональных, этнических сообществ. Интересно, «где родился, там и содился», «мы будем уважать вашу культуру в вашем культурном изоляте или на вашей этнической территории». Необходимо выстраивать взаимодействие по всему спектру социальных отношений: от спортивных команд до службы в армии и организации трудовых наборов на крупные стройки, крупные промышленные проекты, нам нужна совместная организация политической жизни.

Политические партии и впредь должны иметь строго внеэтнический характер своего членства и своей деятельности. Это всё-таки кроссэтнические коалиции страны.

Наша Конституция и законы обеспечивают достаточно прав и свобод для функционирования и стабильного развития федеративного многонационального государства.

Мы должны считать, что наша Конституция – это Конституция в достаточно адекватной многонациональной стране, и в то же время позволить в ещё большей степени творчество на уровне регионов. Некоторые правовые региональные акты были «подсушены» в последние годы, особенно это связано с представителями малых, аборигенных народов. И здесь тоже есть смысл двинуться вперёд.

Как общего больше среди россиян, чем различий, так и позитивного, мне кажется, больше, чем проблем. Нужно спокойно, достойно и уверенно здесь себя вести. Не может крупная, большая страна быть без проблем, быть при идеальной гармонии.

При всех тех противоречиях, конкурентности, даже конфликтах мы есть всё-таки один народ, мы – государство наций при многоэтничном или многонациональном народе, как и все большие государства мира. Мы в какой-то мере действительно уникальны, в то же время мы всё-таки до тривиальности похожи и на другие крупные государства. Есть общие законы их устройства и развития, к которым есть смысл присмотреться и учитывать.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ 9 НОЯБРЯ 2012 г.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ¹

Могу с полной уверенностью сказать, что мы получили в очень короткий срок действительно широкое общественное обсуждение проекта Стратегии. Для такого доктринального документа это более чем достаточно.

Важнейшую роль при разработке проекта стратегии сыграли созданный Президентом Совет по межнациональным отношениям и его рабочая группа, которая так и называлась – по разработке Стратегии и теоретических основ национальной политики, которую возглавлял В.А. Михайлов. И плюс, конечно, огромная работа Администрации Президента, обновленного Управления Президента по внутренней политике сыграла эффективную и важную роль в подготовке и организации обсуждения такого документа в такой короткий срок.

Очень важно, что документ построен на основе прежде всего Конституции Российской Федерации, он ни в малейшем не расходится с ней. Он подчеркивает исторический опыт, накопленный нашим народом во все периоды. В полученных нами замечаниях сказано, что в отноше-

¹ *Тишков Валерий Александрович* – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Консультативного совета.

нии советского периода имеется в какой-то мере односторонняя оценка, сейчас в новом варианте эта оценка носит более сложный характер: советская национальная политика заключала в себе как позитивные, так и негативные моменты.

Здесь упоминается и Концепция государственной национальной политики 1996 г. Но ясно, тогда, в первой половине 1990-х гг., нельзя было предусмотреть такие важнейшие вопросы, которые в проекте Стратегии поставлены во главу угла, помимо поддержки, сохранения и развития этнокультурного разнообразия народа Российской Федерации. Нынешняя Стратегия включает утверждение общероссийской гражданской идентичности, формирование гражданской солидарности, представление о российском народе как о гражданской нации. Иначе у нас и национальная экономика есть, и национальные проекты есть, и национальная олимпийская команда есть, и лидер нации есть, и проблемы здоровья нации есть, а нации как бы и нет. Поэтому мы в этой концепции называем российский народ «гражданской полиэтничной нацией».

Здесь есть замечания справедливые, но они в новом варианте проекта Стратегии уже уточнены, в частности, по понятию «многонародной нации» – старый термин, который был в свое время у И.А. Ильина и Н.С. Трубецкого накануне революции, была попытка осмыслить российский народ как большую гражданскую нацию или большую русскую нацию, и тогда «российский» и «русский» были почти синонимами, а сегодня понятие «русский» имеет прежде всего этнический смысл – крупнейший народ Российской Федерации.

По огромному количеству полученных замечаний и предложений от субъектов Федерации и общественных организаций, свод таковых насчитывал более ста страниц, могу сказать, что на 90 процентов они были учтены рабочей группой.

Мы убрали из Стратегии и глоссария такое понятие, как «коренные народы», потому что оно вызывает действительно сомнения, оставив «коренные малочисленные народы», что соответствует законодательству. Усилили и разъяснили раздел, связанный с федерализмом.

Мне кажется, справедливо замечание С.Н. Харючи, что можно убрать из проекта Стратегии вопрос, связанный с возможным территориально-административным переустройством, потому что никто не подвергает сомнению факт федеративного устройства нашей страны, с его этнокультурным или этнотерриториальным компонентом, асимметрией российского федерализма в виде республик, автономных областей и округов.

И здесь, не излагая саму Стратегию, хочу сказать, что это документ

с «четырёхединой» задачей: утверждение (формирование) российской идентичности, обеспечение гражданского согласия, поддержка и этнокультурное развитие народов, интеграция мигрантов – впервые завязана в эту форму единства многообразия, которую собой представляет Россия. И то, что Стратегия принимается в Год российской истории, в Год 1150-летия российской государственности – это тоже имеет символическое значение.

И несколько слов по тем замечаниям, которые представлены на сегодняшнем заседании, поскольку они могут и должны найти отражение в наших рекомендациях, когда проект Стратегии пойдёт разработчикам на финальную стадию доработки.

Мне кажется, справедливо замечание насчет исторической территории Российского государства. Если оно еще осталось, я, как один из разработчиков, предлагаю его убрать.

У нас двойственное употребление понятий «межнациональные» и «межэтнические» отношения. Действительно здесь правильно отмечается, что понятие «национальный» сейчас больше становится синонимом «государственный». Над этим нам нужно подумать.

Очень справедливое замечание, что многонациональным у нас является не государство, а народ Российской Федерации. И все-таки Россия, входя в Организацию Объединенных Наций, представляет собой государство-нацию. И вот здесь не должно быть никаких разночтений. Это важнейшее замечание, которое от нас может поступить разработчикам проекта Стратегии.

Есть некоторые предложения, в том числе от регионов, – принять закон о съездах народов, например. У нас есть общественные организации, есть практика таких собраний. Мне кажется, вводить в закон то, как проводить всемирные конгрессы или съезды татар, или карел, или чувашей, или русских излишним. Мне кажется, представляется излишней также и постанова вопроса о создании органа государственного управления. Нам нужно сейчас на основе этой Стратегии скоординировать то, что у нас существует, усилить направление в Минрегионе, межведомственную комиссию, профильную структуру в Администрации Президента, которая впервые появилась, и, конечно, то, что у нас есть в законодательных органах. Это непорядок, что за три созыва Государственной Думы фактически не принято ни одного закона в этой сфере. И в то же время перечень тех законов, который здесь есть, он, может быть, не самый оптимальный. Я бы поддержал предложение о принятии рамочного, фундаментального зако-

на об основах межэтнических отношений в Российской Федерации. Проект такого закона в свое время разрабатывался, и такой закон нам необходим.

И последнее. Здесь слабо прописано, но я бы подчеркнул эту проблему: подготовка кадров и воспитание госслужащих. Сегодня Министр регионального развития правильно сказал, что назначают в основном по статусу. Ведь не назначают же в сферу экономики человека, который в ней ничего не смыслит. Почему-то сфера межэтнических отношений становится такой, что можно назначить любого человека. Это сфера очень деликатная и требующая специальной подготовки, знаний и опыта. Хотя бы знание страны, ее народов, их обычаев и традиций. Вопросы подготовки кадров в государственном управлении чрезвычайно важны, и в Стратегии надо еще раз обратить на это внимание.

Второй важнейший вопрос – финансы. Даже те скромные деньги, которые в регионах иногда выделяются на это (по государственной федеральной программе в этом году был ноль), из-за закона, который у нас о тендерах существует, в значительной мере реально не доходят до осуществления тех мер, которые предполагаются.

И последнее. Объяснительная работа нужна нам всем. Нужно объяснить людям, что записано в Стратегии. Есть необоснованные страхи о том, что вот сейчас из 193 наций сделают одну нацию. Нужно объяснить людям, в чем сила и необходимость предлагаемой Стратегии как единственного варианта для развития нашей страны.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ 6 ИЮЛЯ 2013 г.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ¹

В ряде стран приняты законы о так называемом историческом каноне. Об этом опыте достаточно подробно говорилось на последнем заседании президентского совета по межнациональным отношениям.

В России можно было бы принять такой законодательный акт – о стандарте, не текст учебника утвердить, а то, что мы называем историческим стандартом, где бы основные события, факты и их оценки были бы изложены, как общепринятая версия. А уже на основе этого писать учебники.

Сейчас, с 5-го по 11-й класс история преподается как двойная система, система как бы концентрических кругов, а скорее всего, нужна последовательная система преподавания, которая была раньше. Плюс есть учебники по российской истории, есть учебники по всеобщей истории.

Поэтому мы сейчас говорим именно о единой исторической концепции школьного учебника. Этот закон нужно иметь в виду в перспективе.

¹ *Тишков Валерий Александрович* – академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, член Консультативного совета.

Что касается реализации Стратегии, законодательного обеспечения этой сферы нашей жизни. Прежде всего, по категориям населения. Фундаментальный момент, потому что именно государство осуществляет определенные процедуры, как, например, всеобщая перепись населения устанавливает факт наличия населения в стране, что не менее важно для легитимности государства, чем, скажем, границы, столица или гимн и флаг.

Поэтому проведение общероссийских переписей, установленных законом, – это важнейшая вещь. Есть программа, которая была определена в старом законе, и она осталась после внесения поправок, о том, какие основные вопросы государство определяет во время проведения переписи.

Две категории – национальность и родной язык – перешли к нам еще из советского опыта, и сегодня они не полностью нас устраивают. Они ограничивают волеизъявление граждан, их идентичность. У нас значительная часть населения – это потомки смешанных браков, скажем, в равной мере чувствуют себя русскими и украинцами, знают и тот, и другой язык, проявляют лояльность к культуре отца и матери, но заявить о своей двойной этнической принадлежности не могут, потому что действует принцип – только по одному из родителей, т.е. фактически по крови.

Точно так же и по родному языку. Родной язык – это основной язык знаний и общения. Хотя есть разъяснение переписчикам, что язык может не совпадать с национальностью, тем не менее, действует очень мощная инерция, что это должен быть язык национальности, даже если человек на нем не говорит, и что это может быть только один язык. Современное же поколение владеет свободно двумя языками, а то и тремя. И если гражданин владеет двумя языками, он должен иметь право на указание в данном случае двух языков.

Эти небольшие, но важные поправки в сторону признания сложности нашего единого российского народа, следует закрепить законодательно.

Еще одно предложение. Для того, чтобы осознанно утверждать и наполнить содержанием положение о российской идентичности, о гражданском национальном самосознании, не исключая ни в коем случае наше этническое, религиозное разнообразие, нужна (как в свое время сделали в Соединенном Королевстве Великобритания, когда переходили от английскости к британскости, – там была создана Британская королевская комиссия по британской идентичности) какая-то парламентская

комиссия по российской идентичности, может быть, как комиссия, созданная указом Президента, которая бы занялась разработкой концепции «Кто мы – россияне»? , начиная с истории культуры, языка, символики, образования и т.д.

И еще. Нужен законодательный акт об этнологическом мониторинге и экспертизе. Международный опыт имеется. Иначе, как черт из табакерки, выскакивают какие-то эксперты-самозванцы, публикуют доклады, целые специальные приложения к «Независимой газете», которые содержат очень провокационные моменты, необъективные, непрофессиональные оценки ситуации в регионах, в республиках. И получается, что, например, кроме Чукотского автономного округа, все субъекты Федерации заражены «ваххабизмом». Это излишняя драматизация ситуации, которую ни одна уважающая себя страна себе не позволяет. Даже такие страны, как, скажем, Испания, Великобритания, где есть и террористы, и массовые бунты.

И последнее – ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Членам Консультативного совета необходимо еще раз посмотреть проект этого документа и сделать предложения. Мне бы хотелось, чтобы в ней нашли поддержку именно общественные организации, в том числе Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», который мы с А.П. Торшиным возглавляем уже более пяти лет, и почти пять лет (в сентябре с.г.) издает журнал «Вестник Российской нации», сталкиваясь с проблемой поиска средств на издание каждого номера (главный редактор журнала – Абдул-Хаким Султыгов – присутствует на заседании). За это время журнал стал важной площадкой обсуждения широкого круга проблем нациестроительства, утверждения российской идентичности. Причем «Вестник...» де-факто является органом нашего Консультативного совета, публикует материалы наших заседаний. Поэтому считаю важным поддержку издания, в том числе Советом Федерации.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ 22 ОКТЯБРЯ 2013 г.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ¹

Линия государственной этнонациональной политики, включая ее программно-стратегические основы в виде Стратегии и ФЦП, не является пока общепризнанной, еще много противников, скептиков. Я призываю, прежде всего, руководство и лично Президента стоять прочно на позиции, что это выношенная, единственно верная, реализуемая платформа трактовки российского народа, как разнообразного единства, и России как государства-нации. Думаю, что на Олимпийских играх, когда миллионы наших болельщиков будут болеть за нашу национальную Олимпийскую команду и чувствовать, что они россияне, наше национальное единство будет еще крепче. Как это признали после игр и в Канаде, в Ванкувере, и в Сиднее, в Австралии, где тоже были проблемы обеспечения единства нации.

Все наши последние, наиболее авторитетные социологические исследования и представители РАН подтверждают то, что понятие «я – россиянин» сегодня является ведущей формой коллективной идентичности среди граждан нашей страны.

Несмотря на сложность этой задачи, которая оказалась не менее сложной, чем построить рыночную экономику или же создать новую политическую систему, она вполне решаемая. Мы не должны впадать в истерику, мы не должны прибегать к сиюминутным импровизациям, когда

¹ *Тишков Валерий Александрович* – директор Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

сталкиваемся с какими-то кризисами или сложными проблемами.

Вот Вы были совсем недавно в Индонезии, посетили ряд крупных многоэтнических, многоконфессиональных стран, где центральное правительство даже порой не контролирует по несколько регионов, но такого истошного восприятия, что страна рушится, страны нет, единства нет, себе в этих странах мало кто позволяет. Мы должны в этом отношении тоже вести себя уверенно, сдержанно и знать, что в нашей стране всегда могут быть кризисы, проблемы, и их нужно преодолевать.

О подготовке специалистов. Мы общими усилиями осуществляем подготовку специалистов по этнологии. Это большой прорыв. Первые бюджетные места были очень скромно выделены, но уже несколько кафедр себя сертифицировали. И дальше будем расширять подготовку именно специалистов в высшей школе помимо государственных служащих. Такие специалисты нужны в компаниях, в системе культуры, общественных организаций, в СМИ. Это очень важное дело.

20 лет мы трудились, создавая серию «Народы и культуры», она вышла только лишь тиражом в тысячу экземпляров. Но мы сделаем такую «народную библиотеку», которую могли бы читать, по крайней мере, десятки тысяч наших читателей.

Насчет мониторинга. Сомневаюсь, что сугубо государственная система решит проблему независимой, точной экспертизы в области этнологического мониторинга.

Нужно еще научить чиновников уметь использовать литературу, читать в том числе и некоторые научные разработки, а не только социологические опросы, не только сводку, не только какие-то Интернет-ресурсы. Управленцы, принимающие решения в этой области, должны быть готовы к тому, что экспертиза не всегда принесет им то, что им нравится, и где нет никакой критики. Проблема восприятия независимого, а порой и критического анализа со стороны управляющего класса – это тоже очень важная проблема.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ 3 ИЮЛЯ 2014 г.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ¹

Первое. Воссоединение Крыма с Россией высветило давний вопрос о реабилитации депортированных народов. Представляется, что трагические страницы отечественного прошлого не должны исчезать из учебников по истории, ибо история учит не только своими победами, но и драмами, которые не следует повторять будущим поколениям.

И патриотизм питается не только достижениями нации, но и чувством общей судьбы и общей ответственности за всё то, что было в истории страны. Историю примирить невозможно, но можно признать и понесённые коллективные травмы частью нашего населения. Это могут быть не только депортации, но иногда довольно отдалённые события, как, например, война на Кавказе, которая закончилась 150 лет тому назад.

Молодёжь часто становится заложником намеренной обработки по части создания образа врага и несчастливой судьбы того или иного народа или региона. Как показывает опыт Украины, для этого достаточно одного поколения, чтобы воспитать молодёжь в заданном духе.

Нам не нужно бояться своей истории, что-то скрывать, приукрашивать. Историческая правда – это важнейший воспитательный аргумент. Я бы предложил по этому вопросу дополнить принятую концеп-

¹ *Тишков Валерий Александрович* – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

цию школьной истории возможностью изучать более подробно историю края, в котором проживает молодой российский гражданин.

Второе – о национальной российской идентичности. Мы вышли на ясные формулы обеспечения единства и многообразия российской нации и государства.

Главное – чем конкретно наполнить понятие идентичности и как противодействовать внутренним скептикам и внешним противникам в существовании такой давней и мощной реальности, как российский народ. Наша повседневная жизнь показывает преобладание среди россиян общего над различиями. Подтверждает это и исследование в том числе российского студенчества в федеральных округах с многонациональным составом населения.

66% опрошенных студентов при определении своей идентичности на первое место ставят понятия: «моя Родина – Россия», «мы – граждане России».

Наш вывод таков, что консолидируют современную молодёжь далеко не только партикулярные этнические традиции и нормы жизни, а прежде всего ценности: интересные и приносящие благополучие профессии, тяга к знаниям, к участию в больших делах. Этот фактор нужно учесть в молодёжной политике, чтобы были так называемые крупные проекты.

Российское самосознание молодёжи формируют не только учебники истории. Российская идентичность, т.е. чувство сопричастности со своей страной, формируется через принятие современной жизни, того единственного времени, в котором мы живём. В России доминирует отрицание периода новейшей истории страны, хотя мало кто может сказать, а когда же было лучше в прошлой эпохе? Но для молодёжи последние 20 лет – это вся их жизнь, и они должны быть уверены, что живут в лучшие, а не в худшие времена.

Господствующие среди взрослого населения образы старого доброго времени и некоего нынешнего безвременья для молодёжи означают отрицание их жизни в стране, России, и могут поощрять настроение апатии типа «пора валить». Однако наши данные показывают, что российская молодёжь весьма удовлетворена общественно-политической ситуацией в России. Отвечая на вопрос о том, какой период в истории России в наибольшей степени соответствует вашим представлениям о том, какой должна быть Россия, больше всего опрошенных в качестве «золотого века» российской истории указали современный период жизни, путинскую эпоху, а не другие периоды.

Четвёртое. Самое важное в утверждении российского самосознания – это воспитание ответственного гражданина. Но готовность взять на себя ответственность не должна сопровождаться разрушением прошлых авторитетов и подходами с чистого листа. Недавняя история с реформированием РАН выявила довольно тревожный симптом быстрого распространения среди поколений молодых журналистов и политиков негативизма по отношению к тем, кто служил Родине всю свою жизнь, составил её гордость и обеспечил её силу. Беспокоит быстрая метаморфоза настроений молодёжи по части утраты и уважения к старшим и вместе с этим утраты чувства преемственности. А появление жадных до расправ над несогласными или просто над бывшими среди молодых активистов России уже наблюдается.

В учебник по обществознанию нужно включить раздел об уважении старших, о ценности жизненного опыта, о преемственности поколений, нужны передачи разговора со старшими для молодых, беседы и диалоги разных поколений, о традициях почитания старших в культуре разных народов.

Общество, в котором старшие утрачивают контроль и уважение среди молодой части населения, обязательно оказывается в состоянии риска. Поэтому ФЦП «Молодёжь России» на 2015–2020 гг. должна быть действительно полнокровной.

Большинство студентов не демонстрируют стремление к самоорганизации сугубо на этнической и конфессиональной основе. Больше всего они вовлечены в студенческие общественные организации и движения, спортивные сообщества, интернет-сообщества, в творческие объединения.

О молодёжных субкультурах. Нужно отнестись к этому явлению прежде всего с позитивным настроем как к одному из явлений мировой культуры. Нужна коррекционная работа с субкультурой спортивных болельщиков, особенно в преддверии следующего чемпионата мира по футболу. Нужна господдержка структур студенческого самоуправления по формированию гражданского самосознания и культуры межнационального общения.

Жёсткая ориентация молодых людей на собственные традиции и традиционные ценности может иногда ограничивать их стремление открывать новые миры, осваивать новые языки и культуры, быть современной, инновационной личностью. Всё-таки подлинная свобода личности обретается без обязательной привязки к какой-то одной культурной норме, тем более к традиции или к группе. Сегодня нужнее ожидать от мо-

лодых инноваций, часть которых обязательно завтра станет традицией, так же как и нынешние традиции не имеют вечных корней и когда-то были инновациями.

И последнее. Поддерживаю предложение по части лучшего знания молодёжью собственной страны, её населения, в том числе и в форме бюджетных экскурсий для всех российских старшеклассников. Это может быть одна экскурсия: Байкал, Кижы или Волга – в зависимости, где живут учащиеся, и одна экскурсия, связанная с государственной символикой, это может быть Москва или Санкт-Петербург.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ДОКУМЕНТЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПРИ СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ 22 АПРЕЛЯ 2016 г.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ¹

Предлагаю поддержать проект решения, и в его последней части, которая в адрес Российской академии наук, мы готовы его выполнять. Я бы туда только добавил выполнить анализ не только современной ситуации, но и отечественного исторического опыта. Мы готовы инициировать серьезный разговор научного плана об историческом опыте как давнем, российском, потом советской и постсоветской политике.

Второе предложение – это о ФАДН, об укреплении его позиций. Конечно, штат 90 чел. – это то, с чего я как министр начинал в 1992 г., потом Сергей Михайлович Шахрай довел число сотрудников до 300, у Вячеслава Александровича Михайлова было уже около 400. В Федеральном агентстве научных организаций сейчас бегают в поиске занятий шесть сотен молодых людей. Поэтому, на мой взгляд, вполне возможна перегруппировка в рамках структур исполнительной власти. Поддерживаю положение проекта решения о координирующей роли ФАДН в сфере межэтнических отношений и национальной политики и укреплении его позиций.

Третье предложение. Поддерживаю предложение Вячеслава Александровича Михайлова о новом законе. Хотя бы начать работу по разработке проекта ФЗ. Такой рамочный закон об основах этнокультурного

¹ *Тишков Валерий Александрович* – научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

развития и государственной национальной политики надо сделать, тем более наработки у нас есть. Мы согласны помочь и всячески содействовать ФАДН в разработке государственной программы.

И что касается сферы образования. Здесь выступал представитель Министерства образования и науки. Хочу обратить внимание, что не все так безоблачно в сфере образования, потому что при укрупнении направлений (а мы потратили почти 10 лет на то, чтобы утвердить самостоятельное направление подготовки специалистов в области этнологии и антропологии), а значит, при распределении бюджетных мест, это направление фактически исчезло, поглотилось историческими науками. И никогда мы не пересилим историков и археологов, для того чтобы достойные места в вузах получить и готовить специалистов.

Поэтому надо еще раз посмотреть. Есть рекомендации Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям об укреплении поддержки подготовки в сфере этнологии, этнополитических исследований. Одной только РАНХиГС в переобучении специалистов недостаточно. Должны сначала прийти вот ребята, которые закончат вуз со специальностью «этнолог», или «социально-культурный антрополог», или «этнополитолог», а уже потом они будут проходить подготовку и переподготовку в РАНХиГС.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ НАЦИИ. Спецвыпуск 2008–2016 (51)

Журнал «Вестник Российской нации»

Учредитель и издатель:
Общероссийский союз общественных объединений
«РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

ПИ № ФС77-30657 от 19 декабря 2007 г.

Адрес редакции:
119991, Москва, Ленинский пр., 32А
Институт этнологии и антропологии РАН, каб. 1920
Тел.: (495) 545-15-01, 930-81-21. E-mail: rosnation@mail.ru
Web: www.rosnation.ru

Оформление обложки:
ОСОО «Российская нация».

Компьютерная вестка:
Схерпениссе Иветта Вячеславовна

Подписано в печать 00.00.2016
Формат 70x100/16. Печать офсетная
Объем 56 печ. л.
Тираж 1000 экз. Зак. №

Отпечатано с предоставленных готовых файлов
В полиграфическом центре ФГПУ Издательство «Известия»
Управления делами Президента Российской Федерации
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6
Телефон: (495) 650-38-80